

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Минск
РИВШ
2019

УДК 94(47/49)«18»(082)
ББК 63.3(45)6я43
Д64

Сборник основан в 2017 г.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 26 декабря 2018 г.)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук, проф. *И. А. Марзалюк* (пред.);
канд. ист. наук, доц. *С. Ф. Шимукович* (отв. за выпуск);
д-р ист. наук, проф. *В. А. Космач*;
д-р ист. наук, проф. *В. С. Кошелев*;
д-р ист. наук, проф. *Г. Г. Лазько*;
д-р ист. наук, проф. *А. М. Лютый*;
д-р истории *О. Мастяница-Станкевич* (Литва, Вильнюс);
д-р ист. наук, проф. *С. И. Никонова* (Россия, Казань);
д-р ист. наук, проф. *И. Р. Чикалова*;
д-р ист. наук, проф. *В. И. Яковчук*;
канд. ист. наук, доц. *В. А. Сосно*;
канд. ист. наук, доц. *В. А. Теплова*

Д64 «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 3 / редкол.: *И. А. Марзалюк* (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – 246 с.
ISBN 978-985-586-324-4.

Сборник научных трудов издается в рамках выполнения задания 1.1.03 «История и культура» подзадания 1.1.03.3 «Формирование элит на территории Беларуси в XIX – начале XX века» (номер госрегистрации 20160828) государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. Содержит научные статьи, в которых ученые-историки Беларуси, России, Украины и Литвы рассматривают разные аспекты развития Восточной Европы и территории современной Беларуси в интересный, насыщенный событиями исторический период, обозначенный Э. Хобсбаумом как «долгий XIX век».

Адресован профессиональным и начинающим исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей нового времени Беларуси.

УДК 94(47/49)«18»(082)
ББК 63.3(45)6я43

ISBN 978-985-586-324-4

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2019

РАЗДЕЛ 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»

Матвейчык Д. Ч.

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Мінск

Matveichyk Dz.

National Historical Archives of Belarus, Minsk

УДК [94+355.312(091)](476)«1863/1864»:930.2

ПАЛКАВЫЯ ГІСТОРЫЯ ЯК ГІСТАРЫЯГРАФІЧНАЯ З’ЯВА Ў ДАСЛЕДАВАННІ ПАЎСТАННЯ 1863–1864 гг. У БЕЛАРУСІ

HISTORIES OF REGIMENTS AS A HISTORIOGRAPHICAL PHENOMENON IN SCHOLARCHIP ON THE 1863–1864 UPRISING IN BELARUS

У артыкуле разглядаецца такі спецыфічны від прац, як палкавыя гісторыі, прысвечаныя дзейнасці асобных вайсковых адзінак (палкоў) расійскай арміі. Вылучаецца тая частка іх, што змяшчаюць звесткі па гісторыі паўстання 1863–1864 гг. у Беларусі, раскрываецца гісторыя фарміравання комплексу адпаведных прац, паказваецца іх спецыфіка, даецца ацэнка іх зместу на прадмет дакладнасці пададзеных звестак, адзначаюцца некаторыя моманты, якія неабходна ўлічваць у цяперашні час пры выкарыстанні палкавых гісторыяў у навуковых даследаваннях.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; паўстанне 1863–1864 гг.; Расійская імперыя; гістарычная крыніца; палкавая гісторыя; палітычная прапаганда.

The article investigates such specific type of works as regimental stories, dedicated to the activities of separate military units (regiments) of the Russian army. The author highlights the part of them, containing the information on the history of the 1863–64 Rebellion in Belarus, reveals the history of formation of the complex of relevant works, shows their specificity, evaluates their contents for the accuracy of presented information, highlights some issues that have to be taken into account when using the regimental stories in studies at the present time.

Keywords: historiography; 1863–1864 Uprising; Russian Empire; historical source; history of regiment; political propaganda.

У Расійскай імперыі ў XIX ст. актыўна пісаліся і выдаваліся гісторыі асобных вайсковых адзінак – як правіла, палкоў. Іх галоўная мэта – прапагандысцкая – паказаць у якаў больш станоўчым святле дзейнасць расійскай арміі і яе жаўнераў у разнастайных войнах і ваенных кампаніях. Як пісалася ў адным з такіх твораў – памятцы лейб-драгунскага палка, «апісанне жыцця палка называецца яго гісторыяй, кароткі пераказ гісторыі – памятка, а само слова памятка значыць, што ўсё, у ёй запісанае, кожнаму лейб-драгуну трэба ўтрымаць у памяці, каб заўжды памятаць, дзе і як вылучыўся родны яму полк» [20, с. 5].

Усяго да 1917 г. было выдадзена некалькі соцень такіх прац, што складае асобны пласт гістарыяграфіі. Пласт у пэўным сэнсе ўнікальны, бо адпаведныя працы з’яўляюцца амаль адзінымі ў сваім родзе ў дэрэвалюцыйны перыяд, дзе разглядаўся такі бок, як непасрэдныя баявыя дзеянні. Усё гэта ў поўнай меры тычыцца таксама даследавання паўстання 1863–1864 гг. Справа ў тым, што ўсе комплексныя ці аглядныя працы па гісторыі паўстання, выпушчаныя расійскімі гісторыкамі ў гэты час (аўтарства Васілія Ратча, Мікалая Бэрга, Паўла Бранцава, Аляксея Сідарава і інш.), дадзенай праблеме надавалі вельмі слабую ўвагу, у асноўным канцэнтруючыся на палітычным баку і на змяненнях, якія ўносіліся ў палітыку імперыі. У сваёй пераважнай большасці ў іх закрэпаюцца толькі найбольш маштабныя ваенныя сутыкненні (напрыклад, бітва ля мястэчка Сямяцічы Бельскага павета альбо дзеянні супраць злучэння Зыгмунта Серакоўскага ў Ковенскай губерні), ды і тое вельмі павярхоўна, а асноўная частка баёў і сутычак, як і іх удзельнікаў, не разглядаецца і нават не згадваецца.

Працы, створаныя ў вышэйзгаданым накірунку, моцна розняцца паміж сабой, у сувязі з гэтым іх варта ўмоўна падзяляць на некалькі груп. Крытэрыямі для такога падзелу выступаюць аб’ём выдання і, адпа-

ведна, колькасць пададзеных у ім звестак, якая ў сваю чаргу з'яўляецца вынікам шырыні кола выкарыстаных крыніц:

- так званыя «памяткі» – як правіла, невялікія брашуры (да 50 старонак) з мінімальным наборам гістарычных звестак і багатай эмацыянальнай рыторыкай, разлічаныя ў першую чаргу на ніжэйшыя чыны;
- «кароткія гісторыі», у якія ўключана значна большая колькасць звестак і меншая колькасць прапагандысцкай рыторыкі, але якія рэдка перасягаюць аб'ём у 300 старонак;
- уласна «гісторыі» – аб'ёмныя працы (да некалькіх тамоў), заснаваныя на вялікай колькасці разнастайных гістарычных крыніц, якія з'яўляюцца вынікам паўнавартасных маштабных навуковых даследаванняў, хоць не пазбаўленыя прапагандысцкага складніку і тэндэнцыйнай інтэрпрэтацыі факталогіі.

Хаця, варта паўтарыцца, дадзены падзел і назвы груп будуць з'яўляцца ўмоўнымі, бо, па-першае, існуе вялікая колькасць памежных выданняў, якія могуць быць аднесены і да адной, і да другой групы, і, па-другое, пад вышэйпрыведзенымі назвамі могуць фігураваць выданні з іншай групы (напрыклад, пад назвай «Гістарычная памятка» выдадзена кароткая гісторыя 38-га Уладзімірскага драгунскага палка аб'ёмам каля 200 старонак). У назвах выданняў могуць фігураваць таксама тэрміны «нататнік» (рус. – «записная книжка»), «летапіс», «гістарычны нарыс» (альбо сінанімічнае «нарыс гісторыі»), «хроніка», «матэрыялы для гісторыі», «дадатка да гісторыі», «дзеяснасць» і нават «баявыя подзвігі», «баявая слава», «баявое жыццё» і да т. п.

У падаўленні паўстання 1863–1864 гг. удзельнічала большая палова расійскай арміі, якая мелася на той час, таму адпаведныя звесткі ўключаны ў дастаткова вялікую колькасць палкавых гісторый. Найлепей у такіх працах адлюстраваны, варта паўтарыцца, ваенны бок паўстання – дыслакацыя і перамяшчэнні па тэрыторыі, даты і месцы сутычак, панесеныя і нанесеныя страты, змены ў кадравым складзе, атрыманія ўзнагароды і інш. Сярод іх значная частка тычыцца гісторыі паўстання ў Беларусі.

У апошнія дзесяцігоддзі ўзрасла цікавасць да гісторыі паўстання ў цэлым, таму гісторыкі шукаюць новыя крыніцы для сваіх даследаванняў. Адпаведна, да палкавых гісторый, якія да нядаўняга часу былі практычна неведомыя беларускім навукоўцам, звяртаюцца ўсё часцей як да гістарыяграфічных крыніц, адкуль чэрпаюцца звесткі. Аднак нярэдка запазычванні адбываюцца механічным чынам – шляхам

простага перапісвання звестак без іх крытычнага аналізу. Гэта вымушае паказаць працэс складання комплексу палкавых гісторый, у якія ўключаны звесткі па гісторыі паўстання ў Беларусі, і прааналізаваць іх на прадмет ацэнкі гістарыяграфічнай каштоўнасці іх зместу.

Працэс фарміравання комплексу палкавых гісторый, куды ўключаны звесткі па гісторыі паўстання ў Беларусі, адбываўся нераўнамерна і на розных этапах меў свае асаблівасці. У 1860–1870-я гг. звесткі пра паўстанне ў Беларусі ўключаліся ў дастаткова невялікую колькасць прац. Храналагічна найбольш ранней з таго комплексу, які разглядаецца ў гэтым артыкуле, варта прызнаць невялікую брашуру з апісаннем дзейнасці лейб-гвардыі драгунскага палка непасрэдна падчас паўстання, якая выйшла ў 1865 г. [11]. У асноўным яна закранае знаходжанне і сутычкі палка ў Ковенскай губерні, але змяшчае некаторыя згадкі пра дзейнасць у Віленскай (Ашмянскі, Вількамірскі, Троцкі паветы) і Віцебскай (Дынабургскі павет) губернях.

Найбольш грунтоўнай працай гэтага перыяду (ды і не толькі) стала «Гісторыя лейб-гвардыі Паўлаўскага палка», складзеная яго афіцэрамі Паўлам Воранавым і Уладзімірам Бутоўскім і выпушчаная ў свет у 1875 г. Яна грунтавалася на матэрыялах з цэлага шэрагу архіваў (палкавога, ваенна-навуковага, канцылярыі ваеннага міністэрства і інш.), а таксама апублікаваных нататак, артыкулаў і ўспамінаў. Некалькі раздзелаў прысвечаны дзейнасці палка ў Віленскай губерні (штаб палка знаходзіўся ў Вільні), асабліва ў Лідскім павеце супраць паўстанцкіх атрадаў Людвіка Нарбута, Фелікса Віславуха і Аляксандра Парадоўскага ўвесну і ўлетку 1863 г. [2, с. 405–446]. Тут разглядаюцца не толькі непасрэдна ваенныя дзеянні, але і паказана становішча ў Вільні падчас паўстання, ахарактарызаваны адносіны да выступлення розных саслоўяў, дадзены ацэнкі дзейнасці некаторых асоб (Міхаіла Мураўёва і інш.) і г. д.

Вялікі стымул для напісання палкавых гісторый дала пераможная для Расіі ў ваенным плане руска-турэцкая вайна 1877–1878 гг., што стварала дадатковыя магчымасці для дзяржаўнай прапаганды праз дэманстрацыю ваенных поспехаў. У выніку ў 1880-я гг. выйшаў цэлы шэраг прац, куды, сярод іншага, ўключаны звесткі пра падзеі паўстання ў Беларусі.

У 1883 г. з’явілася праца Мікалая Геніева па гісторыі Пскоўскага пяхотнага палка, у якой асобны раздзел прысвечаны дзейнасці супраць паўстанцаў у паўднёвай частцы Гродзенскай губерні і сумеж-

ных тэрыторыях Царства Польскага [4, с. 298–310]. Крыніцамі для яго напісання сталі дакументы з архіва палка і «Ваенна-навуковага архіва». Сярод іншага, у раздзеле разглядаюцца дзеянні расійскіх войскаў супраць паўстанцкіх атрадаў Рамана Рагінскага і Фелікса Улодака, і ў цэлым апісанне пра падзеі 1863 г. (перамяшчэнні па тэрыторыі, сутычкі з паўстанцамі, колькасць забітых і параненых і інш.) дастаткова падрабязнае.

У 1888 г. выйшаў трэці том «Гісторыі лейб-гвардыі Праабражэнскага палка», дзе частка чацвёртага раздзела прысвечана асвятленню ўдзелу палка ў баявых дзеяннях супраць паўстанцаў у Віленскай (Віленскі і Ашмянскі паветы) і Аўгустоўскай губернях [9, с. 294–336]. У працы таксама разглядаюцца і некаторыя іншыя аспекты, напрыклад, вобшук усяго горада Вільні пасля замаху на жыццё віленскага губернскага маршалка Аляксандра Дамейкі, агляды і парады палка, прыводзяцца тэксты некаторых дакументаў.

У 1889 г. была выдадзена «Хроніка лейб-гвардыі Маскоўскага палка», складзеная яго палкоўнікам Аляксандрам Ляпуновым на падставе вялікай колькасці дакументальных матэрыялаў. Яна моцна насычана факталагічнымі звесткамі, якія пры гэтым не паддадзены якой-небудзь істотнай сістэматызацыі за выключэннем іх падачы ў храналагічным парадку. Сярод іншага ў ёй маюцца звесткі пра дзейнасць супраць паўстанцаў у Лідскім і Троцкім паветах, у тым ліку супраць атрада Л. Нарбута [14, с. 254–266].

Таксама неабходна згадаць пра выхад другога выдання «Гісторыі лейб-гвардыі Паўлаўскага палка», якое ў апісанні падзей паўстання практычна не адрозніваецца ад першага, за выключэннем некаторых структурных змен [3, с. 219–246].

У цэлым палкавыя гісторыі 1880-х гг. вылучаюцца значным аб’ёмам, падрабязным разглядам падзей і шырокім выкарыстаннем запазычаных з крыніц звестак. У выніку ў навуковы ўжытак уводзілася вялікая колькасць фактаграфіі, якая тычылася ў першую чаргу баявых дзеянняў.

З 1890-х гг. традыцыя напісання палкавых гісторыяў толькі ўмацоўвалася, і колькасць адпаведных прац становілася ўсё большай. Сярод іх варта назваць «Гісторыю лейб-гвардыі егерскага палка за сто гадоў», якая змяшчае звесткі пра некаторыя баявыя дзеянні ў Віленскай губерні (Троцкі і Лідскі паветы) [8, с. 345–350]; другі том «Гісторыі 2-га Драгунскага С.-Пецяярбургскага генерал-фельдмарша-

ла князя Меншыкава палка», дзе змешчана апісанне дзейнасці палка ў Ковенскай і заходняй частцы Гродзенскай губерні, у тым ліку пра ўдзел у баі ля мястэчка Сяміцічы Бельскага павета (самага маштабнага падчас паўстання) [10, с. 450–484].

Асаблівую цікавасць мае праца Георгія Макрынскага «Гісторыя 113-га Старарускага палка», якая значную ўвагу надае дзейнасці 4-га батальёна Чарнігаўскага палка (з якога ў далейшым вырасце ўласна Старарускі) супраць паўстанцаў у Магілёўскай і Мінскай губернях [17, с. 211–260]. У прыватнасці тут падрабязна прасочваюцца рознага кшталту перамяшчэнні батальёна, сутычкі з паўстанцамі і інш. Так, тут змешчана апісанне бою ля маёнтка Тошчыца Рагачоўскага павета, дзе павінен быў сабрацца рагачоўскі паўстанцкі атрад пад камандаваннем Тамаша Грыневіча.

Працягвалі з’яўляцца кароткія палкавыя гісторыі, напрыклад, аўтарства Канстанціна Мрачкоўскага пра Стараінгерманландскі пяхотны полк, дзе маюцца некаторыя звесткі пра яго дзейнасць у 1863 г. у Навагрудскім павеце [18, с. 80–82]. Таксама варта згадаць пра «Памятку...» Маскоўскага палка, дзе паўстанню прысвечаны паўтары старонкі, але амаль выключна публіцыстычнага тэксту [21, с. 27–28].

Неабходна згадаць гісторыю 12-га пяхотнага Велікалуцкага палка (1911 г.), які дзейнічаў у Мінскай, Віленскай і Гродзенскай губернях, у тым ліку ўдзельнічаў у баях ля вёскі Азярцы Ігуменскага павета супраць слуцкага паўстанцкага атрада, ля вёскі Юравічы таго ж павета супраць ігуменска-мінскага атрада, ля вёскі Глыбокі Кут Пружанскага павета супраць некалькіх аб’яднаных атрадаў Гродзенскай губерні, і інш. [13, с. 37–39]. У гэтым жа годзе выйшла праца Феадосія Ружанцова па гісторыі 2-га пяхотнага Сафійскага палка, якая змяшчае кароткія звесткі пра яго дзейнасць у Гродзенскай губерні – адзін абзац тэксту з пералікам чатырох сутычак, у якіх ён удзельнічаў з вясны па восень 1863 г. [26, с. 19–20]. Пэўную цікавасць мае праца Дзмітрыя Казлова, прысвечаная Яраслаўскаму пяхотнаму палку (1913 г.), дзе маюцца кароткія звесткі пра яго дзейнасць у 1863 г. у Магілёўскай і Мінскай губернях – бой ля вёскі Лочын Ігуменскага павета, разбіццё паўстанцкай групы Льдэфонса Анцыпы ў Быхаўскім павеце і інш. [12, с. 55–57].

Цэлы шэраг прац быў выпушчаны ў 1890–1913 гг. Аляксеем Пірожнікавым па гісторыі 10-га пяхотнага Новаінгерманландскага палка [22;

23; 24; 25], самай аб'ёмнай з якіх была апошня. У ёй маецца асобны раздзел, прысвечаны разгляду дзейнасці палка ў Мінскай, Гродзенскай і Віленскай губернях [25, с. 185–296]. Тут маецца апісанне сутычак на мызе Свечкі Вілейскага павета, дзе быў разбіты паўстанцкі атрад пад камандаваннем Юльяна Бакшанскага, ля вёскі Любкі (іншая лакалізацыя – ля мястэчка Іжа) Вілейскага павета супраць вілейска-свянцянскага атрада і вялікая колькасць іншых. Тут жа маюцца іменныя спісы афіцэраў палка, згаданы шматлікія расійскія вайскоўцы, якія ўдзельнічалі ў ваенных дзеяннях у 1863 г., падрабязна прасочаны перамяшчэнні асобных падраздзяленняў палка (рот, батальёнаў) і інш. Увогуле, гэтая праца – адна з самых інфармацыйна насычаных з усіх, дзе згадваецца паўстанне ў Беларусі.

Вышэй прыведзенымі спіс палкавых гісторый, у якія ўключаны звесткі пра падзеі паўстання ў Беларусі, не абмяжоўваецца. Усяго да 1917 г. іх было выпушчана некалькі дзясяткаў.

Што ж тычыцца асаблівасцяў выкарыстання палкавых гісторый у навуковых даследаваннях у цяперашні час, то тут варта адзначыць некалькі момантаў.

Па-першае, наконт дакладнасці звестак, змешчаных у палкавых гісторыях, варта адзначыць адзінае – яны ўсе патрабуюць верыфікацыі і параўнання з іншымі незалежнымі крыніцамі. Нават у межах адной працы могуць прысутнічаць як тыя, што пацвярджаюцца іншымі матэрыяламі, так і тыя, што імі абвяргаюцца. Варта прывесці для прыкладу працу А. Пірожнікава, у цэлым добра падрыхтаваную і з вялікай колькасцю канкрэтыкі. Сярод іншага, у ёй маецца апісанне бою ля вёскі Азярцы Ігуменскага павета наступнага зместу: «Прасоўваючыся наперад, стралковы ланцуг хутка заўважыў мяцежнікаў, якія адкрылі агонь з занятых імі кустоў. Перастрэлка працягвалася каля чвэрці гадзіны. Непрыяцель не вытрымаў і пачаў уцякаць, пераследаваны казакамі, якія былі ў атрадзе. У гэтым жа баі з нашага боку забіты адзін казак і адзін конь і паранены гарніст, які хутка памер. Непрыяцель заплаціў тут трыма забітымі і чатырнаццаццю параненымі. Апрача таго, 37 чалавек трапілася ў палон. Разбягаючыся, мяцежнікі пакінулі на полі бітвы 73 стрэльбы, 17 коней і баявы рыштунак» [25, с. 290]. Гэтае апісанне амаль цалкам адпавядае іншаму, зробленаму ваенным начальнікам Слуцкага павета палкоўнікам Арцёміем Астахавым, якое ён зрабіў у рапарце на імя мінскага цывільнага губернатара Аляксандра Кажэўнікава, што захавалася ў фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі:

«Падышоўшы на 50 крокаў, заўважыў іх у густых кустах. Адкрыўшы агонь, узмацніўшы пры гэтым ланцуг, адбыўся непрацяглы, але ўпарты бой. Пры першых стрэлах праціўнік страціў свайго начальніка, адстаўнога капітана артылерыі памешчыка Машэўскага. Паводле словаў палонных, яго страта і шматлікасць ахвяр каля сябе ад трапнага і частага агню стралкоў прывялі іх у поўную збянтэжанасць. Пакінуўшы сваю пазіцыю, яны пусціліся наўцёкі праз паляну. Тут спадар Драгапула загадаў казакам кінуцца ў атаку. Тады мяцежнікі, пабегшы да балота, пачалі кідаць усялякую сваю зброю і хавацца ў лес. З той прычыны, што ўсё гэта адбывалася позна ўвечары, далейшае пераследванне было немагчымым. Страты мяцежнікаў, трэба меркаваць, значныя, з іх забіта на месцы, паранена 14 і ўзята ў палон 31. З нашага боку забіты 1 казак, цяжка паранены 1 гарніст, які памёр на наступны дзень. Пры гэтым узята: стрэльбы, пісталеты, шаблі, косы, порах, кулі, свінец, коні, ведамасць на якіх да гэтага дадаў» [19, арк. 7–10].

Як бачна, уся розніца ў апісаннях заключаецца ў колькасці палонных, якая можа быць вынікам проста памылковага расчытання лічбы «37» пры складанні кнігі (хаця ў дададзеным самім жа А. Асташавым іменным спісе палонных маюцца 33 пазіцыі [19, арк. 11–12 адв.]). Ва ўсім астатнім змешчаныя двума расійскімі афіцэрамі звесткі цалкам адпавядаюць адныя другім, хоць таксама бачна, што тэксты з'яўляюцца ўзаеманезалежнымі. Аднак ужо на наступнай старонцы працы А. Пірожнікава маецца апісанне іншага бою, зробленае наступным чынам: «Шайка Дубоўскага (ён жа Дыбоўскі) <...> 2-га траўня была дагнана 3-й ротай Новаінгерманландскага палка капітана Антонава. Ля м. Янаўка Ігуменскага павета яна пачала ўцякаць, страціўшы 12 чалавек забітымі, сярод якіх быў і сам Дубоўскі» [25, с. 291]. Гэтае апісанне ўжо змяшчае некалькі памылак. Па-першае, назва мястэчка не Янаўка, а Валяр'яны (Валяр'янава) (у цяперашні час – вёска Любяцкага с/с Уздзенскага раёна Мінскай вобласці). Па-другое, камандзір атрада Павел Дыбоўскі не загінуў у гэтым баі, а яшчэ доўга камандаваў атрадам, пасля паўстання жыў у эміграцыі, у ссыльцы і на радзіме і памер пасля 1882 г. [16, с. 209]. Апрача таго, застаецца сумнеўнай лічба забітых паўстанцаў, бо Валерыян Валодзька, які ўваходзіў у склад атрада і бачыў падзею на ўласныя вочы, у сваіх успамінах увогуле не паведамляе ні пра якіх-небудзь загінулых, ні пра бой як такі [30, с. 220–221]. Адзінае, у чым абодва апісанні сыходзяцца, гэта – хуткія ўцёкі паўстанцаў. На тое, што сутычка не мела такіх маштабаў і вынікаў, як напісана А. Пірожнікавым,

ускосна ўказваюць таксама ўспаміны Апалінарыя Свентарэцкага, які таксама знаходзіўся ў атрадзе П. Дыбоўскага і ва ўспамінах якога яна нават не згадваецца [31].

Менавіта гэтая рыса яскрава ўказвае на тое, што бескрытычнае выкарыстанне палкавых гісторый як гістарыяграфічных крыніц і прамое запазычванне звестак з іх з'яўляюцца на сённяшні дзень памылковым у метадычным плане і недапушчальным.

Па-другое, пры пошуку неабходных звестак пра дзейнасць тых ці іншых палкоў неабходна ўлічваць той факт, што ў 1863 г. расійская армія знаходзілася ў стадыі сваёй рэарганізацыі, у якую падзеі паўстання ўнеслі свае карэктывы. Адною са складовых частак дадзенага працэсу было змяненне назваў палкоў і стварэнне новых адзінак.

Напрыклад, расійскі падпалкоўнік (на 1863 г.) Сяргей Зыкаў у сваіх мемуарах паведамляе, што ў 1863 г. ён дзейнічаў супраць атрада паўстанцаў пад камандаваннем Баляслава Свентарэцкага і Станіслава Ляскоўскага ў Ігуменскім павеце «са сваімі дзвюма ротамі Смаленскага і Арлоўскага палкоў» [6, с. 363]. Палкавыя гісторыі двух згаданых палкоў былі выдадзены: першага ў 1901 г. [15] і другога ў 1911 г. [5]. Аднак у іх адсутнічаюць звесткі пра тое, што яны дзейнічалі ў Ігуменскім павеце і ўвогуле ў Беларусі ў 1863 г. – першы з іх дзейнічаў у Царстве Польскім, другі – на тэрыторыі Украіны. Справа ў тым, што ўвесну 1863 г. абодва палкі зведалі значную рэарганізацыю. Так, з 4-га рэзервовага батальёна Смаленскага пяхотнага палка, а таксама з яго 5-га і 6-га батальёнаў, складзеных з новых рэкрутаў і выкліканых з рэзерву бестэрмінова адпушчаных жаўнераў, быў сфарміраваны асобны Смаленскі пяхотны рэзервовы полк, які ў жніўні 1863 г. быў перайменаваны ў Яраслаўскі пяхотны і ўвесну 1864 г. атрымаў нумар 117. І ў палкавой гісторыі Яраслаўскага палка сапраўды, як ужо сказана вышэй, падаюцца кароткія звесткі пра дзейнасць супраць паўстанцаў на тэрыторыі Беларусі. Тое ж самае тычыцца Арлоўскага пяхотнага палка – паводле такой жа схемы з яго часткі ў красавіку 1863 г. быў сфарміраваны Арлоўскі пяхотны рэзервовы полк, які ў жніўні перайменаваны ў Варонежскі пяхотны і ўвесну 1864 г. атрымаў нумар 124. Хаця палкавая гісторыя апошняга напісана не была. Аналагічная сітуацыя назіраецца з Малаяраслаўскім пяхотным палком, які «вырас» з Крэменчускага і з красавіка па жнівень 1863 г. называўся Крэменчускім рэзервовым. У хроніцы і памятцы Малаяраслаўскага пяхотнага палка маюцца кароткія звесткі пра дзейнасць супраць паўстанцаў [1; 29].

Па-трэцяе, звесткі пра адзін і той жа бой могуць змяшчацца ў некалькіх палкавых гісторыях. Гэта вынікае з таго факту, што падчас паўстання асобныя роты палкоў былі размешчаны па дастаткова разлеглай прасторы, пры частых перамяшчэннях у пагонях за паўстанцкімі атрадамі ахоплівалі яшчэ большую тэрыторыю, а таму часта пераходзілі на месцы дыслакацыі суседніх палкоў і дзейнічалі разам з іх структурнымі адзінкамі, утвараючы на кароткі час зводныя групы (атрады), падпарадкаваныя адзінаму камандзіру. Так, звесткі пра бой ля вёскі Уладыкі Вілейскага павета ўключаны ў гісторыю Велікалуцкага [13, с. 38] і Новаінгерманландскага [25, с. 291] палкоў. Прычым паміж імі маецца розніца ў некаторых звестках, напрыклад, у колькасці панесеных страт. Так, гісторыя Вялікалуцкага палка паведамляе пра 14 расійскіх вайскоўцаў (называюцца паіменна), якія загінулі пад Уладыкамі, і 29 параненых, а А. Пірожнікаў у гісторыі Новаінгерманландскага – пра 7 забітых і 33 параненых. Пры гэтым А. Пірожнікаў падае неверагодную лічбу страт паўстанцаў – нібыта 70 чалавек былі забіты і 80 патанулі ў рацэ (прытым, што рака Ілія, на беразе якой адбываўся бой, не вылучаецца шырынёй і глыбінёй). Гісторыя ж Вялікалуцкага палка ўвогуле не паведамляе пра страты паўстанцаў. Хаця з іншага боку абодва паведамленні абвяргаюць сцвярджэнне пра тое, што паўстанцкі атрад быў атакаваны падчас пераправы (гл., напрыклад, манаграфію Анатоля Смірнова [28, с. 214]). Так, паводле А. Пірожнікава, да пачатку бою паўстанцы «перайшоўшы ўброд р. Ілію, занялі ў невялікім лесе выгядную пазіцыю»; паводле аўтара гісторыі Вялікалуцкага палка, паўстанцкі атрад «стаяў лагерам ля вёскі Уладыкінай Вілейскага павета».

Таксама ў абодва творы ўключаны звесткі пра вышэйзгаданы бой ля в. Азярцы, але ў вельмі розным аб'ёме – А. Пірожнікаў апісвае яго, як паказана вышэй, дастаткова падрабязна, а гісторыя Велікалуцкага палка абмяжоўваецца адной фразай «21 красавіка 1-я стралковая рота пераследала шайку інсургентаў ля в. Азярцы» [13, с. 37], хаця камандаваў зводным атрадам расійскіх вайскоўцаў менавіта афіцэр Велікалуцкага палка – падпалкоўнік Іван Драгапулаў. Прычым на конт абставінаў фарміравання зводнага атрада А. Пірожнікаў пакідае цікавае паведамленне – «сустрэча гэтая адбылася цалкам выпадкова» [25, с. 290].

Аналагічны прынцып неабходна ўжываць пры пошуку звестак пра дзейнасць некаторых паўстанцкіх атрадаў, якія перамяшчаліся па дастаткова значных тэрыторыях і таму траплялі ў поле ўвагі розных палкоў. Таксама неабходна ўлічваць нярэдку ратацыю расійскіх

войскаў, калі на адных і тых жа тэрыторыях у розны час дзейнічалі розныя вайсковыя адзінкі. Напрыклад, сутычкі з атрадам Людвіка Нарбута ў Лідскім павеце адлюстраваны ў вышэйзгаданых гісторыі Паўлаўскага і хроніцы Маскоўскага лейб-гварды палкоў.

Па-чацвёртае, у некаторых гісторыях звесткі пра дзейнасць палкоў падчас паўстання проста адсутнічаюць. Напрыклад, улетку 1863 г. у Ашмянскім павеце знаходзіліся часткі Астраханскага грэнадзёрскага палка [9, с. 320], аднак у яго палкавой гісторыі, якая выйшла ў 1889 г. [27], няма ані слова пра падзеі паўстання і пра дзейнасць падчас яго. Тое ж самае тычыцца 119-га Каломенскага пяхотнага палка, які быў сфарміраваны ў 1863 г. з частак Алексапольскага пяхотнага і дзейнічаў у Магілёўскай і Мінскай губернях – у яго памятцы ад 1891 г. удзел у задушэнні паўстання нават не згаданы [7], хаця рота менавіта гэтага палка 28 красавіка 1863 г. разбіла магілёўскі (чарнаруцкі) паўстанцкі атрад ля вёскі Славені Сенненскага пав. Верагодна, аўтары такіх гісторый альбо не мелі неабходных дакументаў для ўключэння ў свае творы адпаведных тэматычных блокаў, альбо не лічылі ўдзел у кампаніі 1863–1864 гг. дастаткова важным, у параўнанні з удзелам у іншых кампаніях (напрыклад, у руска-турэцкай вайне 1877–1878 гг.), каб надаваць яму хоць нейкую ўвагу.

Такім чынам, палкавыя гісторыі з’яўляюцца важнай і неад’емнай часткай расійскай дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі. Іх выкарыстанне з’яўляецца абавязковым пры правядзенні маштабных навуковых даследаванняў і напісанні комплексных прац па гісторыі паўстання 1863–1864 гг. у Беларусі. У іх найлепей адлюстраваны ваенны бок паўстання – баявыя дзеянні. Аднак з прычыны некрытычнага стаўлення іх аўтараў да крыніц у іх змест трапіла вялікая колькасць неправераных і памылковых звестак. Таму механічнае запазычванне з іх складу неабходнага матэрыялу з’яўляецца недапушчальным на цяперашні час. Пры правядзенні эўрыстычнай работы падчас даследаванняў таксама неабходна ўлічваць асаблівасці рэарганізацыі расійскай арміі ў 1860-х гг., акалічнасці дзейнасці яе структурных адзінак падчас паўстання, а таксама спецыфіку складання саміх палкавых гісторый.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Борисов, В. Е.* Хроника 116-го пехотного Малоярославского полка: Выписка из «Исторического журнала» 116-го Пехот. Малояросл. полка, хранящегося в Полковом музее / В. Е. Борисов. – Рига, Гагенсберг: тип. И. Больц, [190?]. – 22 с.

2. *Воронов, П. Н.* История Лейб-гвардии Павловского полка. [1726–1875] / П. Н. Воронов, В. Д. Бутовский. – Санкт-Петербург: тип. М. Эгтингера, 1875. – 619 с.

3. *Воронов, П. Н.* История лейб-гвардии Павловского полка. 1790–1890: в 2 ч. / П. Н. Воронов [и др.]. – Санкт-Петербург: [б/и], 1890. – 519 с. разд. паг., 43 л. цв. ил.

4. *Гениев, Н. И.* История Псковского пехотного, генерал-фельдмаршала князя Кутузова Смоленского полка. 1700–1881 / Н. И. Гениев. – Москва: тип. А. Иванова, 1883. – [437] с., портр., ил., карт.

5. *Зеленко, К. В.* Краткий исторический очерк двухсотлетней службы 36-го пехотного Орловского полка / К. В. Зеленко. – Кременчуг: тип. И. А. Диковского, 1911. – 212 с. с ил.; 4 л. портр.

6. *Зыков, С. П.* Наброски из моей жизни / С. П. Зыков // Русская старина. – Т. 142. – № 5. – С. 349–372.

7. Историческая памятка 119-го Коломенского пехотного полка / сост. поручик Островский. – Минск: Типо-литография Б. Н. Соломонова, 1891. – 28 с.

8. История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896: в 2 ч. – Санкт-Петербург: Тип. Тренке и Фюсно, 1896. – 524+189+171 с.

9. История Лейб-гвардии Преображенского полка. – Т. 3: 1801–1883 / сост. С. Долгов [и др.]; рис. виньеток проф. А. Шарлеманя. – Санкт-Петербург: Издание Лейб-гвардии Преображенского полка, 1888. – 696 с.

10. *Каменский, Е. С.* История 2-го Драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка. 1707–1898 гг. / Е. С. Каменский. – Т. 2. – Москва: тип. Вильде, 1900. – VIII, 624, 93, [5] с., 31 л. ил., карт.

11. *Ковалевский, М. А.* Поход лейб-гвардии драгунского полка 1863 года в Виленский военный округ. – Санкт-Петербург: тип. А. А. Краевского, 1865. – 28 с.

12. *Козлов, Д. Ф.* Краткая боевая история 117 пехотного Ярославского полка 1763–1913 гг. / Д. Ф. Козлов. – Рогачёв: тип. насл. Залкинда, [1913]. – 90 с., 5 л. ил.

13. Краткая история 12-го пехотного Великолуцкого полка: в 2 ч. – Москва: тип. Штаба Закаспийск. обл., [1911]. – 334, III с., 24 л. ил., карт.: ил.

14. *Ляпунов, А. Я.* Хроника лейб-гвардии Московского полка. 1811–1879 / А. Я. Ляпунов. – [б/м]: Канцелярия Лейб-гвардии Московского полка, 1889. – 395 с.

15. *Максутов, В. П.* История 25-го пехотного Смоленского полка за два века его существования. (1700–1900) / В. П. Максупов. – Санкт-Петербург: [б/и], 1901. – 115 с.

16. *Матвейчык, Д. Ч.* Удзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / Д. Ч. Матвейчык. – Мінск: Беларусь, 2016. – 735 с.

17. *Мокринский, Г.* История 113-го Старорусского пехотного полка (1796–1896) / Г. Мокринский. – Санкт-Петербург: тип. И. Гольдберга, 1900. – 453 с.

18. *Мрочковский, К. И.* Краткая история 9-го пехотного Староингерманландского генерал-фельдмаршала Михаила Голицина полка. Для нижних чинов. 1703–1892 / К. И. Мрочковский. – Москва: Типо-лит. В. А. Просина, 1892. – [4], 123 с. с ил., 2 л. ил.

19. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 1537. – Рапарты ваеннага начальніка і земскага спраўніка Слуцкага павета, жыцінскага благачыннага Бабруйскага павета аб з’яўленні паўстанцкіх атрадаў у паветах. 26.05.1863–15.09.1864. – 30 арк.

20. Памятка лейб-драгуна. 1814–1914 / сост. И. М. Кучевский. – Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. – 78 с.: ил.

21. *Пестриков, Н. С.* Памятка нижних чинов лейб гвардии Московского полка / Н. С. Пестриков. – Санкт-Петербург: тип. Глазунова, 1903. – 45 с.

22. *Пирожников, А. И.* К столетнему юбилею 10-го пехотного Новоингерманландского полка. 1790–1890 гг. / А. И. Пирожников. – Нижний Новгород: [б/и], 1890. – 164 с.

23. *Пирожников, А. И.* Краткая история 10-го пехотного Новоингерманландского полка / А. И. Пирожников. – Калуга: [б/и], 1894. – 335, 2 с.; 2 л. план., портр.

24. *Пирожников, А. И.* Памятка новоингерманландца. 1790–1909 гг. / А. И. Пирожников. – Тула: электропеч. и тип. И. Д. Фортунатова насл., 1909. – 48 с.: ил.

25. *Пирожников, А. И.* История 10-го Пехотного Новоингерманландского полка / А. И. Пирожников. – Тула: Электропеч. и тип. И. Д. Фортунатова насл., 1913. – [2], 4, 426, 4 с., 1 л. ил., 4 л. карт.

26. *Руженцов, Ф.* Краткая история 2-го Пехотного Софийского императора Александра III полка за сто лет его существования: 17 янв. 1811 г. / Ф. Руженцов. – 17 янв. 1911 г. – Смоленск: Губ. тип., 1911. – 24 с.: портр.

27. *Саранчов, Е. Е.* 12-й гренадерский Астраханский Его Величества полк в походно-боевой службе Царю и Отечеству: Чтения для солдат / Е. Е. Саранчов. – Москва: Типо-литография Высочайше утвержд. т-ва И. Н. Кушнеров и К°, 1889. – VII, 208, 41 с. с ил.; 19 л. карт, портр.

28. *Смирнов, А. Ф.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии / А. Ф. Смирнов. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 392 с.

29. *Тимошенко, В. В.* Боевая служба 116-го Малоярославского полка / В. В. Тимошенко. – Рига: тип. газ. «Rigaer Tageblatt» (В. Шефферса), 1897. – 32 с.

30. *Koszczyz, W.* Wspomnienia z powstania województwa mińskiego w r. 1863 / W. Koszczyz. // Polska w walce. Zbiór wspomnień i pamiątek z dziejów naszego wyjarzmienia / Wydał A. Giller. – T. 2. – Kraków: A. Nowolecki, 1875. – S. 182–315.

31. *Kowalewska, Z.* Ze wspomnień wygnańca [Apolinarego Świętorzeckiego z roku 1863] / Z. Kowalewska. – Wilno: Józef Zawadzki, 1911. – 262 s.

(Дата паступлення: 07.12.2019).

Мікалаева Л. В.

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі», Мінск

Mikalayeva L.

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 930(438)

**ПОГЛЯД НА МАСКОЎСКА-ЛІТОЎСКІЯ ПАЛІТЫЧНЫЯ
КАНФЛІКТЫ ў КАНЦЫ XIV – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ
XVI СТАГОДДЗЯ ў ПОЛЬСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ
XIX СТАГОДДЗЯ**

**A LOOK AT THE MOSCOW-LITHUANIAN POLITICAL
CONFLICTS AT THE END OF THE XIV – THE FIRST HALF
OF THE XVI CENTURY IN POLISH HISTORIOGRAPHY
OF THE XIX CENTURY**

У артыкуле аналізуюцца ключавыя даследаванні польскіх гісторыкаў XIX ст., у якіх быў прадстаўлены погляд на спецыфіку палітычных канфліктаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Вялікім Княствам Маскоўскім у канцы XIV – першай палове XVI ст. Робіцца вывад, што ўсходні напрамак знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага разглядаўся ў польскай гістарыяграфіі XIX ст. скрозь прызму існаваўшай з 1385 г. польска-літоўскай уніі. Гэта ўплывала на ацэнку польскімі даследчыкамі падзей у ходзе іматлікіх маскоўска-літоўскіх палітычных канфліктаў, якія з канца XV ст. прывялі да пяці войнаў паміж Вялікім Княствам Маскоўскім і Вялікім Княствам Літоўскім і значных страт тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; знешняя палітыка; Вялікае Княства Літоўскае; Вялікае Княства Маскоўскае; адносінны; супярэчнасці; палітычныя канфлікты.

The article analyzes key studies of Polish historians of the XIX century, which presented a look at the specifics of political conflicts between the Grand Duchy of Lithuania and the Grand Duchy of Moscow at the end of the XIVth – first half of the XVIth centuries. It is concluded that the eastern direction of the foreign policy of the Grand Duchy of Lithuania was considered in Polish historiography of the XIXth century. through the prism of the Polish-Lithuanian union that existed since 1385. This influenced the assessment by Polish researchers of the events during the numerous Moscow-

Lithuanian political conflicts, which since the end of the XV century, led to five wars between the Grand Duchy of Moscow and the Grand Duchy of Lithuania and significant losses of the territory of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: historiography; foreign policy; the Grand Duchy of Lithuania; the Grand Duchy of Moscow; relations; contradictions; political conflicts.

Геапалітычныя змены, якія адбываліся ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне ў канцы эпохі Сярэднявечча і ў пачатку Новага часу, паўплывалі як на ўнутрыпалітычнае развіццё дзяржаў гэтага рэгіёна, так і на ўзаемаадносіны паміж імі. Вядучымі суб'ектамі міжнародных адносін тут з'яўляліся Вялікае Княства Літоўскае (далей – ВКЛ) і Вялікае Княства Маскоўскае (далей – ВКМ).

ВКЛ, прайшоўшы праз пакуты грамадзянскай вайны 1386–1392 гг., зведала працэс пэўнай цэнтралізацыі і дасягнула найбольшай магутнасці ў час кіравання вялікага князя Вітаўта (1392–1430). Аднак пасля смерці апошняга ўнутрыпалітычны крызіс 30-х гг. XV ст. і свядомая адмова вялікага князя літоўскага Казіміра (1440–1492), які з 1445 г. адначасова з'яўляўся і польскім каралём, ад актыўнай палітыкі на ўсходнім вектары знешнепалітычных дачыненняў ВКЛ заклалі падмурак для страты дзяржавай гегеманісцкіх пазіцый у рэгіёне.

ВКМ, сапернік ВКЛ у збіранні «рускіх» зямель, значна палепшыла свае пазіцыі. Пасля заканчэння міжусобнай барацьбы, якая вялася паміж нашчадкамі князя Дзмітрыя Данскога ў 1425–1453 гг. за вялікакняжацкі трон у Маскве, унутрыпалітычная сітуацыя ў дзяржаве набыла стабільнасць. Уступленне на прастол у 1462 г. вялікага князя Івана III без ярлыка ардынскіх ханаў прадвызначылі яго дзейнасць па ліквідацыі залежнасці ВКМ ад Арды і аб'яднанні вакол Масквы іншых княстваў Паўночна-Усходняй Русі (Яраслаў, Ноўгарад, Цвер і інш.). ВКМ паступова пераўтваралася з невялікага ўдзельнага княства ў магутную дзяржаву, межы якой у канцы XV ст. усутык падыйшлі да граніц ВКЛ. Палітычныя канфлікты паміж дзвюма вядучымі краінамі рэгіёна за ўплыў і валоданне «рускімі» землямі дасягнулі піка і перайшлі ў ваенную стадыю. З пяці войнаў, якія вяліся паміж ВКМ і ВКЛ у канцы XV – першай палове XVI ст., чатыры былі ініцыяваныя маскоўскімі валадарамі. Няўдачы ў войнах і страта значнай часткі тэрыторыі ВКЛ (каля 33 % ад агульнай плошчы) пазбавілі яго пазіцыі рэгіянальнага лідара. Перавага перайшла на бок ВКМ, якое не збіралася спыняцца на дасягнутым, прад'яўляючы ўсё новыя прэтэнзіі на «рускія» землі ВКЛ. Кіраўніцтва апошняга не прызнавала іх законнымі і спрабавала кампенсаваць ваенныя няўдачы

актывізацыяй палітычных і ідэалагічных сродкаў і метадаў уздзеяння на саперніка.

Азначаныя акалічнасці не засталіся па-за ўвагай польскіх даследчыкаў XIX ст. Падзелы Рэчы Паспалітай канца XVIII ст. прадвызначылі тую акалічнасць, што ў XIX ст. польскія гісторыкі працавалі ў межах розных краін, грамадска-палітычныя рэаліі якіх аказвалі ўплыў не толькі на ўмовы іх дзейнасці, але і на атрымліваемыя вынікі. Характэрнай асаблівасцю поглядаў значнай часткі польскіх гісторыкаў XIX ст. быў разгляд знешнепалітычных праблем ВКЛ скрозь прызму існаваўшай польска-літоўскай уніі і ўспрыманне гэтай дзяржавы як польскай правінцыі. У цэлым у польскай гістарыяграфіі XIX ст. можна вылучыць некалькі школ, прадстаўнікі якіх звярталіся да праблематыкі адносін ВКЛ з ВКМ у канцы XIV – першай палове XVI ст.

Першыя спробы комплекснага навуковага падыхода да разгляду праблемы ўзаемаадносін ВКЛ з ВКМ былі прадпрыняты ў польскай гістарычнай навуцы «бацькам польскай рамантычнай гістарыяграфіі» і заснавальнікам так званай «лялевелеўскай» гістарыяграфічнай школы Іаахімам Лялевелем (1786–1861), аўтарам шэрагу прац па палітычнай гісторыі Польшчы і ВКЛ. Выпускнік, а пазней нейкі час прафесар Віленскага ўніверсітэта, адзін з кіраўнікоў паўстання 1830–1831 гг., старшыня Патрыятычнага таварыства, вымушаны выехаць у Францыю пасля паражэння паўстання, І. Лялевель стаў знакавай фігурай у развіцці польскай гістарычнай думкі XIX ст. У яго творчасці супярэчліва спалучаліся дэмакратычныя погляды з пэўнай ідэалізацыяй ладу шляхецкай дэмакратыі перыяду Рэчы Паспалітай. Знаходзячыся ў эміграцыі, І. Лялевель напісаў адмысловую па сваёй праблематыцы працу «Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartej», якая пабачыла свет у Познані ў 1844 г. [1]. У ёй аўтар ажыццявіў спробу адлюстравання гісторыі Русі і Літвы ад часоў Кіеўскай Русі да Люблінскай уніі, упершыню зрабіўшы аб'ектам даследавання гістарычнае мінулае асноўных складовых частак ВКЛ, паказаўшы ўзаемасувязь працэсаў, што адбываліся на іх тэрыторыях. Не засталася па-за ўвагай даследчыка і тая частка Русі, што не ўвайшла ў склад ВКЛ. У сувязі з гэтам важнае месца ў працы заняло асвятленне ўзаемаадносін паміж ВКЛ і ВКМ. У даследаванні гісторык абапіраўся на шырокую базу крыніц, у тым ліку польскіх, якія да даследавання гісторыі ВКМ прыцягваліся І. Лялевелем упершыню.

Дзякуючы перавазе ў польскім нацыянальна-вызваленчым руху дэмакратычных элементаў, школа І. Лялевеля больш чым на два дзе-

сцяцігоддзі заняла пануючае становішча ў польскай гістарыяграфіі і ўтрымлівала яго аж да часоў паражэння паўстання 1863–1864 гг. Ажыццёўлення І. Лялевелем і яго паслядоўнікам Анджэем Марачэўскім (1802–1855) спробы абагульнення ўсяго гістарычнага вопыта мінулага і выкліканая імі палеміка сталі значным фактарам ў развіцці польскай гістарычнай думкі.

Асноўнымі ў польскай гістарыяграфіі другой паловы XIX ст. былі дзве пазітывісцкія школы: кракаўская і варшаўская. Іх дзейнасць развівалася ў розных умовах.

Кракаўская гістарыяграфічная школа, вядучымі прадстаўнікамі якой былі Валерыян Калінка (1826–1886), Юзаф Шуйскі (1835–1883), Міхал Бабжыньскі (1849–1935), Станіслаў Смолька (1854–1924), склалася на той частцы зямель Рэчы Паспалітай, якая пасля падзелаў апошняй увайшла у склад Аўстрыі. Ва ўмовах эвалюцыі Аўстра-Венгерскай манархіі з гэтай аслаблення нацыянальна-вызваленчага руху ўлады імперыі ў 1860-х гг. прадставілі гэтай частцы дзяржавы аўтаномію. Тут дзейнічалі ўніверсітэты ў Кракаве і Львове, гістарычныя кафедры якіх рыхтавалі кадры даследчыкаў. У 1871 г. у Кракаве пачала дзейнасць Акадэмія ведаў. Заснаваная пры ёй гістарычная камісія займалася зборам і выданнем гістарычных крыніц, зборнікаў, манаграфій. Прадстаўнікі кракаўскай школы былі цесна звязаны з кіруючымі коламі Аўстра-Венгрыі і займаліся пераважна даследаваннямі ў галіне палітычнай гісторыі.

У цеснай сувязі і пад уплывам кракаўскай школы знаходзілася львоўская гістарыяграфічная школа, заснавальнік якой Ксаверый Ліске (1838–1891) з 1887 г. стаў фундатарам буйнога гістарычнага часопіса «Kwartalnik historyczny», які доўгі час быў адзіным польскім гістарычным друкаваным органам.

Дзейнасць варшаўскай школы, вядучымі прадстаўнікамі якой былі Тадэвуш Корзан (1839–1918) і Уладзіслаў Смаленьскі (1851–1926), разгортвалася на тэрыторыі Царства Польскага ў складзе Расійскай імперыі. Пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. царскія ўлады зачынілі тут усе вышэйшыя навучальныя ўстановы, забаранілі дзейнасць гістарычных таварыстваў, выданне гістарычных часопісаў і г. д. Праца вучоных фінансавалася у асноўным за кошт прыватных ахвяраванняў. Праблематыка гістарычных даследаванняў варшаўскай школы побач з палітычнай гісторыяй уключала сацыяльна-эканамічныя і культурныя аспекты.

У 1862 г. выйшла з друку кніга прадстаўніка кракаўскай гістарыяграфічнай школы Ю. Шуйскага, напісаная на аснове польскіх крыніц [2]. Пры выкладанні матэрыяла перавага ў ёй была нададзена пытанням стасункаў ВКЛ з Польшчай. Палітычныя і ваенныя канфлікты ВКЛ з ВКМ у працы былі разгледжаны не вельмі глыбока і дастаткова схематычна. Ю. Шуйскі бясспрэчна палемізаваў з меркаваннямі расійскіх гісторыкаў, у прыватнасці з даследаванем М. М. Карамзіна «История государства Российского» [3]. Так, калі рускі гісторык сур'ёзна адносіўся да заяў вялікага князя маскоўскага Івана III пра рэлігійную матывацыю (абарона правоў праваслаўных у ВКЛ) пачатку вайны паміж ВКМ і ВКЛ 1500 г., то Ю. Шуйскі палічыў такія падставы надуманымі, закліканымі апраўдаць захопніцкія дзеянні маскоўскага вялікага князя. Прычынамі страты Смаленска ў 1514 г. Ю. Шуйскі ўслед за польскім храністамі XVI ст. называў здраду гарнізона і інтрыгі князя М. Глінскага, а не пачуцці сімпатыі смаленчукоў да вялікага князя маскоўскага Васіля III і сваіх адзінаверцаў, яго праваслаўных падданных [2, s. 124, 180]. У цэлым погляды Ю. Шуйскага былі выразна анты-маскоўскія.

Яшчэ адзін прадстаўнік гэтай гістарыяграфічнай школы, прафесар Кракаўскага ўніверсітэта М. Бабжыньскі, прапагандаваў цывілізатарскую місію Польшчы на ўсходзе [4]. Прычыны пачатку маскоўска-літоўскіх войнаў ён бачыў у агульнай мэце – аб'яднанні «рускіх» зямель, але ў супрацьлеглых інтэнцыях ВКЛ і ВКМ. Калі маскоўскія валадары, на яго погляд, стваралі з Руссю асобнае, адналітае, праваслаўнае цэлае, то ВКЛ разам з Польшчай, якая яго падтрымлівала, збліжала падначаленыя яму рускія землі з каталіцкім захадом і «пашырала ў іх асіміяцыйны ўплыў польскай цывілізацыі» [4, s. 235]. У такіх умовах непазбежным становілася ваеннае сутыкненне паміж сапернікамі. І нават шлюб вялікага князя літоўскага Аляксандра з маскоўскай князёўнай Аленай не забяспечыў спакой паміж дзяржавамі [4, s. 236]. Пры Жыгімонце Старым маскоўскія валадары не адмовіліся ад плана авалодаць усёй Руссю, а славуцкая перамога пад Оршай у 1514 г. не здолела вярнуць Смаленск, захоплены ў тым жа годзе падданымі Васіля III. Апошняга падрымліваў добрымі парадамі перайшоўшы на яго службу князь М. Глінскі, абражаны няласкай караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Старога [4, s. 247]. Як бачым, для працы М. Бабжыньскага быў уласцівы досыць рэалістычны погляд на мінулае, хаця ўсходнюю мяжу Польшчы ён атаясамліваў з усходняй мяжой ВКЛ

і ацэньваў знешнепалітычныя крокі апошняга з пункту гледжання выгаднасці ці нявыгаднасці іх для Польшчы.

Між тым трэба адзначыць, што найбольш сур’ёзнае сістэматычнае, хаця і не закончанае, даследаванне па гісторыі Польшчы і ВКЛ выйшла не з-пад пяра кракаўскіх аўтараў, якія мелі магчымасць выкарыстаць непасрэдна багацейшы ўласна польскі гістарычны матэрыял, а стала вынікам працы нямецкага гісторыка яўрэйскага паходжання, ураджэнца Гнезна Я. Каро (1835–1904) [5].

Здабыткам варшаўскай гістарыяграфічнай школы стала фармуліроўка так званай «ягелонскай ідэі», якая мела на ўвазе стварэнне польскай федэратыўнай дзяржавы шляхам засваення тэрыторый на ўсход ад Польшчы (сучасныя Літва, Беларусь, Украіна), цывілізацарскую місію ўвядзення ўсходніх ускраін у лона еўрапейскай культуры і жорсткае супрацьстаянне з Масквой. Упершыню тэрмін «ягелонская ідэя» быў уведзены ў навуковы зварот Феліксам Канечным (1862–1949), аўтарам працы «Jagiello i Witołd (1382–1392)» [6], прысвечанай перыпетыям барацьбы за ўладу ў ВКЛ паміж гэтымі палітычнымі лідарамі. Пэўная ўвага ў гэтай працы нададзена і пазіцыі ВКМ у адносінах да ўдзельнікаў гэтага канфлікта.

Такім чынам, адной з характэрных рыс і адным з галоўных недахопаў вялікай часткі польскай гістарыяграфіі XIX ст. быў погляд на маскоўска-літоўскія палітычныя канфлікты ў канцы XIV – першай палове XVI ст. праз прызму існаваўшай з 1385 г. польска-літоўскай уніі. У выніку польскія даследчыкі не разглядалі ці не бралі ў разлік ВКЛ як самастойны суб’ект знешняй палітыкі, ствараючы для яго вобраз правінцыі Польшчы. Гэта ўплывала на ацэнкі польскімі даследчыкамі шматлікіх маскоўска-літоўскіх палітычных канфліктаў, прывёўшых да ваенных сутыкненняў і страты значнай часткі тэрыторыі ВКЛ.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Lelewel, J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartej / J. Lelewel. – Poznań: Nakładem i drukiem W. Stefańskiego, 1844. – 202 s.; Lelewel, J. Dzieła / J. Lelewel. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1969. – Т. 10: Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartej; oprac.: J. Ochmański. – 254, [4] s.*

2. *Szujski, J. Dzieje Polski podług ostatnich badań spisane przez Józefa Szujskiego / J. Szujski. – Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1862. – Т. 2: Jagielloni. – 340 s.*

3. *Карамзин, Н. М. История государства Российского: Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением/ Н. М. Карамзин. – М.: Книга, 1989. – Кн. 2. – Т. V – VIII. – 242, 228, 142, 188 стлб.*

4. *Bobrzyński, M. Dzieje Polski w zarysie / M. Bobrzyński. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1879. – 495 s.*

5. *Caro, J. Geschichte Polens/ J. Caro. – Gotha: Perthes, 1886. – Bd. 5. H. 1. 1455 – 1480. – XIII, 500 s.; Caro, J. Dzieje Polski / J. Caro; przełożył z języka niemieckiego S. Mięczyński. – Warszawa: Skład główny w księgarni E. Wendego i spółki, 1900. – T. 6: 1481–1506. – 431 s.*

6. *Koneczny, F. Jagiełło i Witold (1382 – 1392) / F. Koneczny // Przewodnik naukowy i literacki. – 1892. – R. XX. – T. XX. – Z. I. Styczen. – S.1 – 1096.*

(Дата поступления: 26.11.2019).

Олейник В. В.

Учреждение образование «Военная академия Республики Беларусь»,
Минск

Oleinik V.

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 82-94:344 «18/19»

**МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ ОРГАНОВ
ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

**MEMOIRS AS A SOURCE FOR HISTORICAL
RESEARCH BODIES OF MILITARY JUSTICE OF THE LAST
THIRD OF THE XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES**

В статье на отдельных примерах мемуарной литературы, авторами которой являются как представители органов российской военной юстиции, проходившие службу в последней трети XIX – начале XX веков, так и их современники из числа соотечественников и иностранцев, раскрывается важность данного источника для изучения истории военно-судебных учреждений Русской императорской армии. Предметом изучения выступают произведения гражданских и военных юристов, а также путешественников из других стран, литературное наследие которых дает обширный материал для формирования целостной картины исследуемого исторического периода.

Ключевые слова: мемуарная литература; воспоминания; военная юстиция; Военно-юридическая академия; эмиграция.

The article, using separate examples of memoir literature, authors of which are both representatives of the Russian military justice bodies who served in the last third of the 19th and beginning of the 20th centuries, and their contemporaries from among compatriots and foreigners, reveals the importance of this source for studying the history of military judicial institutions Russian imperial army. The subject of study is the work of civil and military lawyers, as well as travelers from other countries, whose literary heritage provides extensive material for the formation of a holistic picture of the historical period under study.

Keywords: memoir literature; memories; military justice; Military Law Academy; emigration.

К источникам для исследований по истории органов военной юстиции последней трети XIX – начала XX веков, безусловно, можно отнести мемуарную литературу того времени. Учитывая, что авторами таких произведений были люди разного происхождения, имущественного и семейного положения, разных вероисповеданий и всевозможных, а иногда противоположных, политических предпочтений и нравственных убеждений, их изучение дает богатый материал для формирования целостной картины исследуемого исторического периода, а также деятельности военно-судебных учреждений.

Мемуарная литература является достаточно интересным и содержательным инструментом в работе с разными группами элит (в нашем случае это представители военной элиты), поскольку с помощью данного источника можно, в рамках прежде всего репутационного анализа, выявить и обозначить лиц, причастных к принятию тех либо иных решений, а также иными способами, кроме формальных, влиявших на общественные и иные процессы в силу своего не только формального статуса, но и определенной личной репутации [1, 9, 10].

Данные источники можно условно разделить на заметки соотечественников и впечатления иностранцев. Первая группа самая многочисленная, в нее включаются работы представителей военного и юридического сообществ, при этом выделяются воспоминания и рассуждения военных юристов, а также различного рода работы гражданских правоведов. К последним относится, например, знаменитый в свое время адвокат Н. П. Карабчевский, воспоминания которого предоставляют возможность многостороннего обзора повседневной жизни и нравов того времени.

Интересующие нас сведения содержатся в главе «Дела военного быта» его книги «Около правосудия» [2], рассказывающей о различ-

ных преступлениях военнослужащих, судимых Одесским, Варшавским и Петербургским военно-окружными судами в период с 1877 по 1879 год [3, с. 295–304]. Персонажами повествования становятся молодой поручик 13-го стрелкового батальона Гужва, осужденный за преступления против правил военной дисциплины, рядовой из дворян Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка Рубцов, виновный в не оказании должного уважения начальнику, а также портупей-юнкер Михайловского артиллерийского училища Меньшиков, обвинявшийся в покушении на убийство своего сослуживца. Все описанные противоправные деяния взяты из юридической практики автора и представляют собой наглядные примеры применения военно-уголовных законов изучаемого периода.

Описание судебных процессов эпохи первой русской революции мы находим в работе еще одного гражданского юриста С. Анисимова «Как это было» [3]. Его книга, насыщенная выдержками из официальных документов, повествует об уголовных делах в отношении участников революционных событий 1905 года, которые были осуждены военными судами, и не лишена тенденциозности, присущей всем работам, изданным в советский период и призванным очернить царскую судебную систему. Вместе с тем, в книге отсутствует классовый подход к изложению описываемых событий, что не совсем соответствовало ожиданиям редактора, не преминувшего упомянуть об этом в предисловии к изданию 1931 года [3, с. 3]. Творчество автора можно отнести к литературно обработанным публицистическим произведениям представителя либеральной интеллигенции, коим и являлся по сути этот «политический защитник». Книга содержит сведения о следующих «громких процессах», в судебных заседаниях по которым принимал участие сам Анисимов: дело о нападении на конвой на этапе в деревне Кутарбитка Тобольского уезда, бунт в Тобольской каторжной тюрьме № 2, дело об убийстве начальника Тобольской каторжной тюрьмы Богоявленского и дело о захвате революционерами линии Екатеринбургской железной дороги в декабре 1905 года.

Мемуары военных юристов тоже не отличаются однородностью, их авторы зачастую находятся на абсолютно противоположных позициях в своих взглядах на устройство военно-судебного ведомства. Впрочем, чем дальше от описываемого то время, тем больше позитивного он в нем видит. В этом плане показательным сравнением произведений

А. В. Жиркевича «Пасынки военной службы» [4] и М. С. Королькова «Гримасы жизни» [5].

Оба автора являлись профессиональными военными юристами, и хотя трудились на данном поприще в разные годы, однако в рамках одной и той же традиции, являясь выходцами из одного сословия и выпускниками одной alma mater (первый окончил Военно-юридическую академию в 1888 году, второй – в 1902 году, оба по 1-му разряду). Оба были прикомандированы к военно-прокурорскому надзору, проходили службу в качестве кандидатов на военно-судные должности, а затем являлись помощниками военных прокуроров (Виленского и Одесского военно-окружных судов соответственно).

Вместе с тем Жиркевич, явно склонный к идеализму, в 1912 году пишет о времени своей «военно-юридической молодости», говоря при этом о «практической, неприглядной, мрачной действительности военного юриста», «о несовершенствах нашей военной юстиции» [4, с. 74], и даже называет свою профессию «все же мрачной, скучной» [4, с. 80], работу «слишком бесцветной, однообразной, а главное, грязной» [4, с. 85], а дело, которое делали военные юристы – «незаметным, тяжелым, неблагоприятным» [4, с. 92], их службу «тяжелой, ненормальной, беспросветной» [4, с. 93].

«Малиновое» ведомство [4, с. 95], как в то время называли в войсках органы военной юстиции, по словам Жиркевича, было «несчастливым» [4, с. 96] вследствие многих сопутствовавших его развитию обстоятельств. К таковым обстоятельствам можно отнести не всегда качественный подбор офицеров на военно-судные должности, что приводило к резкой критике общества в отношении отдельных одиозных личностей и негативно отражалось на престиже всего остального оперативного состава; общее недоброжелательное отношение военного начальства к работе органов военной юстиции, зачастую вынужденных, несмотря на ограниченные полномочия, вмешиваться в распорядительную деятельность командиров; подавляющая правовая неграмотность военно-служащих, которую невозможно было исправить доступными военным юристам тех лет средствами.

В своих воспоминаниях Жиркевич касается малоизвестных нюансов взаимоотношений в современных ему коллективах военного-судебного ведомства, при этом интересно характеризует некоторых из своих руководителей и сослуживцев, а также упоминает о специфике военно-юридической деятельности и «служебной обстановке» [4, с. 106], в ко-

торой она протекает, рассуждая о качестве выполнения отдельными военными юристами служебных обязанностей, о случаях их аморального поведения (в том числе о злоупотреблении спиртными напитками не только в быту, но и в служебное время, в командировках; об увлечении азартными играми и т. п.) и о необходимости немедленного исправления сложившегося положения.

Затрагивает он и проблемы подготовки соответствующих специалистов в Военно-юридической академии, где в течение трех лет проходили обучение офицеры, не менее четырех лет до этого прослужившие в строю, и достаточно жестко критикует данное учебное заведение за отсутствие связи (и даже противоречие) между содержанием преподаваемых слушателям дисциплин и действительной потребностью последующей службы в органах военной юстиции. Так, А. М. Жиркевич пишет: «Академия, наполнив голову мою и душу разными побочными сведениями, не дала мне никакой серьезной, практической подготовки к предстоявшей мне деятельности» [4, с. 114].

Также он отмечает, «что почтенное, много лет уже существующее, ведомство не дало до сих пор людей науки, в сфере своей, военно-юридической специальности, т. е. не создало деятелей, которые самостоятельными, научными трудами своими, продолжили бы, развили то, что усвоили себе в Академии...» [4, с. 76]. При этом Жиркевич почему-то забывает, что экстраординарный профессор Военно-юридической академии подполковник В. Д. Кузьмин-Караваяев, выпускник данного учебного заведения 1883 года по 1-му разряду, на рубеже XIX и XX веков уже читал слушателям лекции по военно-уголовному праву [5, с. 2] и составил, к примеру, научный труд «Военно-юридическая академия, 1866–1891 гг.: краткий исторический очерк» [6].

Кроме того, в связи с их активной научной деятельностью можно упомянуть выпускника 1869 года по 1-му разряду генерал-майора В. М. Володиминова [5, с. 10–11], выпускников 1873 года по 1-му разряду полковников А. А. Мушникова [6, с. 32–33] и И. А. Шендзиковского [6, с. 32–33] (последний преподавал военно-уголовный процесс и военно-уголовное законодательство иностранных государств [5, с. 2]), а также выпускника 1875 года по 1-му разряду полковника П. Ф. Лузанова [6, с. 40–41], в свое время также являвшихся профессорами той же академии. Помимо них, Военно-юридическая академия выпустила из своих стен целый ряд будущих преподавателей военных училищ и офицеров-воспитателей кадетских корпусов империи.

Среди последних можно выделить полковников В. Ф. Януша (2-е военное Константиновское училище) [6, с. 16–17] и Н. И. Сперанского (3-е военное Александровское училище) [6, с. 54–55], подполковников А. Н. Долгова (Морской кадетский корпус) [6, с. 44–45] и И. Г. Соймонова (2-й Московский кадетский корпус) [6, с. 80–81], капитана К. М. Маленко (Киевский кадетский корпус) [6, с. 80–81], подполковника Е. Е. Семашкевича (2-й Оренбургский кадетский корпус) [6, с. 86–87], капитана Я. В. Артюхова (Полтавский кадетский корпус) [6, с. 94–95], штабс-капитана П. А. Галенковского (1-е военное Павловское училище) [6, с. 96–97] и других педагогов, которые способствовали высокому уровню правовой подготовки будущих офицеров армии и флота.

Воспоминания Королькова более оптимистичны по своей сути, относятся в основном к 1902–1911 годам, «захватывая, таким образом, частью мирное время, частью период Русско-Японской войны и революционный период 1905–1906 гг. с его ликвидацией» [5, с. VI]. Воспоминания написаны в эмиграции, в 1928 году в Загребе, и пронизаны ностальгией и надеждой на будущее возрождение лучших традиций дореволюционных органов военной юстиции. Он с удовольствием и благодарностью вспоминает время своего обучения в Военно-юридической академии, своих преподавателей, а также свою службу в органах военной юстиции как о трудной, но необходимой работе.

Основную цель своего труда автор определяет следующим образом: «наблюдения мои по прошедшим за то время судебным делам дали, естественно, известный опыт и в самой технике судебного процесса. Жаль этот опыт оставить неиспользованным» [5, с. VII]. Далее он продолжает: «Я считаю, что мы обязаны свой опыт передать своим, так сказать, духовным наследникам. В этом отношении должен быть признан одинаково ценным опыт и военных юристов и судебных деятелей гражданского ведомства, – ведь все юристы: и гражданские, и военные – воспитывались на общих началах Судебных Уставов Императора Александра II, все одинаково направляли свою деятельность на служение правде и справедливости, все действовали по одинаковым принципам и приемам в деле отыскания истины» [5, с. VIII].

Как совершенно правильно замечает в своих воспоминаниях Корольков, «для предстоящей дальнейшей деятельности военные юристы должны быть достаточно знакомы с бытом армии» [5, с. 1],

поскольку «военно-судебная деятельность имеет задачу борьбу с преступлениями в армии», а «работа по созданию здоровых условий жизни армии и работа по борьбе с преступлениями в армии являются в высшей степени серьезными по своему значению» [5, с. 5]. Эта мысль в различных интерпретациях неоднократно повторяется на протяжении всей книги, проникнутой идеями государственности и верховенства закона. Кроме того, в ней отведено достаточное место и криминалистическим вопросам расследования преступлений, и проблемам современной ему криминологии, в том числе проблеме преступности в вооруженных силах.

По этому поводу автор, в частности, пишет, что «и в армии совершаются преступления. Причина ясна: слишком сложное существо человек, слишком много в нем того, что еще не поддается учету, слишком сложна сама жизнь, да и вряд ли вообще возможно сделать условия жизни настолько идеальными, чтобы не было повода для преступлений, чтобы в душе человека не шевельнулась иногда преступная мысль и не претворилась бы в действие» [5, с. 10] и продолжает: «особенности индивидуального характера того или иного солдата и принесенные им из своей прошлой жизни взгляды, привычки, а иногда и порочные наклонности часто остаются скрытыми и от самого наблюдательного глаза и затем лишь, совершенно неожиданно, прорываются в форме того или иного преступления» [5, с. 11]. Эти мудрые слова офицера и юриста Королькова актуальны и по сей день.

Еще одним интересным, но малоизвестным в настоящее время автором мемуаров описываемого характера является Р. Р. фон Раупах. Как сообщается в предисловии к его книге «Лик умирающего» [7], в 1901 году произведенный в чин капитана Р. Р. фон Раупах был выпущен из Александровской Военно-юридической академии, которую окончил по 1-му разряду [7, с. 8]. В дальнейшем его служба проходила в Кавказском военно-окружном суде в Тифлисе, где он последовательно с 1902 по 1906 год прошел должности от кандидата до помощника военного прокурора, а затем был переведен в Виленский военно-окружной суд. В 1908 году последовал новый перевод на должность военного следователя Петербургского военного округа, а в 1913 году он стал военным прокурором Гельсингфорса по должности [7, с. 9]. В декабре 1917 года фон Раупах выехал в Финляндию. Подготовленные в 1935 году, его мемуары начинаются главой «При царском режиме» [7, с. 28–82], в которую в полном соответствии с хронологической последовательностью

событий биографии автора включены разделы «На Кавказе», «В Вильно» и «В Петербург».

Достаточно подробно фон Раупах останавливается на моментах своей службы в органах военной юстиции: участия в судебных процессах в качестве защитника и прокурора, на расследовании уголовных дел, прокурорской работе. Упоминаемые им детали и персоны (как известные личности, оставившие неизгладимый след в судьбах страны, так и скромные труженики военно-судебной системы) придают данным воспоминаниям особую ценность для исследований по истории начала XX века. Также в книге нашло свое отражение участие автора в Первой мировой войне и событиях 1917 года, разбираются причины поражения Белого движения.

Также нужно упомянуть еще одного автора мемуаров той эпохи – военного прокурора И. М. Калинина, создавшего целую трилогию, состоящую из книг «Под знаменем Врангеля» [8], а также «Русская Вандея» и «В стране братушек». Его произведения посвящены в основном его участию в гражданской войне в России и жизни после нее в эмиграции в Болгарии. Автор, который к моменту февральской революции 1917 года занимал должность помощника военного прокурора Кавказского военно-окружного суда, «всю жизнь мечтал заняться изучением истории» [8, с. 4]. В 1918–1919 годах он заведовал военно-судебной частью штаба Донского корпуса, являлся военным прокурором Донского военно-окружного суда. Затем в его судьбе были эмиграция и возвращение на Родину, где в 1937 году он был арестован, осужден и расстрелян. Такие главы его произведения «Под знаменем Врангеля», как «Процесс донских генералов», «Приговор» и «Борьба с преступностью», сообщают нам некоторые подробности военного судопроизводства в Белой армии. Но, учитывая явно выраженное желание Калинина «дистанцироваться от своего недавнего контрреволюционного прошлого» [8, с. 6], к его мемуарам следует относиться с достаточной осторожностью, хотя и без предвзятости, как к важному документальному свидетельству.

Необходимо, конечно, помнить, что большинство из этих произведений создавались намного позже описываемых событий, как правило, в эмиграции, либо на Родине, но в условиях, очень сильно отличавшихся от той, «бывшей» жизни. Кто-то из авторов пытается приспособиться к этим условиям, кто-то старается не обращать на них внимания, сосредоточившись на созерцании прошлого. Поэтому они, несомненно,

несут в себе некий элемент отстраненности, что, однако, не умаляет их историческую достоверность.

В заключение необходимо вспомнить про описания военно-судебной системы дореволюционной России глазами иностранцев. Учитывая специфику вопроса, ее смешанный военно-юридический характер, не всегда понятный даже русским подданным, они носят очень поверхностный, внешний характер, но вместе с тем достаточно любопытны.

К таковым можно отнести, к примеру, «Путевые впечатления о военной России» Г. фон Базедова [9], написанные незадолго до начала Первой мировой войны. В течение 12 лет (с 1896 по 1908 годы) командир 8-го Западно-Прусского № 175 пехотного полка Германской армии полковник Гейно фон Базедов посещал Российскую империю, в большинстве случаев столичный Петербург, а также путешествовал по Европейской части России, и с немецкой педантичностью фиксировал все подробности своих поездок. Его брошюра, несмотря на свой небольшой объем, выдает в нем опытного разведчика, привыкшего не только запоминать новую информацию, но и анализировать ее, делая необходимые выводы.

В частности, он пишет: «Однородное явление с генералами и офицерами генерального штаба представляют также военные судьи. Положение усиленной охраны, на основании которого многие случаи, прежде подлежавшие гражданскому суду, теперь судятся военным, в короткое время увеличило число этих военных судей в пять раз. Они пополняются не из практиков-юристов, а из офицеров, прошедших специальный курс в военно-юридической академии; между тем, как военные врачи считаются военными чиновниками, военные юристы остаются, не служа в строю, офицерами действительной службы с правами, в силу их академического образования, на особенное производство. Среди них также бросается в глаза большое количество генералов, распознаваемых по широким лампасам того же красного цвета, как и в нашем генеральном штабе» [9, с. 9].

Таким образом, вышеописанные примеры мемуарной литературы, которые дают нам общее представление о ней как об источнике для обогащения наших знаний по истории органов военной юстиции последней трети XIX – начала XX веков, приводит нас к выводу о безусловной необходимости изучения воспоминаний непосредственных участников

функционирования военно-судебной системы для формирования объективной картины данной эпохи.

Список использованных источников

1. Шимукович, С. Ф. Белорусские региональные элиты периода «Долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия / С. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории»: сб. науч. трудов / редкол.: И. А. Марзалюк [и др.]. – Вып. 1. – Минск: РИВШ, 2017 – С. 3–12.

2. Карабчевский, Н. П. Около правосудия: Статьи, сообщения и судебные очерки / Н. П. Карабчевский. – СПб.: тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902. – LXXX, 458, [2] с.

3. Анисимов, С. Как это было. Записки политического защитника о судах Столыпина / С. Анисимов. – Москва: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. – 158 с.

4. Жиркевич, А. В. Пасынки военной службы (материалы к истории мест заключения военного ведомства в России) / А. В. Жиркевич. – Вильна: Типография «Русский Почин», 1912. – 503 с.

5. Корольков, М. С. Гримасы жизни: из воспоминаний военного юриста / М. С. Корольков. – Н. Сад: Русская типография С. Ф. Филонова, 1929. – 168 с.

6. Военно-юридическая академия, 1866–1891 гг.: краткий исторический очерк / по поручению начальника Военно-юридической академии составил В. Кузьмин-Караваев, экстраординарный профессор. – СПб.: тип. В. С. Балашева, 1891. – [4], 93, 193 с.: табл.

7. Раупах, Р. Р. фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года / ред. Р. Р. фон. Раупах; коммент. С. А. Манькова. – СПб.: Международная Ассоциация «Русская культура»; Алетейя, 2007. – 416 с., [16] с. ил. (Издательский проект «Русский Миръ». Серия «Мемуары»).

8. Калинин, И. М. Под знаменем Врангеля: заметки бывшего военного прокурора / И. М. Калинин. – Краснодар: Традиция, 2012. – 464 с.

9. Базедов, Г. фон. Путевые впечатления о военной России: пер. с нем. / Г. фон Базедова. – СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1911. – 30 с. – Отд. оттиск из № 10 «Воен. сб.» – Бесплат. прил. к № 255 «Рус. инвалида».

(Дата поступления: 26.11.2019).

Чикалова И. Р.

Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка, Институт истории НАН Беларуси, Минск

Chikalova I.

Belarus State Pedagogical University named after Maxim Tank;
Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk

УДК 94(470)»18/19»: [070:94(410)]

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
В ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ В ОСВЕЩЕНИИ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XX В.**

**NATIONAL QUESTION IN THE HABSBURG MONARCHY
IN THE LIGHTING OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
OF THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY**

Статья посвящена рассмотрению подходов и оценок, дававшихся российскими историками и экспертами в области внутренних проблем Габсбургской монархии Н. И. Кареевым, С. Г. Лозинским, А. Л. Погодиным, З. Д. Аваловым (Авалишвили), П. Н. Ардашевым, П. И. Звездичем, Л. Василевским, А. В. Белгородским, национальной политике ее элит в попытках устранить или хотя бы смягчить межнациональные противоречия. Специальное внимание уделено Галиции и Богемии, являвшихся примерами двух отличавшихся друг от друга направлений политики Габсбургов в национальном вопросе. Отмечается, что заметные разногласия среди историков вызывал вопрос о национальной принадлежности населения Восточной Галиции.

Ключевые слова: национальный вопрос; национальная политика; империя Габсбургов; Австро-Венгерская монархия; Габсбургская монархия; Цислейтания; Галиция; Богемия; историография; российская историография; поляки; русины; украинцы; чехи; немцы.

The article is devoted to the consideration of approaches and assessments given by Russian historians and experts in the field of the internal problems of the Habsburg monarchy N. I. Kareev, S. G. Lozinsky, A. L. Pogodin, Z. D. Avalov (Avalishvili), P. N. Ardashov, P. I. Zvezdich, L. Vasilevsky, A. V. Belgorodsky in the nation question's policy of its elites in an attempt to eliminate or at least mitigate interethnic contradictions. Special attention is paid to Galicia and Bohemia, which are examples of two different directions of the Habsburg policy on the national question. It is noted that a noticeable disagreement among historians was caused by the question of the nationality of the population of Eastern Galicia.

Keywords: national issues; national politics; Habsburg empire; Austro-Hungarian monarchy; Habsburg monarchy; Galicia; Bohemia; historiography; Russian historiography; Poles; Rusyns; Ukrainians; Czechs; Germans.

Интерес в России к изучению национального вопроса в дуалистической Австро-Венгерской монархии подпитывался тремя основными обстоятельствами. Во-первых, в многонациональной Российской империи существовал научный и практический запрос на изучение зарубежного опыта решения проблем сосуществования различных народностей в рамках единого государства. В этом плане Габсбургская монархия в связи с ее сложным национально-территориальным делением привлекала особое внимание. Во-вторых, российская научная мысль и политическая практика активно искали пути конституционного преобразования Российской империи, они пытались в зарубежном опыте, в том числе в австрийском, найти ориентиры реформирования государственного строя страны. В третьих, начиная с 1890-х гг. укреплялся направленный против России союз Австро-Венгрии с Германией, и разноплановое изучение стратегического соперника на фоне нараставших межгосударственных противоречий становилось насущной задачей, в том числе со стороны не только гражданских историков (Н. И. Кареев, С. Г. Лозинский, А. Л. Погодин, П. Н. Ардашев, П. И. Звездич, Л. Василевский, А. В. Белгородский), но и военного ведомства, благодаря чему появились довольно многочисленные военно-статистические описания Австро-Венгерской армии.

Наконец, внимание к Австро-Венгерской монархии, в которой за австрийцами закреплялась ведущая роль в Цислейтании (Моравия, Богемия, Силезия, Галиция, Буковина, Крайна, Истрия, Герц, Триест, Далмация), а за мадьярами – в Транслейтании (Трансильвания, Закарпатье, Словакия, Хорватия, Славония, Сербская Воеводина и Банат), диктовалось ростом в ней национальных противоречий и политической нестабильности. В отношении многочисленных неавстрийских территорий так называемая «декабрьская конституция» 1867 г. [16], хотя и декларировала, что всем им принадлежит полнота законодательной власти, вместе с тем заявляла, что являются они лишь «историко-политическими индивидуальностями», что приходило в противоречие с их стремлением к широкой автономии и породило острейший, не устраненный до конца существования империи внутривнутриполитический кризис. С введением дуализма потерпели поражение сторонники федерализма – таков

лейтмотив книги С. Г. Лозинского¹ «Национальный вопрос и политические партии в Австрии» [18]. «Самым сложным, а потому и самым трудным внутренним вопросом монархии Габсбургов со времени превращения ее в двуединую Австро-Венгрию, как, впрочем, и прежде, – был вопрос национальностей» [15, с. 352–353], – отмечал Н. И. Кареев.

Критиковал дуалистическую систему П. И. Звездич (наст. фамилия Ротенштерн), в то время довольно известный автор многочисленных публикаций по проблемам Габсбургской монархии: отсутствие национального равноправия породило острейший, не устраненный до конца существования империи внутривнутриполитический кризис. Звездич обращал внимание на то, что в политической конструкции Австро-Венгрии сохранился основанный на так называемых «исторических правах» централизм, ядром которого были Австрия и Венгрия, что вело к подавлению этнических меньшинств титульными нациями. Исторический путь империи он видел в русле постепенной ее децентрализации и трансформации в союз государств, построенного на принципах дуалистической монархии, но только в расширенном варианте, в предоставлении всем ее народам полного равноправия и в демаркации внутренних границ с максимальным учетом этнического фактора [10, с. 138–139]. В то же время противоположную точку зрения высказывал эксперт по истории европейского права З. Д. Авалов (Авалишвили), профессор Петербургского политехнического института. На примере Австро-Венгрии он делал вывод о том, что широкое самоуправление эффективно только в территориальных образованиях с мононациональным населением, а осуществленное в многонациональных государствах становится источником межнациональной борьбы за национальное возрождение подчиненных народов [1].

Общей оценкой введения дуализма среди российских австроведов стало признание того, что оно не устранило межнациональные противоречия; найти пути их преодоления, как показал опыт, монархия

---

¹ Самуил Горацевич Лозинский – уроженец Бобруйска, выпускник Слуцкой гимназии, учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, слушал лекции в Берлинском, Брюссельском университетах и в парижской Высшей школе социальных наук. С 1906 г. жил и работал в Петербурге. Автор многочисленных трудов по истории европейских стран. В 1921–1922 гг. – профессор кафедры истории еврейского народа в Белорусском государственном университете.

Габсбургов не смогла. Правительства Австрии не сумели стабилизировать положение в стране в условиях набиравшего силу противостояния австро-немцев с чехами, словенцами и итальянцами. С одной стороны, политика уступок венграм и славянам подрывала доминирующие позиции австрийских немцев, вызывала радикализацию их политических настроений и протестные выступления. С другой, – не смягчились межэтнические конфликты между немцами и чехами в Богемии, поляками и русинами в Галиции, хорватами и итальянцами в Далмации, сербами и хорватами – в южных областях Венгрии и Австрии.

Действительно, населявшие империю народы все более проникались духом национального самосознания. Этот процесс активно шел в Богемии, где на рубеже 1860-х – 1870-х гг. завершилось формирование чешской нации. И хотя среди чешской интеллигенции доминировали идеи австрославизма, сама политическая реальность питала националистические настроения. Чехи безуспешно добивались равного с Австрией и Венгрией статуса – превращения дуализма в триализм в форме федерации Австрии, Венгрии и Чехии. Национализм начал проявляться у наиболее германизированного славянского этноса – словенцев. Ярко выраженное стремление к восстановлению национально-государственной независимости было присуще полякам Цешинской Силезии и Западной Галиции, которые составляли менее 10 % этнически польских земель, но к 1870 г. в них проживало почти 25 % поляков от числа населявших всю польскую национальную территорию.

Сложнейшая проблема национально-культурной идентичности встала и перед немцами Австрии. Крах идеи объединения германских земель под главенством Австрии в результате поражения в австро-прусской войне 1866 г. и образования Северогерманского союза, а затем и Германской империи без нее поставил перед австрийскими немцами задачу принять как неизбежность путь самостоятельного национального развития. Но эта переориентация проходила болезненно и трудно, поскольку, по словам современника, вся немецкоговорящая часть империи «думала и ощущала себя немцами и воспринимала государственное разделение как неестественное, как результат прусской политики силы» [14, с. 36].

Не менее острыми были национально-этнические процессы на территории Транслейтании. Среди сербов, населявших южную часть Венгерского королевства – Воеводину, живших в Хорватии, Славонии, на территории Славно-хорватской военной границы, в Далмации, сильно

было тяготение к Сербии, ставшей с обретением независимости ядром сербской государственности. Шло формирование особого словацкого самосознания, несмотря даже на мадьяризацию господствующего класса Словакии. Требовали признания культурной самобытности и политического равноправия хорваты и румыны. Конфликт с господствующим мадьярским ядром королевства питал идеи сначала иллиризма (создания Иллирийского королевства под властью Габсбургов в составе Хорватии, Славонии и Далмации), а затем югославизма, т. е. объединения южнославянских народов (хорватов, словенцев, сербов) в единое государственное образование. Не прекращались трения с мадьярской властью у румын Трансильвании. Осознание их этнической общности с населением румынских княжеств, а затем и независимого Румынского государства вызывало стремление к воссоединению с исторической родиной.

При рассмотрении национально-этнических процессов в Габсбургской монархии российские историки особое внимание уделяли Галиции и Богемии. Так, Н. И. Кареев в «Истории Западной Европы», показывая их положение в империи, рассматривает два отличавшихся друг от друга направления политики Габсбургов в отношении этих частей Цислейтании. В Галиции немцев было мало, а поляки проявляли русофобство и лояльность империи, что создало предпосылки для предоставления им свободы действий. Не так было в Богемии, где в большинстве были чехи, но и австрийские немцы составляли значительную часть населения. Поэтому здесь правительство стремилось найти некий компромисс, приемлемый как чехам, так и немцам. Кареев полагал, что от решения острых межнациональных конфликтов в Галиции и Богемии во многом зависело будущее самой Австрии и видел выход в разделе Галиции на два субъекта Цислейтании: русинскую Восточную Галицию со столицей во Львове и польскую Западную Галицию со столицей в Кракове. В то же время он понимал, что Богемию по такому принципу разделить нельзя из-за наличия значительного числа местностей со смешанным – чешским и немецким – составом населения [15, с. 384]. Неразрешимость этого национального конфликта в рамках империи была преодолена ценой распада империи в результате Первой мировой войны, когда Австрия полностью потеряла эти провинции.

В отношении Галиции, прежде всего, разногласия вызывал вопрос о национальной принадлежности населения этого региона, причем этнический состав Западной Галиции спорно не вызывал – преобладаю-

щую часть населения здесь составляли поляки. В Восточной Галиции положение было иным, что поставило в исследовательскую повестку вопрос, кем были ее жители, не причислявшие себя к полякам, – русскими, русинами или украинцами.

В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в статье «Галиция» читаем: «*Народонаселение* в главной массе славянское; оно разделяется почти поровну на малороссов (русинов) и поляков. Русины, или, как они сами себя называют на западной этнографической границе, русняки, принадлежат к малорусскому племени, но язык их во многом отличен от малорусского» [6, с. 907]. Там же в статье «Русины» словарь сообщает: «*Рутены* (нем. Russinen, Ruthenen) – употребляемое преимущественно поляками и немцами название русского населения австро-венгерских земель, в отличие от русских (русских подданных), причем название рутены – средневековое латинское название вообще русских, а Р[утены] – неправильное образование множественного числа от единственного числа русин. Сами Р[утены] зовут себя в единственном числе русин, во множественном числе – русскими, веру свою – русской, свой народ и язык – русскими. Русины живут по обоим склонам Карпат, в Галиции, Буковине и Венгрии, и принадлежат к южнорусской части русского племени, отличаясь от малороссов (украинцев) как особенностями языка, так и физическим складом и этнографическими признаками, вследствие условий жизни и давнего отделения «закордонной Руси» от основного племени» [13, с. 296].

Кареев также постоянно говорит о русинах как основной части населения Восточной Галиции: «Галиция очень удобно делится на западную с польским населением и восточную с русинским» [15, с. 373]. Лозинский в работе «Национальный вопрос и политические партии в Австрии» высказывает мысль о том, что в обмен на благожелательную по отношению к дуализму позицию польского анклава на территории империи поляки в качестве компенсации получили контроль не только над территорией массовой концентрации польского населения – Западной Галицией, но и над русинским населением Восточной Галиции [18, с. 38–39]. А. Я. Ефименко, автор «Истории украинского народа», называет население Восточной Галиции – «русское хлопство в Галиции», «галицко-русская народность», «русинская народность», «русины», «русская часть Галичины» [12, с. 377–385]. П. И. Звездич, заграничный корреспондент российских журналов, зарекомендовавший себя в качестве осведомленного специалиста по проблемам разных сторон жиз-

ни Габсбургской монархии, в очерке «Австрия» ссылается на перепись населения Австро-Венгрии 1900 г.; в перечне народностей, населявших монархию, в ней указаны: немцы, чехи, поляки, русины, словенцы, сербы, итальянцы, румыны, мадьяры [11, с. 14]. Крупнейший знаток социально-политических и национальных отношений в Габсбургской монархии А. Л. Погодин² в фундаментальном труде «Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года», написанной на основе широкого круга новых источников, приводит развернутые данные австрийской переписи населения 1910 г., согласно которой население Цислейтании состояло из: немцев (35,1 %), чехов и словаков (22,8 %), поляков (17,5 %), русинов (12,4 %), словенцев (4,4 %), сербов и хорватов (2,8 %), итальянцев (2,7 %), румын (около 1 %) [20, с. 31]. Т. е. австрийская официальная перепись украинцев как этническую группу, населявшую Галицию, просто не упоминает. Профессор Киевского университета П. Н. Ардашев в «Дополнениях к лекциям по всемирной истории М. Н. Петрова» вообще выразил свое отрицательное отношение к этнониму «русин», назвав его выдуманной группой интеллектуалов и австрийских бюрократов, стремившихся сконструировать отдельную нацию и оторвать «русских» галичан от остальной части русского народа [2, с. 172–173]. Для него восточные галичане – просто русские.

Тем не менее, этнические процессы в Галиции не были однозначными. А. Л. Погодин в упомянутой монографии «Славянский мир», всесторонне охватившей наиболее острые проблемы политического, социального и экономического положения славянских народов в начале XX века, отмечает: «так как в продолжение многих веков государственная власть находилась в польских руках, и польское помещичье землевладение в руках польской шляхты давало тон всей политической жизни Галиции, то естественно, что польский этнический элемент глубоко проник и в глубь Восточной Галиции» [20, с. 142]. Положение не изменилось и после раздела Речи Посполитой: «до самого конца австрийского владычества в Галиции, несмотря на глубокие и сложные перемены,

---

² Александр Львович Погодин – уроженец Витебска, выпускник С.-Петербургского университета. С 1901 г. – магистр, с 1904 г. – доктор славянской филологии, профессор Варшавского (1902–1908) и Харьковского (1910–1919) университетов. В эмиграции работал преподавателем, а затем профессором Белградского университета (1919–1941). О нем см.: [17].

произошедшие в социальной и национальной группировке галицийского населения, заведывание краем оставалось в руках поляков». Утрата надежд, что «Россия займет своими войсками Восточную Галицию, и что сама Австрия разлагается», пробудило «новое национальное настроение, которое ищет себе выражение в сознании себя как отдельного народа» [20, с. 176, 177]. Это следует понимать как возникновение необходимости выбора между сохранением русских корней и разрыва с ними.

В этих обстоятельствах в Галиции в противовес «москалефильскому» течению, не разрывавшему генетическую связь с русским народом, сформировалось новое, отождествлявшее восточных галичан с украинцами. Как отмечает Погодин, «главный напор тогдашних украинских партий был направлен не против поляков, но против «москалефилов», которые представляли в то время значительную силу» [20, с. 178]. Антирусски настроенная польская политическая и экономическая элита, равно как пропольская администрация на местах и австрийская центральная власть, всячески поддерживали процесс искусственной трансформации русинов в украинцев. Поляки (при согласии австрийских немцев) насадили в Галичине новую традицию, в которой термины «Россия» («Московия») и «Русь» («Русь-Украина»), искусственно противопоставлены. Неудивительно, что с течением времени в Восточной Галиции в среде интеллигенции и радикальной молодежи возобладала ориентация на восприятие украинской идентичности. Широкая пропаганда и административная поддержка принесли свои плоды: в этот процесс оказалось вовлечено и крестьянство. Погодин полагал: «крестьянская масса поддерживала на выборах украинских деятелей потому, что на их стороне была сила, и они могли больше, чем преследуемые «москалефилы», сделать для облегчения материального положения бедствующего крестьянства» [20, с. 179].

Как оторванные от исторической родины и поработанные, делились галичане в дискурсе российского панславянства. «Угнетенное славянство» – таковой была тональность работы А. В. Белгородского «Поработанное славянство (в Австро-Венгрии и Германии)» [3], рассчитанного на массового читателя и появившейся с началом Первой мировой войны. Во введении к своей книге Белгородский пишет: «Если и в прежние времена, особенно в освободительную войну 1877–1878 гг., интересы славян были близки России, то настоящая война является по преимуществу войной за освобождение поработанного славянства.

<...> Существующие учебники всемирной истории, переполненные часто совершенно не нужными подробностями из жизни различных западноевропейских государств, отводят обычно весьма ничтожное место судьбам родственных нам братьев-славян. Объяснение этого печального явления нужно искать в господствующем у нас немецком освещении всемирной истории, при котором, естественно игнорируется изложение судеб славянских народов. Задача автора – представить краткий популярный исторический очерк поработанного славянства в Австро-Венгрии и Германии. В продолжение всей своей свыше тысячулетней исторической жизни оно ведет непрерывную, тяжелую и упорную борьбу с германским миром» [3, с. 3–4].

Одним из тех, кто полагал галичан украинцами был автор многочисленных публикаций Л. Василевский (псевдоним – Плохоцкий). В России, где он активно печатался, у него была репутация одного из ведущих специалистов по истории и этнографии славян Габсбургской империи. Знание нескольких языков, в том числе польского и немецкого, поездки по Галиции позволили Василевскому лично познакомиться с жизнью народов, ее населявших. Свои взгляды об этническом, экономическом и политическом развитии славян Галиции он изложил в работе «Современная Галиция» [4], ставшей одной из первых исследований славянского этноса на территории Габсбургской монархии. Несмотря на то, что родился автор в С.-Петербурге, он считал себя поляком, учился в университетах Львова и Праги, с 1902 г. жил в Кракове и был деятелем польского национально-политического движения, близким соратником Пилсудского. Отсюда его откровенно пропольская ориентация, которую нужно иметь ввиду при чтении его работы: его наблюдения и данные о росте культурного уровня и общественной активности славян Цислейтании резко расходились с представлениями других российских ученых об их угнетении австрийскими властями.

В первую очередь Василевский напрочь отрицает наличие в составе населения Галиции русинов как отдельной этнической группы по своим православным и историческим корням близкой к русскому этносу. По его утверждению, в славянском населении Галиции численно преобладали поляки, а меньшую часть представляли не русины, а украинцы. Лейтмотивом книги стало утверждение, что в Галиции доминирующую роль играли поляки, а «украинская» часть населения политически, экономически и в культурном отношении ими дискриминировалась и подавлялась. Василевский в оценке положения поль-

ской и украинской, по его словам, частей населения Галиции обратил-ся к социально-классовым основаниям складывания национальной идентичности. В его изложении в повседневном труде, быте и уровне жизни польские и украинские крестьяне мало чем отличались. Более того, между крестьянами различных национальностей взаимоотношения были доброжелательным, о чем свидетельствовало немалое количество смешанных браков. Неприязненность и даже враждебность проявлялись по мотивам принадлежности к противоположным социальным группам: дворянин – поляк, крестьянин – украинец. Точно так же не утихали межнациональные конфликты между польской элитой и развивавшейся украинской интеллигенцией. То же можно сказать и об отношениях между польской элитой и евреями, вынужденными либо эмигрировать, либо примириться с колонизацией. Складывание же украинской идентичности в Восточной Галиции стимулировалось австрийскими властями, которые проводили пропольскую и анти-русскую политику. Первая диктовалась сложной внутривосточной ситуацией в стране из-за конфликта с чехами. Будучи заинтересованными в поддержке польских депутатов в Рейхсрате, они привлекали польскую аристократию на высокие правительственные должности и не без успеха компенсировали поддержку со стороны поляков политикой украинизации русинского населения, как антиросийского проекта. Это и привело к тому, что постепенно в массовом сознании понятийно «украинцы» начали вытеснять «русинов». Поэтому исповедовавший пропольскую ориентацию Василевский и полагал возможным говорить о русинах Галиции, как об украинцах.

Наконец, с сугубо украинских национальных позиций выступал М. С. Грушевский, выдвинувший концепцию, взятую на вооружение современным украинским государством. В труде «История Украины-Руси» Грушевский отстаивал тезис об обособленности славянского населения на территории Украины, начиная с середины I тыс. н. э., и постулировал концепцию неразрывного этнокультурного развития в регионе, которое в конечном итоге привело к формированию особого этноса, отличного от других восточных славян. Первый том труда Грушевского вышел в 1898 г. во Львове (3-е издание в Киеве) [7]; последний, десятый том, доводивший историю Украины до середины XVII в., появился в 1936 г., уже после смерти автора. Грушевскому также принадлежат изданные в Киеве и С.-Петербурге работы по проблемам польско-украинских отношений в Галиции [8; 9].

Что касается еще одной важной составляющей части Цислейтании – Богемии, то на ее примере наглядно видно, что австрийские элиты, сам император не намеревались превратить страну в мононациональное немецкое государство. В этом отношении Погодин обращает внимание на то, что австрийская элита проявляла склонность к определенным уступкам в пользу национальных образований в Цислейтании. Он приводит в подтверждение рескрипт Франца Иосифа чешскому сейму: «помня государственно-правовое положение короны Чехии и тот блеск и могущество, которые она доставила Габсбургам», император обещал подтвердить своим коронованием в качестве чешского короля автономные права Чехии, что ставило ее в положение, аналогичное Венгрии [20, с. 40]. Однако против выступили австро-немецкие централисты и венгерские правящие круги, опасавшиеся роста национально-освободительной борьбы в Словакии, Хорватии и других славянских землях венгерской короны. О нежелании Германии видеть у своих границ автономную Чехию заявил канцлер Бисмарк. Франц Иосиф вынужден был отступить. По этим причинам попытка превращения дуалистической монархии в триалистическую провалилась. При этом либеральные реформы и политика национальных компромиссов (решение вопросов о равноправии чешского и немецкого языков в Пражском университете и в средних школах, требование об обязательном знании обоих языков чиновниками как в районах совместного проживания, так и в немецких по составу населения районах Богемии), напротив, еще больше подогревали австро-немецкий национализм, вызвали новый виток немецко-чешского конфликта, вылившегося на улицы городов Богемии и Моравии и приведшего к параличу работы Рейхсрата. В марте 1914 г. Рейхсрат вообще был распущен. Такая же судьба постигла и местные представительные учреждения в Цислейтании.

Погодин в связи с этим поставил вопрос о перспективах монархии Габсбургов: «В чем же заключалось разрешение австрийского кризиса? Как можно было уладить отношения враждующих славянских и неславянских народностей империи? На эти вопросы было предложено много ответов: одни рекомендовали ввести в Австрии строгий федеративный строй, отказавшись от требований единого государственного языка; другие видели спасение государства в отмене автономий, в выделении Галиции в особое положение и подчинении остальных земель централистическому правительству; третьи думали, что и без принципиальной ломки возможно с помощью тех или иных улучшений достигнуть согла-

шения между народами. Социалистическая литература выставила новый принцип национальной автономии, не связанной с территорией. Государственная мысль Австрии долго работала над созданием такой формы сожития народов, при которой ни одна из народностей не чувствовала бы себя угнетенной. Но все попытки не привели ни к каким положительным результатам, хотя громадное принципиальное значение их не подлежит сомнению: нигде, ни в одном государстве мира, национальная проблема не была поставлена в такой форме и на такой почве, как в Австрии, а эта проблема, представляющая выражение общей идеи о равноправии человечества, является сама по себе прогрессивной и включает зерно новых взаимоотношений среди человечества. Естественно, что при важности и сложности проблемы и при отсутствии прецедентов в прошлом развитии человечества Австрия оказалась вынуждена одиноко и с великими усилиями выходить на новый путь, который обещал ей в будущем новое развитие. Война положила предел этому процессу» [20, с. 64].

Но кто тогда способствовал развязыванию войны? Сама правящая элита монархии. Срыв мирного урегулирования национального вопроса породил у нее сомнения в наличии внутренних резервов политического оздоровления страны и упрочил курс на войну как средство сохранения монархии. Результат оказался обратным: национальный вопрос разрешился ценой гибели империи.

Список использованных источников

1. *Авалов, З.* Областные сеймы. Федерализм / З. Авалов // Конституционное государство. – СПб.: Изд. И. В. Гессена и прив.-доц. А. И. Каминка при участии редакции газеты «Право», 1905. – С. 273–312.
2. *Ардашев, П. Н.* Дополнение к Лекциям по всемирной истории проф. М. Н. Петрова / П. Н. Ардашев // Лекции по всемирной истории: в 5 т. / М. Н. Петров; под ред. проф. В. К. Надлера – 2-е изд. – 1906–1910. – Т. V. – Ч. 1. – СПб., 1910.
3. *Белгородский, А. В.* Порабощенное славянство: (в Австро-Венгрии и Германии) / А. В. Белгородский. – Петроград.: Изд. Н. П. Карбасникова, 1915. – 138 с.
4. *Василевский, Л. М.* Современная Галиция / Л. М. Василевский. – СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1900. – [2], IV, 231 с., 1 л. карт.
5. *Василевский, Л.* Австро-Венгрия. Политический строй и национальные вопросы / Л. М. Василевский. – 2-е изд. – СПб., 1906. – 64 с.
6. *Величко, Г.* Галиция / Г. Величко // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: тип. И. А. Ефрона, 1890–1907. – Т. VII-А. – 1892. – С. 902–909.
7. *Грушевский, М. С.* Історія України-Руси / М. С. Грушевський. – 3-е вид. – Київ, 1913. – Т. 1. – 648 с.

8. *Грушевский, М. С.* К польско-украинским отношениям Галиции: 1–4 / М. С. Грушевский. – Киев: 1 Киев. артель печ. дела, 1905. – [4], 112 с.
9. *Грушевский, М. С.* Из польско-украинских отношений Галиции: Несколько иллюстраций к вопросу: автономия областная или национально-территориальная / М. С. Грушевский. – 2-е изд. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1907. – 74 с.
10. *Звездич, П.* «Историческая миссия» Австрии / П. Звездич // Русское богатство. – 1897. – № 12. – С. 138–139.
11. *Звездич, П.* Австрия // П. Звездич / Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах: [В 3 т.] / Под ред. Е. Смирнова. – СПб.: Изд. Н. Глаголева, [1903]. – Т. 1.
12. *Ефименко, А. Я.* История украинского народа / А. Я. Ефименко. – СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1906. (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время / изд. под ред. Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого). – Вып. 2. – 1906. – [2], 193–391 с.
13. *Ир. П.* (Половинкин И. Н.) Русины / Ир. Р. (Половинкин И. Н.) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Тип. И. А. Ефрона, 1890–1907. – Т. XVII. – 1899. – С. 296–297.
14. *Исламов, Т. М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. / Т. М. Исламов // Новая и новейшая история. – 2001. – № 2. – С. 2–40.
15. *Кареев, Н. И.* История Западной Европы в Новое время (Развитие культурных и социальных отношений: в 7 т., 9 кн. / Н. И. Кареев. – СПб.: Тип. И. А. Ефрона, 1892–1917. – Т. VI. – Ч. 1. – СПб., 1909.
16. Конституция Австро-Венгрии, 21 декабря 1867 г. // Лоуэлль, А. Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы: Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария / А. Л. Лоуэлль; пер. с англ. О. Полторацкой; ред. Ф. Смирнова. – М.: С. Скирмунт, 1905. – С. 533–576.
17. *Лаптева, Л. П.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947) / Л. П. Лаптева. – М.: Дом русского зарубежья, 2011. – 147 с.
18. *Лозинский, С. Г.* Национальный вопрос и политические партии в Австрии / С. Г. Лозинский. – М.: Серп, 1907. – 83 с.
19. *Лозинский, С. Г.* Царствование Франца-Иосифа. Политический очерк современной Австрии / С. Г. Лозинский. – Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1916. – VIII, 205, [3] с.
20. *Погодин, А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года / А. Л. Погодин. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. – VIII, 420 с. + 3 отд. л. карт.

(Дата поступления: 25.10.2019).

РАЗДЕЛ 2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ИМПЕРИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Кейко Ю. В.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно

Kejko J.

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

УДК 94:27–523.4(470)«18»

ВЕДОМСТВЕННЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В КОНЦЕ 50-Х ГГ. XIX В.

DEPARTMENTAL NORMATIVE LEGAL ACTS OF THE MINISTRY OF STATE PROPERTY ON THE CONSTRUCTION OF ORTHODOX CHURCHES IN THE LATE 50-s OF THE XIX CENTURY

В статье рассматриваются преобразования в области православного храмового строительства конца 50-х гг. XIX века, осуществленные Министерством государственных имуществ. Источниковой основой являются циркулярные предписания министра государственных имуществ М. Н. Муравьева за 1858 г. Проанализированные акты дают представление о подготовительном и заключительном этапах строительства церковных зданий и отражают способы ведения

отчетной документации об израсходовании денежных средств. Однако документы не содержат инструкций о правильном исполнении церковно-строительных работ, тем самым полностью не раскрывают данный процесс.

Ключевые слова: православное храмовое строительство; Министерство государственных имуществ; М. Н. Муравьев; западные губернии Российской империи.

The article deals with the transformations in the field of Orthodox temple construction in the late 50-s of the XIX century, carried out by the Ministry of state property. The source basis is the circular instructions of the Minister of state property M. N. Muravyov for 1858. Analyzed acts give an idea of the preparatory and final stages of construction of church buildings. Reflect the methods of accounting documentation on the expenditure of funds. However, the documents do not contain instructions on the correct execution of church construction works, thus do not fully disclose this process.

Keywords: Orthodox church construction; Ministry of state property; M. N. Muravyov; Western provinces of the Russian Empire.

После объединения униатов с православной церковью в 1839 г. церковно-строительные работы на территории западных губерний Российской империи осуществлялись под контролем Министерства государственных имуществ совместно с Синодом Русской Православной Церкви [1, с. 77]. Главной задачей Министерства являлась перестройка прежних униатских храмов в православные. По указу императора от 14 июля 1845 г. управление церковно-строительной деятельностью было передано в непосредственное распоряжение Министерства государственных имуществ для более продуктивного выполнения строительных работ [2, с. 42]. С апреля 1846 г. ремонтом и возведением православных храмов занимались местные палаты госимуществ Министерства государственных имуществ, деятельность которых контролировали генерал-губернаторы [3, с. 37]. 29 июля 1852 г. вышло новое распоряжение императора, требовавшее ремонта всех православных храмов и обеспечения их необходимыми церковными принадлежностями [4, л. 7]. В связи с этим был произведен осмотр церковных зданий «особыми Комиссиями» и составлены акты. Полученные сведения палаты госимуществ представили в профильное министерство. Затем министерство совместно с Синодом разработало основной подход к сооружению новых храмов – приоритет церковных зданий небольших размеров без всяких излишеств во внешнем убранстве. Кроме этого требовалось упростить конструкцию этих строений, поскольку возведение и ремонт храмов совершали крестьяне или местные мастера [4, л. 7].

Активизация православного храмового строительства наблюдалась после вступления в должность министра государственных имуществ М. Н. Муравьева (1857–1862 гг.). Новый министр решил разработать специальные правила для организации и производства церковно-строительных работ. Они прослеживаются в его ведомственных циркулярах за 1858 г.

Первый циркуляр М. Н. Муравьева от 16 января 1858 г. «Об устройстве Православных церквей в казенных имениях Западных губерний» был адресован управляющим палатами государственных имуществ западных губерний. В преамбуле документа М. Н. Муравьев определил позицию министерства по данному вопросу. Строительству православных церквей предшествовал подготовительный этап, предусматривавший составление проектно-сметной документации, поиск и приобретение стройматериалов, а также поиск мастеров.

По его распоряжению в министерстве были составлены три проекта со сметами строительства, исходя из вместимости церковных зданий: от 150 до 185 человек, от 250 до 300 человек и от 450 до 500 человек. После одобрения проектов и смет обер-прокурором Святейшего Синода эта документация из министерства была отправлена генерал-губернаторам и начальникам губерний. Министр поручил губернской администрации выяснить цены на местные стройматериалы и услуги мастеров, при этом указав на необходимость удешевления строительных работ. Отдельно М. Н. Муравьев потребовал от епархиальных архиереев и приходских священников предложений о наиболее выгодных способах приобретения нужных строительных материалов и поиска хороших мастеров. После поступления замечаний и предложений от генерал-губернаторов, губернаторов, епархиальных архиереев к февралю 1858 г. технико-строительная комиссия при министерстве должна была переделать ранее составленные проекты и сметы, так как они не соответствовали местным особенностям и требовали упрощения [4, л. 7].

Во второй части циркуляра в пятнадцати пунктах министр предложил своё видение процесса организации церковного строительства. Первые пункты документа предписывали, что строительные и ремонтные работы должны были осуществляться палатами госимуществ под контролем губернатора двумя способами: хозяйственным и(или) подрядным.

Хозяйственный способ предусматривал производство строительных работ силами прихожан под наблюдением и при участии приходских священников через сельские управления, техников и других чиновников или лиц из других ведомств (3 пн.). Заниматься поиском

стройматериалов и мастеров обязаны были прихожане и священники. Древесину получали из местных и ближайших лесных дач. Подрядный способ предполагал торги по передаче подряда на возведение храма с последующим подписанием контракта.

Очередь, согласно которой приступали к осуществлению строительных работ, формировалась на основе информации о состоянии храмов, собранной при их общем осмотре по предписанию министерства от 18 августа 1852 г. и с согласия епархиального начальства [4, л. 7 об.].

Денежные средства на производство церковно-строительных работ отчислялись из «хозяйственного капитала» государственным крестьянам в долг. М. Н. Муравьев рассчитывал, что крестьяне проявят инициативу и будут изыскивать по дешевой цене материалы и собственными силами доставлять их к месту строительных работ, чтобы сократить размер возложенных на них финансовых издержек. Запрещалось использовать казенные средства для возведения новых храмов в той местности, где можно было отремонтировать существующее церковное здание, а также для незначительных ремонтных работ, которые могли быть сделаны за средства прихожан.

Недостаток строительных мастеров планировалось компенсировать за счёт привлечения специалистов из «великороссийских губерний», где к тому времени уже образовались строительные рабочие артели. Предполагалось, что эти специалисты станут во главе мастеровых артелей, сформированных из местных крестьян.

В последнем пункте циркуляра давалось указание приступить к подготовке и вывозу древесины, других стройматериалов для церквей, требующих безотлагательного сооружения или ремонта по первоначально составленным проектам и сметам [4, л. 59].

В заключительной части документа М. Н. Муравьев дал управляющим палатами госимуществ распоряжение систематически информировать министерство о ходе церковно-строительных работ и отметил, что министерство будет пристально следить за исполнением всех выше перечисленных пунктов правил [4, л. 59 об.]. К циркуляру прикладывались экземпляры проектов и смет деревянных храмов. Таким образом, данный циркуляр заложил ключевые аспекты организации церковно-строительного процесса без четких инструкций.

Новый документ «О нормальных проектах и сметах на постройку Православных церквей» (21 февраля 1858 г.) дополнял предыдущий, поскольку раскрывал вопрос о применении новой проектно-сметной доку-

ментации, составленной технико-строительной комиссией Министерства госимущества. Эти проекты и сметы были исправлены в соответствии с замечаниями генерал-губернаторов, губернаторов и епархиальных архиереев и опечатаны в трех экземплярах под № 1–3. С целью исключения однообразия и повторений при возведении церковных зданий по одному и тому же проекту в разных имениях к чертежам № 1, 3 прикладывались параллельные чертежи под № 4, 6, 7, которые отличались только внешним обликом храма и предоставляли прихожанам и духовенству возможность выбора «сообразно с их желанием», т. е. между двумя типовыми проектами с разным наружным убранством. В данных чертежах первоначальные размеры храмов практически сохранялись, изменялось лишь некоторое расположение частей храма для большего комфорта прихожан и духовенства. Отдельно были переделаны сметы, в которых определялось количество необходимых стройматериалов и рабочих без обозначения их стоимости, так как в каждой местности были свои расценки. Также ниже указывалась сумма по каждой губернии к каждому чертежу для сооружения церкви, а её превышение запрещалось. В стоимость входили расходы на приобретение древесины. Вместе с циркулярами по губерниям рассылались по 10 экземпляров каждого номера исправленных и параллельных чертежей со сметами для их применения при сооружении церковных зданий [4, л. 8]. Как видим, преимущество отдавалось быстрому и качественному выполнению госзаказа, который предполагалось ускорить за счет возведения храмов по упрощённым чертежам без излишеств во внешнем убранстве. С другой стороны, такое тиражирование типовых проектов могло быть угрозой для художественного уровня культовой архитектуры.

Установленный М. Н. Муравьевым порядок в организации церковно-строительных работ без детального объяснения этапов осуществления самого строительного процесса вызывал среди управляющих палатами госимуществ ряд вопросов, ответы на которые разъяснялись в циркуляре «О разрешаемых недоумениях по постройке Православных церквей в казенных имениях» (14 марта 1858 г.). В начале документа прописаны вопросы, а затем министром госимуществ даны на них следующие ответы: а) расходы при сооружении храмов в «смешанных приходах» (с государственными и помещичьими крестьянами) было необходимо согласовывать с министром внутренних дел; все расходы, возложенные на помещичьих крестьян, подлежали фиксации, о чем сообщалось губернатору; б) оштукатуривать стены внутри зданий из-за дороговизны материалов разрешалось путем окрашивания их охрой на клеевой осно-

ве или без окраски в зависимости от обычаев местности; в) перекрывать здания следовало гонтом, распространенным в той местности, где велось строительство, при этом самостоятельно менять стоимость на его покупку в сметах. Трудности вызвал вопрос об управлении церковно-строительным процессом, ответом на который послужил пункт 3 циркуляра от 16 января 1858 г. Министр напомнил, что все работы необходимо выполнять согласно прописанным в смете суммам. В ответ на предмет правильной закладки фундамента при отсутствии требуемого стройматериала и нехватке на него денежных средств М. Н. Муравьев сослался на проекты и сметы министерства: «в устройстве для церковных зданий фундаментов и размерах таковых зданий надлежит руководствоваться во всяком случае разосланными от Министерства нормальными проектами и сметами» [5, л. 76]. Как видим, данный циркуляр содержал ответы на различные вопросы управляющих палатами госимуществ, что содействовало более четкой организации церковно-строительного процесса.

Дополнением к пункту 1 циркуляра от 16 января 1858 г., разрешающему превышать размеры храмов на основе предоставленной министерством проектно-сметной документации и вместо деревянных сооружать церковные здания из кирпича, стал циркуляр М. Н. Муравьева «С препровождением нормальных чертежей и смет на постройку каменных церквей» (7 июня 1858 г.). Этот документ позволял возводить храмы вместимостью до 500 человек (чертеж № 8) и до 700 человек (чертеж № 9), т.е. значительно больших размеров в зависимости от количества человек в приходе и в случае, если сами крестьяне проявят инициативу и примут активное участие в «благом деле». Отдельных проектов на основе этих чертежей уже не требовалось. Можно было вписывать в печатные экземпляры смет стоимость на стройматериалы и услуги рабочих. Затем заполненные документы губернатор отсылал в Министерство государственных имуществ на утверждение [5, л. 111].

Процедура передачи церковных зданий, новых и отремонтированных, духовному ведомству регламентирована циркуляром министерства от 16 июня 1858 г. После завершения всех строительных работ управляющий палатой госимуществ обязан был обратиться с представлением к губернатору о командировании техника из строительного отделения для осмотра церкви или назначить техника из самой палаты госимуществ, следившего за ходом выполнения строительных работ. По итогам осмотра техником составлялся акт. Затем здание передавалось Русской Православной Церкви [5, л. 122].

Особенности составления отчетной документации по расходу денежных средств на церковные постройки определялись циркулярным предписанием М. Н. Муравьева «Об отчетности по устройству церквей западных губерний» (16 июля 1858 г.). Поскольку строительство производилось двумя способами (хозяйственным и подрядным), то вся документация делилась на два вида: первая отражала сведения о потраченном количестве денег самой палатой госимуществ, вторая содержала информацию о денежных средствах, потраченных подведомственными ей учреждениями (временными церковно-строительными комитетами) и отдельными лицами, на которых возлагалась эта деятельность. При подрядном способе строительства храмов деньги подрядчикам и их поверенным казначей палаты выдавал согласно заключенным с ними контрактам по журнальным постановлениям под их расписки и записывал в «книгу Палаты». Во время производства строительных работ подрядчики свои деньги получали по частям на основании выписанных техником или инженером квитанций. После окончания строительства храма для полного расчета подрядчики должны были предоставить казначею палаты оригиналы или заверенные копии следующих документов: разрешения о полученном подряде, торговые листы, контракты, итоговые акты осмотра церковных зданий с подробным пояснением: «в точности или подрядчиком выполнен контракт, согласно ли плану, фасаду и сметам, выстроена или починена церковь, и о сдаче ее во всей исправности в духовное ведомство», т.е. проверялось полное и качественное выполнение подрядчиками всех условий, прописанных в контрактах. При хозяйственном способе строительства казначей палаты отдавал деньги представителю церковно-строительного комитета вместе со шнуровой книгой для записи прихода и расхода денежных средств [5, л. 133].

Таким образом, процесс православного храмового строительства в западных губерниях Российской империи в конце 50-х г. XIX в. регламентировался циркулярными предписаниями Министерства государственных имуществ, которые не составили в обобщенном виде целостной программы реализации государственного заказа. Главным недостатком циркулярных предписаний министра госимуществ М. Н. Муравьева является отсутствие инструкций по исполнению церковно-строительных работ, что вызывало многочисленные вопросы со стороны управляющих палатами госимуществ. Циркуляры четко устанавливали порядок организации церковного строительства на подготовительном этапе и регулировали процедуру передачи церковных

зданий в духовное ведомство на заключительном этапе. Отдельный циркуляр контролировал ведение отчетной документации по расходу денежных средств. Ускорило выполнение госзаказа применение размноженных копий проектов и смет, разработанных министерством. Тем самым сложилась ситуация, при которой в определенном регионе стал доминировать стиль архитектуры, ранее для него не характерный.

Список использованных источников

1. *Слюнкова, И. Н.* Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. Пересоздание наследия / И. Н. Слюнкова. – М., 2009. – 615 с.
2. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887: в 5 ч. – СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1888. – Ч. 2: Попечительство. Поземельное устройство. – 547 с.
3. *Крапивин, В. С.* Деятельность Министерства государственных имуществ по поддержке духовенства и образования в Беларуси (1839–1863 гг.) / В. С. Крапивин // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 16 / сост. С. В. Анцух; под общ. ред. В. Г. Шадуурского. – Минск: Четыре четверти, 2016. – С. 36–38.
4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). – Фонд 8. – Оп. 1. – Д. 1265.
5. НИАБ в Гродно. – Фонд 31. – Оп. 1. – Д. 338.

(Дата поступления: 26.11.2019).

Киселев А. А.

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

Kiselev A.

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 94 (476): 351.745

ЗЕМСКАЯ ПОЛИЦИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ПЕРИОД 1813–1825 ГГ.

THE COUNTY POLICE OF THE BELARUSIAN PROVINCES IN THE PERIOD 1813–1825

В статье анализируются изменения в порядке назначения чиновников уездной полиции в белорусских губерниях во второй половине правления императора Алек-

сандра I. Отмена выборов дворянством полицейских чиновников была обусловлена необходимостью повысить профессиональный уровень полиции, ослабить ее зависимость от местного дворянства. Однако такая политика не была направлена на сокращение доли местных уроженцев среди полицейских чиновников.

Ключевые слова: уездная полиция; белорусские губернии; выборы; Министерство внутренних дел; внутренняя политика; Комитет министров.

The article analyzes the changes in the procedure for the appointment of county police officers in the Belarusian provinces in the second half of the reign of Emperor Alexander I. The abolition of elections by the nobility of police officials was due to the need to increase the professional level of the police, to weaken its dependence on the local nobility. However, this policy was not aimed at reducing the proportion of local natives among police officials.

Keywords: county police; Belarusian provinces; elections; Ministry of the Interior; domestic policy; Committee of Ministers.

В современной белорусской историографии вопрос об организации земской полиции в первой четверти XIX в. специально не рассматривается. В основном его изложение сводится к констатации факта существования нижних земских судов, общему описанию их структуры и функций, а также, в отдельных случаях, к упоминанию некоторых отличий [1, с. 53]. Детального рассмотрения причин изменений в структуре нижних земских судов белорусских губерний в правление Александра I практически не предпринимается. Вместе с тем организация структур исполнительной, в том числе административно-полицейской, власти на местном уровне позволяет оценить степень государственного регулирования и управленческие возможности российского правительства на новоприсоединенных территориях после разделов Речи Посполитой.

По указу от 8 февраля 1816 г. дворяне западных, в том числе белорусских, губерний вновь получили право избрания начальника земской полиции на основании «Учреждения для управления губерний» 1775 г. [2]. Этого права дворянство пограничных губерний было лишено 3 марта 1805 г. наряду с другими 13 губерниями империи: от Олонецкой до Иркутской [3]. Отказ от практики назначения исправников мотивировался тем, что «определяемые правительством в должности земских исправников чиновники не имеют достаточных сведений об образе судопроизводства и особых правах, тамошнему краю присвоенных» [2]. Вместе с тем вскоре оказалось, что проблема организации земской полиции заключалась не столько в неосведомленности чиновников из внутренних губерний империи в местных реалиях, сколько в зависимости местной полиции от дворянской корпорации.

В августе 1818 г. сенатор В. С. Ланской (1754–1831) стал инициатором обсуждения в Комитете министров вопроса об организации земской полиции в западных губерниях империи. Поводом стал проезд сенатора через Мозырский повет Минской губернии, где он стал свидетелем деятельности местных чинов полиции. Он отметил, что чиновники на эти должности, как правило, «избираются неопытные, ни где не служившие, и большею частью зависимые от знатных» [4, л. 105]. Ланской предложил назначать в «польских губерниях» на должности чинов земской полиции «тамошних дворян» губернаторами с утверждением этих назначений Правительствующим Сенатом. По мысли сенатора, это усилило бы ответственность губернаторов за подбор кадров и сделало бы полицейских менее стесненными «от дворянства зависимостью» [4, л. 105].

Следует заметить, что наблюдения Ланского справедливы не только для Минской и прочих приграничных западных губерний, но и для Витебской и Могилевской губерний. Например, после ревизии ряда уездов Витебской губернии губернатор П. П. Тормасов в сентябре 1814 г. констатировал, что «многие заседатели нижних земских судов столь мало заботятся о своей обязанности, что некоторые из них получив особенные от суда или земского исправника поручения, и выехав в уезд, не занимаются делом, а проживают праздно, иные же отваживаются совсем, оставив поручение, отлучаться на не только в неизвестные места своего уезда, но даже и в чужие уезды» [5, л. 1]. В своем рапорте витебскому генерал-губернатору Н. Н. Хованскому от 4 ноября 1825 г. невельский исправник Р. Т. Самуйленко указывал на полную некомпетентность состава заседателей из числа «не опытных, часто молодых, малого состояния» [6, л. 1] дворян, которых описывал как «боящиеся сделать настояние у великопоместных к очистке податей, повинностей или к доправлению взыскания по поведением правительства» [6, л. 1 об.]

Знарок шляхетского быта белорусско-литовских губерний и классик польской литературы А. Мицкевич в поэтической форме отразил значение полиции в дворянском обществе. В его поэме «Пан Тадеуш» ассессор, то есть заседатель от дворянства, более известен как заядлый охотник, чем чин полиции. Этот «страж закона» приложил все усилия, чтобы замять случай с нападением шляхты на усадьбу и егерей, несмотря на то, что попытка ассессора остановить графа закончилась «одним ударом шпаги» [7, с. 183]. В поэме никто из местных дворян не считается с ним как представителем власти, а современный читатель с большим трудом можем догадаться о принадлежности этого литературного пер-

сонажа к полиции. В воспоминаниях Я. Гаштовта рассказывается о случае, когда магнату удалось уговорить «за несколько десятков рублей и шубу из овчины» [8, р. 76] заседателя от дворянства взять под стражу своего бывшего крепостного, вышедшего в отставку после армейской службы. При этом автор воспоминаний специально отметил, что на такой поступок пошел «пан ассессор из оседлых обывателей, выбранный обывателями!» [8, р. 76]. В конечном счете после взяток выборным чинам гродского суда в целях недопущения пересмотра дела взятый под стражу подозрительно вовремя скончался от «апоплексии». Мемуарист грустно заключает, что после этого случая он «стыдится называться шляхтичем» [8, р. 77].

Инициатива сенатора В. С. Ланского была поддержана императором Александром I и направлена для обсуждения и консультации с губернаторами западных губерний. Показательно, что запрос не был разослан начальникам Витебской и Могилевской губерний. В ответ минский губернатор В. И. Гечан-Гечевиц выразил частичное согласие с проектом В. С. Ланского. В частности, он поддержал идею о назначении исправников, но отметил, что выборность дворянских заседателей следует оставить. Это необходимо сделать для того, чтобы обеспечить соблюдение прав дворянства, предусмотренных Жалованной грамотой. Однако губернатор не стал полностью отрицать предложение сенатора. Например, он посоветовал выбирать местным дворянством по 8 кандидатов в каждом повете на посты дворянских заседателей. В этом случае губернатор получил бы право выбирать из них четырех кандидатов для замещения полицейских постов, не взирая на результаты баллотировки. Сходную аргументацию высказал и гродненский губернатор М. Ф. Бутовт-Андржейкович. Признавая правоту сенатора в оценках дееспособности земской полиции, он заметил, что «отнять у дворянства право выбора чиновников земской полиции значило бы лишить оное важнейшего преимущества» [4, л. 106]. В этой связи начальник Гродненской губернии соглашался лишь с возможностью назначения исправников. Вместе с тем он предложил предоставить губернатору право отстранения выборных дворянских заседателей от должности. Кроме того, губернатор воспользовался возможностью высказать предложение о передаче чинам гродских и поветовых судов права исполнения приговоров в присутствии полицейских чиновников. По его мнению, это соответствовало бы Литовскому статуту, причем данное требование уже высказывалось им в 1815 г. в записке министру юстиции. Иную пози-

цию занял виленский губернатор К. Ф. Друцкий-Любецкий. Он отметил нетерпимость сложившегося положения в земской полиции и полностью поддержал сенаторский проект. Единственным дополнением к высказанным взглядам В. С. Ланского стало предложение ввести годичный испытательный срок для чиновников, отобранных губернатором. На стороне сенатора оказался и начальник Белостокской области граф И. А. Воллович, подтвердив справедливость суждений В. С. Ланского. Он отметил, что по его наблюдениям заседатели, а точнее ассессоры, земских судов избираются из «самых молодых дворян, только лишь вышедших из училищ, следовательно и понятия никогда не имеют о службе и должности своей» [4, л. 107]. Безоговорочно поддержал сенаторские рассуждения и подольский губернатор С. И. Павловский.

В свою очередь волынский губернатор В. К. Гижицкий выступил с полностью противоположной точкой зрения на проблему. Он указал на нарушение Жалованной грамоты дворянству в случае лишения шляхты права избрания чинов земской полиции. По его словам, лучше «иметь чиновника неопытного, но беспристрастного, нежели с опытными, но без совести» [4, л. 108]. Начальник губернии положительно охарактеризовал чинов земской полиции Волынской губернии, заметив, что они «были бы еще лучше, ежели производство следственных дел дозволено было на польском языке» [4, л. 108]. В целом случай с чиновниками полиции Мозырского повета, по мнению волынского губернатора, не отражал повсеместного состояния земской полиции. В. К. Гижицкий писал о том, что в глазах аристократии и богатого дворянства место полицейского чиновника «не столь уважительно и унижено» [4, л. 108]. Этот низкий статус обусловлен именно тем, что прежде чины полиции зависели исключительно от губернатора. Кроме того, полицейскому чиновнику от короны «никак нельзя существовать по бедному жалованью» [4, л. 108]. В качестве меры он предлагал разрешить губернатору выбирать чиновников полиции из числа избранных дворянством кандидатов.

Получив губернаторские отзывы Комитет министров пришел к заключению, что отзыв сенатора о состоянии земской полиции в «присоединенных от Польши» губерниях соответствует реальности. Однако члены комитета согласились с тем, что «для общей пользы того края» необходимо «в некоторой степени оставить неприкосновенным право дворянства по выборам» [4, л. 109]. В конечном итоге было принято решение о том, чтобы исправников могли назначать губернаторы из

«чиновников тамошнего дворянского сословия» [4, л. 109], но в должности последние утверждались Правительствующим Сенатом. В том, что касается дворянских заседателей, то сохранялся прежний выборный порядок замещения этих должностей земской полиции. Это решение Комитета с незначительными изменениями легло в основу указа от 31 декабря 1818 г., согласно которому назначенные губернаторами исправники утверждались министром полиции, а выборные дворянские заседатели – губернатором [9]. Данное решение распространялось на Виленскую, Гродненскую, Минскую, Волынскую и Подольскую губернии, а также на Белостокскую область. Следует отметить, что в процессе обсуждения больше всего нареканий высказывалось в адрес деловых качеств заседателей, но именно эту категорию полицейских чиновников указ не затронул.

Подготовка данного решения любопытна тем, что губернаторами этих губерний являлись представители местных польских дворянских родов, а не выходцы из внутренних губерний империи. Показательно, что половина из опрошенных начальников губерний указала на необходимость обеспечения сословных дворянских прав, сохранив за местным дворянством полностью или частично право замещения должностей в нижних земских судах. Показательно, что российское правительство, несмотря на поддержку идеи полной отмены выборов со стороны виленского губернатора К. Ф. Друцкого-Любецкого – будущего министра финансов Царства Польского, подольского губернатора С. И. Павловского и правителя Белостокской области графа И. А. Волловича, решилось пойти только на назначение исправников. При этом условия отмены выборного начала гарантировали замещение должности исправника в пределах западных губерний исключительно местными уроженцами.

Вслед за отменой выборов исправника в Виленской, Гродненской, Минской губерниях, данная мера была распространена 11 апреля 1823 г. на Витебскую и Могилевскую губернии [10]. Однако в этих губерниях допускалось назначение не только из «тамошнего дворянства», но и «из других посторонних чиновников, имеющих нужные к тому качества» [10].

Достаточно сложно оценить влияния этого решения на кадровый состав чиновников земской полиции. По крайней мере, оно не привело к появлению на постах начальников уездной полиции чиновников с опытом государственной службы. В частности, согласно данным «Месяцеслова с росписью чиновных особ» на 1818 г. из 33 исправников Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области толь-

ко 14 (42 %) имели классные гражданские и военные чины. Среди 105 выборных дворянских заседателей лишь 10 (9,5 %) выслужили классные чины, а значит имели хоть какой-то опыт государственной службы [11]. В 1820 г. ситуация принципиально не изменилась: исправники с классными чинами составляли такой же процент, а на долю заседателей с чинами приходилось 8,5 % всех выборных чинов [12]. Для сравнения отметим, что в сопредельных Псковской и Смоленской губерниях все исправники и заседатели имели выслуженные военные и гражданские чины. Не изменилась кадровая ситуация и позже, поскольку 9 июля 1825 г. было подтверждено право назначения на должность исправника «в губерниях от Польши возвращенных» «дворян чинов не имеющих, но служивших в классных должностях по выборам дворянства не менее трех лет» [13]. При этом нехватка лиц, имеющих классные чины, была такова, что российские власти допустили приравнивание к русским военным чинам званий, полученных лицами, служивших «в войсках Герцогства Варшавского», которые вошли «в состав нынешних войск Царства Польского» [13].

Однако правительство не остановилось на замене выборов исправников их назначением от короны. 9 марта 1826 г. состоялось сенатское постановление, утвердившее одобренное, по всей видимости, императором Александром I представление Комитета министров от 1 сентября 1825 г. об «образе определения по польским губерниям исправников и заседателей в земские суды и о дворянских выборах» [14]. В этот раз инициатором обсуждения вопроса в Комитете министров стал уже не сенатор, но цесаревич и вел. кн. Константин Павлович. Участие последнего в решении вопроса об устройстве земской полиции обуславливалось тем, что еще 29 июня 1822 г. под его управление указом императора Александра I переводились пять западных губерний, в том числе Минская, Гродненская и Виленская, а также Белостокская область. Особое положение великого князя в системе политической власти фактически исключило какие-то длительные дискуссии. Интересно, что содержание доклада представлялось в Комитете министров недавно назначенным министром внутренних дел В. С. Ланским, который, как было показано выше, будучи сенатором в 1818 г. высказывал сходные идеи о порядке комплектования полиции. Однако основную часть проекта составляло обоснование изменений в проведении дворянских выборов в крае, «имеющее неразрывную связь с допущением дворян польских губерний к полицейскому долж-

ностям» [14]. В частности, цесаревич констатировал, что вопреки длительным ожиданиям правительства «дворяне тех губерний, по окончании наук, вместо того, чтобы, подражая российскому дворянству, обращаться прежде в военную или гражданскую коронную службу, для образования себя или приобретения полезных опытов, стремятся преимущественно к получению должностей, от дворянских выборов зависящих, и нередко успевают при оных наполнять присутственные места молодыми неопытными людьми, не имеющими сведений в делопроизводстве и языке российском» [14]. Чтобы покончить с подобной практикой, великий князь требовал распространения на западные губернии 64 статьи Жалованной грамоты дворянства, исключавшей участие в выборах лиц, не служивших или не получивших классовых чинов на государственной службе. Исключение предлагалось сделать лишь для тех, кто уже успел прослужить одно трехлетие по дворянским выборам. По мысли автора проекта, данная мера должна была побудить местное дворянство к поступлению на государственную службу, на которой помимо чинов дворяне «стали бы приобретать навык к порядку и свойственное хорошим чиновникам образование; а чрез то как службе, так равно согражданам своим и даже самим себе были бы более полезны, нежели, вступая без всяких опытов к отправлению должностей по выборам дворянства» [14]. Применительно к чинам земской полиции предлагалось назначать не только исправников, но и половину заседателей из числа «чиновников, служивших в коронной службе и получивших по оной классовые чины». В случае нехватки кандидатов, удовлетворявших данному требованию, предлагалось назначать местных дворян с трехлетним цензом выборной службы, без взысканий и признанных «способными к полицейской службе и опытными в российском делопроизводстве» [14]. При этом кадровый вопрос передавался на усмотрение губернских правлений с утверждением в должности исправников министром внутренних дел, а заседателей – губернским правлением. Окончательное решение по представленному проекту было объявлено Комитету министров 19 декабря 1825 г., т. е. буквально в первую неделю фактического правления императора Николая I. Можно предположить, что членов Комитета министров ознакомили с согласием покойного императора при отсутствии каких-либо возражений со стороны нового правителя.

Показательно, что данное решение было распространено не только на подчиненные вел. князю Константину Павловичу Минскую, Ви-

ленскую и Гродненскую, но и на Витебскую и Могилевскую губернии. Следует отметить, что эта мера в последующем позитивно оценивалась, по крайней мере, частью губернаторов. Так, могилевский губернатор Г. И. Бажанов после восстановления дворянских выборов в 1831 г. в своем представлении генерал-губернатору от 18 декабря 1832 г. утверждал, что от выборных чинов земской полиции «нельзя ожидать той деятельности, распорядительности, верности и беспристрастности, каковые до сего были и впредь ожидать можно от коронного чиновника ненадлежащего кругу оного, избранного начальством» [15, л. 2 об.].

Таким образом, изменения в порядке назначения чинов земской полиции в белорусских губерниях после Отечественной войны 1812 г. были обусловлены неспособностью выборных от дворянства полицейских чиновников к исполнению своих обязанностей. Это свойство настолько бросалось в глаза, что спустя чуть более двух лет после восстановления выборности исправников дворянством правительство в очередной раз пошло на отмену выборов на эту должность. Вместе с тем гарантировалось назначение на этот пост местных уроженцев и сохранялась выборность дворянских заседателей нижних земских судов. Показательно, что губернаторы из местных уроженцев за исключением волынского губернатора в целом поддержали идею об ограничении выборного начала, признавая недееспособность земской полиции. Интересно, что по этой же причине правительство в последующем пошло на отмену выборов исправников в Витебской и Могилевской губерниях. Однако самым слабым звеном в числе сотрудников нижних земских судов были не столько исправники, сколько выборные заседатели от дворянства. Беспомощность уездной полиции вынудила командующего Литовским корпусом вел. князя Константина Павловича в последний год правления Александра I выступить с предложением о замещении половины заседателей путем прямого назначения из числа дворян с классными чинами, полученными на государственной службе или, в крайнем случае, с опытом беспорочной службы по дворянским выборам. В том, что касается оставшейся половины должностей по выборам прямо запрещалось избирать на эту должность дворян, не имевших классных чинов или хотя бы минимального опыта службы по выборам. Вместе с тем это требование не являлось дискриминацией, поскольку соответствовало статьям Жалованной грамоты дворянству 1785 г.

Список использованных источников

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / М. Біч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.,) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 519 с.
2. Об определении в Виленской и в других губерниях исправников и заседателей земских судов по выбору дворянства // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – 1830. – Т. XXXIII. – № 26132.
3. О порядке определения земских исправников в некоторых губерниях // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – 1830. – Т. XXVIII. – № 21648.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Фонд 1263. – Оп. 1. – Д. 149.
5. Национальный исторический архив Беларуси г. Минск (далее – НИАБ в Минске). – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 5446.
6. НИАБ в Минске. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 913.
7. *Мицкевич, А.* Пан Тадеуш, или Последний наезд на Литве / А. Мицкевич. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. – 314 с.
8. *Gasztowt, J.* Pan sędzic czyli opowiadanie o Litwie i Żmudzi / J. Gasztowt. – Poitiers: [s. n.], 1839. – 102 [2] s.
9. Об определении по Минской и другим 5 губерниям земских исправников из чиновников, с утверждением министра полиции // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – 1830. – Т. XXXV. – № 27612.
10. Об определении земских исправников в Могилевской и Витебской губерниях непосредственно тамошним гражданским губернатором // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – 1830. – Т. XXXVIII. – № 29419.
11. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818: в 2 ч. – СПб.: Имп. Академия наук, 1818. – 548 с.
12. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820: в 2 ч. – СПб.: Имп. Академия наук, 1820. – 568 с.
13. О дозволении в присоединенных от Польши губерниях определять в земские исправники дворян чинов не имеющих, и о сравнении тех только польских военных чинов с российскими, кои служили в войсках Герцогства Варшавского, вошедших в состав нынешних войск Царства Польского // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – 1830. – Т. XL. – № 30416.
14. О образе определения по польским губерниям исправников и заседателей в земские суды и о дворянских выборах // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – 1830. – Т. I. – № 188.
15. НИАБ в Минске. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 6099.

(Дата поступления: 26.11.2019).

Ляпешкин Я. М.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

Liapeshkin Y.

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(47+476):35.076«1912/1915»

**СЛУЖБОВЫЯ ПАЕЗДКІ МІНСКАГА ГУБЕРНАТАРА
А. Ф. ГІРСА І ПАРАДАК ЯГО ЗАМЯШЧЭННЯ (1912–1915 гг.)**

**OFFICIALS TRIP MINSK GOVERNOR A. F. GIRSA
AND ORDER HIS REPLACEMENT (1912–1915)**

У артыкуле разгледжана заканадаўства адносна інспектарскіх паездак начальнікаў губерняў і парадку іх замяшчэння. Праведзены аналіз дакументаў афіцыйнага прававодства (Канцылярыі мінскага губернатара А. Ф. Гірса і Мінскага губернскага праўлення) і матэрыялаў перыёдыкі (нумароў газеты «Минские губернские ведомости»), дазволіў адказаць на пытанні, які чыноўнік і як часта замяшчаў губернатара падчас яго камандзіровак. Вызначана колькасць паездак і іх асноўныя напрамкі. Падлічана, колькі дзён адсутнічаў А. Ф. Гірса на кіруючым пасту ў сувязі з адпачынкамі і камандзіроўкамі.

Ключавыя словы: Мінская губерня; губернатар; А. Ф. Гірса; службовыя паездкі; чыноўнікі; віцэ-губернатар; кіраўнік мінскай казённай палаты.

The article deals with legislation regarding supervisory visits heads of provinces and their replacement order. The analysis of official business documents (Office of Minsk governor A. F. Girs and Minsk provincial government) and the materials of periodicals (newspapers room «Minsk province news»), allowed to answer the questions, which the official and how often substituted for the Governor during his trips. Determined by the number of trips and the main directions. It is estimated the number of days absent A. F. Girs at the helm due to holidays and business trips.

Keywords: Minsk Province; governor; A. F. Girs; business travel; officials; Vice-Governor; Head of Minsk Exchequer.

У айчыннай гістарычнай навуцы даследаванне пытанняў, звязаных з мясцовым кіраваннем, застаецца адным з прыярытэтных напрамкаў, у сувязі з недастатковай вывучанасцю праблемы. Паколькі кіраванне гэта цэлая сістэма, творцамі якой выступалі людзі, варта аналізаваць дзейнасць яе канкрэтных прадстаўнікоў. Таму ў дадзеным артыкуле на аснове аналіза крыніц разгледжаны паездкі як складовая частка кіравання мінскага губернатара А. Ф. Гірса.

Паездкі губернатара і парадак яго замяшчэння вызначала «Агульнае губернскае ўстанаўленне» Звода законаў Расійскай імперыі [1].

Адным са шматлікіх абавязкаў губернатара было правядзенне рэвізіі губерні ў цэлым і павятовых гарадоў у прыватнасці [1, ст. 382]. Пры гэтым начальнік губерні павінен быў спланаваць паездкі для гэтай мэты такім чынам, каб «...не ўдаляцца ад губернскага горада на час занадта працяглы» [1, ст. 382]. У выпадку выяўлення губернатарам падчас праверкі губернскай установы няспраўнасцей, ён прадпісваў іх выправіць [1, ст. 383].

«Скончыўшы рэвізію аднаго павятовага горада і пераязджаючы ў суседні, – прадпісвалася ў заканадаўстве, – губернатар імкнецца размяшчаць свой шлях такім чынам, каб яму можна было, у працяг гэтага, агледзець і бліжэйшыя пазаштатныя гарады і некалькі валасцей, гандлёвых значных паселішчаў, прыстаняў...» [1, ст. 384]. Такім чынам, начальнік губерні, нават пераязджаючы з аднаго павятовага горада ў іншы, павінен быў, не марнуючы час, адначасова правяраць становішча навакольных тэрыторый.

З тым каб не абцяжарваць мясцовых жыхароў падчас аб'езду падначаленай тэрыторыі, губернатар павінен быў імкнуцца выкарыстоўваць паштовых коней [1, ст. 386]. У выпадках, калі ўсё ж выкарыстоўваліся коні тутэйшых насельнікаў, – за гэта прадугледжвалася аплата [1, ст. 386].

Увогуле губернатар абавязаны быў праводзіць рэвізію губерні адзін раз у два гады ці штогод, у залежнасці ад памераў губерні і іншых абставін [1, ст. 388]. Напрыклад, магілёўскі губернатар А. С. Дамбавецкі (1872–1893) ужо ў першыя месяцы пасля свайго прызначэння ў Магілёў пачаў інспектаваць губерню [2, с. 50].

Калі губернатар хварэў, адсутнічаў ці па іншых прычынах не мог выконваць абавязкі, то яго пасада даручалася віцэ-губернатару. У выпадках, калі і ён адсутнічаў ці не мог зрабіць гэтага па пэўных прычынах, кіраўніцтва губерняй ускладалася на кіраўніка казённай палаты альбо начальніка ўпраўлення земляробства і дзяржаўных маёмасцяў у залежнасці ад старшынства чыноў [1, ст. 267]. Такім чынам, калі губернатар знаходзіўся ў паездцы, яго замяшчалі іншыя вышэйшыя чыноўнікі губерні.

У прыватнасці, падчас адсутнасці мінскага губернатара А. І. Пятрова (1879–1886) кіраўніцтва губерняй перадавалася віцэ-губернатару І. П. Альбядзінскаму або кіраўніку Мінскай казённай палаты Л. А. дэ Ла-Гардзі [3, с. 191–193; 4, с. 244].

Між іншым, калі губернатар пакідаў па справах толькі губернскі горад, застаючыся ў межах губерні, то «...ён не лічыцца адсутным з губерні і не адхіляецца ад удзелу ў справах, асабіста яму даручаных...». Таму чыноўнік, які заступаў на месца губернатара, у сумнеўных выпадках адкладваў справы да вяртання начальніка, альбо адсылаў іх яму для вырашэння [1, ст. 268].

Прапісаны ў заканадаўстве механізм замяшчэння губернатара на практыцы не меў адрознення паміж беларускімі і іншымі губернямі Расійскай імперыі. Напрыклад, падчас службовых паездак томскага губернатара барона К. С. фон Нолькена (1905–1908) абавязкі па кіраванні губерняй ускладзілі на віцэ-губернатара ці кіраўніка казённай палаты [5, с. 170–171]. Таксама кастрамскі губернатар Л. М. Князеў (1902–1905) на працягу 1905 г. тройчы перадаваў кіраванне губерняй віцэ-губернатару Я. Я. Ізвекаву [6, с. 508].

Сярод дакументаў губернскага праўлення захавалася копія натак губернатара А. Ф. Гірса (1912–1915) ад 17 лістапада 1913 г., з нагоды наведвання ім Баранавічаў Навагрудскага павета. Начальнік губерні ўказваў на неабходнасць стварэння мясцовага «Таварыства добраўпарадкавання»; збора інфармацыі аб патрэбнасці прывядзення ў праезны стан прылеглай дарогі; рэвізіі земскай бальніцы, якая знаходзілася ў нездавальняючым стане, выпрацоўкі праекта пастаяннага штату паліцыі мястэчка і г. д. [7, арк. 84–85]. Гэта запіска сведчыць пра паездку А. Ф. Гірса ў Баранавічы не пазней восені 1913 г. і, адпаведна, пра яго адсутнасць пэўны час у губернскім цэнтры.

Таксама ў мемуарнай літаратуры можна знайсці прыклады ад'ездаў губернатара з губернскага цэнтры. Так, таварыш міністра ўнутраных спраў і камандуючы Асобным корпусам жандараў У. Ф. Джункоўскі (1913–1915), згадваў, што, едучы ў Кішынёў для арганізацыі аховы імператара, па дарозе сустракаўся з губернатарамі, у тым ліку і з мінскім – А. Ф. Гірсам. Пабачыліся яны ў Баранавічах у перыяд паміж 7–10 мая 1914 г. [8, с. 314–315]. Значыць, у гэты час А. Ф. Гірс адсутнічаў у Мінску, і яго павінны былі замяшчаць.

Даходзіла да кур'ёзных выпадкаў. Так, у 1915 г. у Стаўку праз Мінск прыезджаў Мікалай II. Па яго даручэнні ў вагоне цягніка А. Ф. Гірс прадставіў праект арганізацыі дружын з выхаванцаў навучальных устаноў для аказання дапамогі ў сельскагаспадарчых працах тым, хто пазбавіўся працоўнай сілы з-за прызыву ў войска. Імператар ухваліў праект, але затрымаў мінскага губернатара ў вагоне, аж пакуль не прыехалі

ў Баранавічы. Адкуль апошні вярнуўся ў Мінск першым жа цягніком [9, с. 34–35].

Увогуле кіраўнік Мінскай губерні не затрымліваўся доўга на месцы, часта пакідаў не толькі Мінск, але выязджаў і за межы даручанай яму тэрыторыі.

Аляксей Фёдаравіч Гірс (1871–1958) нарадзіўся ў С.-Пецяярбурзе. Паходзіў з дваран, быў праваслаўны. Скончыў Пажскі корпус, з 1891 па 1901 г. служыў у лейб-гвардыі Праабражэнскім палку. З 1901 г. – павятова прадвадзіцель дваранства ў Ковенскай губерні. Служыў памочнікам граданачальніка Адэсы, эстляндскім віцэ-губернатарам, кіеўскім губернатарам [3, с. 80]. Так выглядала кар’ера А. Ф. Гірса да таго, як трапіць у Мінск.

26 лістапада 1912 г.¹ мінскім губернатарам замест Я. Я. Эрдэлі быў прызначаны камергер імператарскага двара, сапраўдны стацкі саветнік А. Ф. Гірс. [10, с. 3; 3, с. 80]. Перавод не з’яўляўся планавым ці адвольным рашэннем начальства, а быў звязаны з трагічнай падзеяй у Кіеве – забойствам у 1911 г. прэм’ер-міністра П. А. Сталыпіна [4, с. 300]. А. Ф. Гірс не мог гэтага прадухіліць – паказала расследаванне, але яго перавялі, «каб неяк замяць скандальную справу» [4, с. 306]. Праўда, перамяшчэнне адбылося толькі праз год. Быўшага кіеўскага губернатара хоць і накіравалі ў Мінск, але гэта выглядала, як мяккае пакаранне, бо статус Мінскай губерні быў ніжэйшы.

Трэба адзначыць, што служба ў Кіеве (1909–1912 гг.) не была лёгкай і спакойнай. У гэтым горадзе начальніку губерні прыходзілася нават з дапамогай паліцыі стрымліваць рост коштаў на хлеб. Таксама яму трэба было шукаць шляхі рэгулявання складаных этнаканфесійных узаемаадносін гараджан [4, с. 301–302]. Такім чынам, перад тым, як працягнуць кар’еру ў Мінску, А. Ф. Гірс ужо валодаў непрацяглым, але пэўным досведам губернатарства.

Новапрызначаны чыноўнік уступіў на пасаду 12 снежня 1912 г., аб чым тэлеграмай паведаміў у С.-Пецяярбург міністру ўнутраных спраў: «даношу вашаму высокаправасхадзіцельству, што я з гэтага чысла ўступіў у кіраванне найвысачэйша даверанай мне Мінскай губерняй» [11, арк. 13].

Служба А. Ф. Гірса ў Мінску была адносна непрацяглай. Ужо 30 кастрычніка 1915 г. імператарскім указам ён быў пераведзены на па-

---

¹ Усе даты прыведзены па старым стылі.

саду ніжагародскага губернатара [11, арк. 375]. У сувязі з чым А. Ф. Гірс прасіў мінскага віцэ-губернатара М. А. Астаф'ева, ускладаючы на яго часовае кіраванне губерняй, з 3 лістапада «надалей да перадачы мною губерні новаму мінскаму губернатару, прыняць на сябе працу разглядаць паступаючую на імя губернатара службовую карэспандэнцыю, прымаць даклады па губернскіх установах і канцылярыі губернатара і падпісаць паперы за губернатара. У выпадку сумневаў у накірунку спраў, пачатых мною, будзьце ласкавы, па гэтых справах звяртацца да мяне» [11, арк. 375].

Афіцыйна А. Ф. Гірс з'яўляўся мінскім губернатарам з 26 лістапада 1912 г. па 30 кастрычніка 1915 г. Але фактычна ён кіраваў губерняй з 12 снежня 1912 г. па 3 лістапада 1915 г. Такім чынам, 14 дзён выпадае з яго рэальнай службы ў Мінску. Далей губернатар бываў у адпачынках. У 1913 г. з 10 чэрвеня на два месяцы і ў 1914 г. з 8 па 29 чэрвеня (22 дні), а таксама з 23 снежня 1914 г. па 6 студзеня 1915 г. (14 дзён) [12, арк. 28; 13, арк. 92, 95].

Атрымліваецца яшчэ 96 дзён губернатар адсутнічаў у працоўным кабінэце. Акрамя таго, начальніку губерні не раз даводзілася пакідаць Мінск па справах службы. Уяўленне аб гэтым даюць дадзеныя, прыведзеныя ў табліцы 1.

Згодна выяўленым дакументам, А. Ф. Гірс ажыццявіў 56 службовых паездак (з іх 46 датаваны цалкам) за перыяд з 9 студзеня 1913 г. па 13 верасня 1915 г. Ён знаходзіўся ў адной камандзіроўцы ў сярэднім 5,4 дня і ўвогуле каля 272 дзён (25,8 %)² за мінскі перыяд службы ў 1912–1915 гг. Такім чынам, губернатар правёў у паездках і адпачынках за амаль што тры гады прыблізна 368 дзён (35 %)³.

² Гэта сярэдняя сума. Колькасць дзён праведзеных у паездках, датаваных цалкам – 245 (па гэтых дадзеных працягласць адной паездкі падлічана, як сярэдняе значэнне – 5,4 д.), а колькасць дзён, праведзеных у паездках, датаваных часткова – 299 д. (да 245 д. дабаўлены дні тых паездак, дзе вядома толькі дата прыезду ці ад'езду, працягласць адной паездкі ў гэтым выпадку лічылася як 5,4 д.).

Разлікі: $(245 + 299) \div 2 = 272$ д. у камандзіроўках. $272 \times 100 \div 1053 = 25,8$ %.

19 дзён за снежань 1912 г. (12.12 – 30.12.1912); 731 д. за 1913–1914 гг. $(365,5 \times 2)$; 303 д. за 1915 г. (01.01 – 03.11.1915); $19 + 731 + 303 = 1053$ д. за увесь мінскі перыяд.

³ Разлікі: 272 (д. у камандзіроўках) + 96 (у адпачынках) = 368 д. $\times 100 \div 1053 = 35$ %.

Таблица 1

Службовыя паездкі мінскага губернатара А. Ф. Гірса (9 студзеня 1913 г. – 13 верасня 1915 г.)

№	Напрамак	Перыяд (крайнія даты ад'езду і вяртання)	Працягласць (у днях)	Мэта	Чыноўнік, які замяшчаў
1	Вільня	09.01–11.01.1913	3	Кароткачасовая адлучка	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў
2	Мінская губерня	24.01.1913–*	5,4	Па справах службы	–
3	С.-Пецярбург	07.02–16.02.1913	10	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
4	С.-Пецярбург	26.02.1913–*	5,4	Удзел у пасяджэнні міжведомаснай Камісіі па пераглядзе ўрачэбна-санітарнага заканадаўства ў Расіі	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
5	С.-Пецярбург	*–15.03.1913	5,4	Па справах службы	–
6	С.-Пецярбург	24.03–06.04.1913	13	Удзел у сесіі Савета па справах мясцовай гаспадаркі	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў, з 30.03 – віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
7	Бабруйскі пав.	23.04–28.04.1913	6	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
8	Мазырскі і Рэчыцкі пав.	28.04–03.05.1913	6	Па справах службы	–
9	С.-Пецярбург	14.05–10.06.1913	27	Удзел у пасяджэннях Камісіі па пераглядзе ўрачэбна-санітарнага заканадаўства	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
10	Слуцкі пав.	15.08–19.08.1913	5	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
11	Барысаўскі пав.	29.08–30.08.1913	2	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў

Заўвагі: * – аўтарам дата не выяўлена.

Скарачэнні: г. (горад); м. (мястэчка); пас. (пасёлак); пав. (павет).

Працяг табліцы 1

№	Напрамак	Пераяд (крайнія даты ад'езду і вяртання)	Працяг-ласць (у днях)	Мэта	Чыноўнік, які замяшчаў
12	Кіеў	03.09–08.09.1913	6	Удзел ва ўрачыстасці адкрыцця помніка былому старшыні Савета міністраў П. А. Сталыпіну	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў
13	Навагрудскі пав.	19.09–23.09.1913	5	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
14	С.-Пецярбург	22.10–05.11.1913	14	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
15	Навагрудскі пав.	12.11.1913–*	5,4	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
16	С.-Пецярбург	30.11–06.12.1913	7	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
17	Мазырскі пав.	07.01–09.01.1914	3	Па справах службы	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў
18	г. Бабруйск	30.01–31.01.1914	2	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
19	Барысаўскі пав.	03.02.1914–*	5,4	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
20	г. Пінск	11.02–13.02.1914	3	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
21	С.-Пецярбург	15.01–28.02.1914	14	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
22	С.-Пецярбург	05.03–22.03.1914	18	Удзел у пасяджэннях Камісіі па пералядзе ўрачэбна-санітарнага заканадаўства	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
23	Слуцкі пав.	17.04–21.04.1914	5	Па справах службы	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў
24	Навагрудскі, Слуцкі і Пінскі пав.	08.05–10.05.1914	3	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чаныкаеў
25	Навагрудскі, Слуцкі і Пінскі пав.	29.05–01.06.1914	3	Па справах службы	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў
26	Навагрудскі пав.	02.06–05.06.1914	4	Па справах службы	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў

Працяг таблиці 1

№	Напрямак	Перыяд (крайнія даты ад'езду і вяртання)	Працягласць (у днях)	Мэта	Чыноўнік, які замяшчаў
27	Ігуменскі пав.	06.07–08.07.1914	3	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
28	Барысаўскі, Ігуменскі і Бабруйскі пав.	14.07.1914–*	5,4	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
29	г. Барысаў	04.08–05.08.1914	2	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
30	м. Баранавічы	29.08.1914–*	5,4	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
31	Навагрудскі пав.	21.09–22.09.1914	2	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
32	м. Баранавічы	05.10–06.10.1914	2	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
33	Мазырскі пав.	08.10–10.10.1914	3	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
34	Навагрудскі пав., м. Баранавічы	09.11.1914–*	5,4	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
35	Петраград	15.11–18.11.1914	4	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
36	пас. Лунінец Пінскага пав.	09.01–11.01.1915	3	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
37	м. Баранавічы	14.01.1915–*	5,4	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
38	м. Баранавічы	18.01–20.01.1915	3	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
39	м. Баранавічы	24.01–26.01.2015	3	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
40	г. Пінск	23.02–26.02.1915	4	Па справах службы	Віцэ-губернатар М. С. Чанькаеў
41	м. Баранавічы	09.03–11.03.1915	3	Па справах службы	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў
42	м. Баранавічы	28.03–29.03.1915	2	Па справах службы	Начальнік Мінскага ўпраўлення земляробства і дзяржаўных маёмасцяў І. М. Шэмігоняў
43	пас. Лунінец Пінскага пав.	07.04–09.04.1915	3	Па справах службы	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў

Заканченне табліцы 1

№	Напрамак	Перыяд (крайнія даты ад'езду і вяртання)	Працягласць (у днях)	Мэта	Чыноўнік, які замяшчаў
44	г. Бабруйск і г. Слуцк	26.04–29.04.1915	4	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
45	м. Баранавічы	04.05–07.05.1915	4	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
46	м. Баранавічы, Петраград	08.05–21.05.1915	14	Па справах службы, адлучка	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў, з 09.05 – віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
47	м. Стаўбцы, Мінскага пав.	27.05–28.05.1915	2	Па справах службы	–
48	г. Барысаў	08.06–09.06.1915	2	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
49	м. Баранавічы	13.06–14.06.1915	2	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
50	г. Рэчыца, м. Лосёў, Рэчыцкага пав.	30.06–04.07.1915	5	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
51	Бабруйскі пав.	01.07–02.07.1915		Па справах службы	Кіраўнік мінскай казёнай палаты І. А. Камароў
52	Пінскі, Мазырскі і Рэчыцкі пав.	07.07–14.07.1915	8	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
53	м. Баранавічы, вёска Малыя Лукі Наваградскага пав.	26.07–28.07.1915	3	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
54	Наваградскі, Слуцкі і Бабруйскі пав.	02.08–04.08.1915	3	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
55	Наваградскі і Слуцкі пав.	16.08.1915–*	5,4	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў
56	г. Бабруйск	12.09–13.09.1915	2	Па справах службы	Віцэ-губернагар М. А. Астаф'еў

Крыніцы: [11, арк. 22, 30, 40 зв., 64–67, 75, 156, 160,]; [12, арк. 28, 88–89, 97, 99, 106, 115, 118, 121, 133, 135, 139, 142, 149, 150, 152, 153, 155, 156, 158, 164, 165, 223, 224, 225]; [13, арк. 1–3, 5, 7, 9 а, 11, 12 а, 14, 18, 20, 25, 28, 32, 35, 38, 39, 40, 43, 51, 54, 56, 59, 64, 68, 71, 72, 75, 79, 77, 81, 85, 86, 87, 89]; [14, арк. 1, 3, 6, 7, 9, 11, 13, 15, 18, 21, 22, 25, 26, 32, 33, 34, 36, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 49, 51, 52, 55, 57, 61, 63, 64, 65, 66]; [15, арк. 54, 58, 59]; [16, с. 2]; [17, с. 1]; [18, с. 2]; [19, с. 1]; [20, с. 1]; [21, с. 1]; [22, с. 2]; [23, с. 2]; [24, с. 1]; [25, с. 2]; [26, с. 1].

Пры падліках аўтар прытрымліваўся наступных умоў: узяты перыяд непасрэднага знаходжання на пасадзе: 12 снежня 1912 г. – 3 лістапада 1915 г.; бралася сярэдняя працягласць года, як 365,5 дня і сярэдняя працягласць месяца – 30 дзён; выхадныя і святочныя дні не вылічваліся; дзень ад'езду і прыезду лічыліся як два дні ў паездцы; калі па камандзіроўцы была вядома толькі дата ад'езду ці вяртання – улічвалася сярэдняя працягласць – 5,4 дня. Пры разыходжанні дадзеных па паездках перавага аддавалася архіўнай крыніцы.

Трэба адзначыць, што інфармацыя пра частку паездак не выяўлена аўтарам ці магла ўвогуле не захавацца, таму і агульная сума можа быць большай. Але для рэпрэзентатыўнасці гэтага дастаткова, бо выкарыстаны дакументы, якія адлюстравалі большую частку перыяда, дзе згадваюцца паездкі губернатара; не ўлічаны толькі перыяд з 12 снежня 1912 г. па 9 студзеня 1913 г. і 13 верасня – 30 кастрычніка 1915 г. У сувязі з чым вынікі прыблізныя, але яны паказваюць існаваўшую тэндэнцыю: наколькі часта губернатар пакідаў Мінск і як часта кіраванне пераходзіла да чыноўнікаў, якія яго замяшчалі.

Прыведзеныя дадзеныя дазваляюць зрабіць наступныя высновы:

1) А. Ф. Гірса за адзначаны ў табліцы 1 перыяд падчас камандзіровак на пасадзе губернатара замяшчалі 58 разоў, з іх 54 ідэнтыфікаваны. Віцэ-губернатар замяшчаў 42 разы ці 77,8 % ($42 \times 100 \div 54$), кіраўнік Мінскай казёнай палаты – 11 разоў ці 20,4 %, ($11 \times 100 \div 54$), 1 – начальнік Мінскага ўпраўлення земляробства і дзяржаўных маёмасцяў. Прыярытэтнасць замяшчэння пасады губернатара вызначалася заканадаўчымі актамі і пацвярджалася практыкай: паўнамоцтвы перадаваліся ў першую чаргу віцэ-губернатару, потым кіраўніку казёнай палаты альбо начальніку ўпраўлення земляробства і дзяржаўных маёмасцяў;

2) Начальнік Мінскай губерні ажыццявіў 56 службовых паездак. Найбольш часта губернатар ездзіў у С.-Пецяярбург (Петраград) і Баранавічы (11 і 12 разоў адпаведна). І гэта зразумела, бо ў першым пункце знаходзіліся цэнтральныя ўлады, а ў другім у сувязі з пачаткам вайны – Стаўка Вярхоўнага галоўнакамандуючага.

Частыя ад'езды правіцеляў губерняў з губернскага цэнтра пацвярджаюцца мемуарнымі сведчаннямі. Так, апошні мінскі губернатар У. А. Друцкой-Сакалінскі (1916–1917) сцвярджаў, што губернатар не можа кіраваць, седзячы толькі ў губернскім горадзе. Ён лічыў, што трэба абাপрацца на давераных людзей – павятовых правядзіцеляў дваранства [27, с. 114]. А для гэтага трэба было перамяшчацца па губерні,

сумяшчаючы патрэбныя візіты з камандзіроўкамі, ізноў жа пакідаючы непасрэднае кіраванне на іншых.

Таксама беларускі даследчык Б. І. Сідарэнка ў сваёй манаграфіі прысвечанай магілёўскаму губернатару А. С. Дамбавецкаму піша наступнае: «Для таго каб ведаць сялянскія запыты, жаданні памешчыкаў, неабходна было, што называецца, бачыць губерню знутры, што было немагчыма з вокнаў губернатарскага кабінета» [2, с. 50].

Такім чынам, А. Ф. Гірс праслужыў у Мінскай губерні амаль тры гады. Але прыблізна чацвёртую частку гэтага тэрміну ён правёў у камандзіроўках, а разам з адпачынкамі каля трэці. Справамі ж губерні ў гэты час займаўся віцэ-губернатар ці кіраўнік казённой палаты. Тым не менш службовыя паездкі губернатара з'яўляліся важнай і неад'емнай часткай яго кіравання.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Свод законов Российской империи: в 16 т. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. – Изд. неоффиц. – СПб.: Деятель, 1912. – Т. 2: Свод губернских учреждений. – 737 с.

2. Сидоренко, Б. И. Могилевский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время / Б. И. Сидоренко. – Могилев: АмелияПринт, 2012. – 250 с.

3. Минские губернаторы, вице-губернаторы и губернские предводители дворянства (1793–1917): биографический справочник / Нац. ист. арх. Беларуси; сост. Ю. Н. Снапковский; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: Беларусь, 2016. – 398, [2] с.

4. Бригадин, П. И. Минские губернаторы: история власти / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – 351 с.

5. Яковенко, А. В. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель / А. В. Яковенко, В. Д. Гахов. – Томск: Ветер, 2012. – 223 с.

6. Марасанова, В. М. История органов губернского управления в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Верхнего Поволжья): дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / В. М. Марасанова. – Ярославль, 2005. – 452 л.: ил. + Прил. (л. 453–783: ил.).

7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі г. Мінск (НГАБ у Мінску). – Фонд 299 (Мінскае губернскае праўленне). – Воп. 13. – Спр. 693. – Справа аб павелічэнні штата паліцыі па Мінскай губ. – 08.03.1914 – 26.03.1915.

8. Джунковский, В. Ф. Воспоминания: в 2 т. / В. Ф. Джунковский. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – Т. 2. – 685, [1] с.

9. Гирс, А. Ф. На службе императорской России: (Воспоминания) / А. Ф. Гирс. – Jordanville (N. Y.): Holy Trinity monastery, 1958. – 39 с.

10. Правительственный Вестник. – 1912. – 1 (14) декабря. – № 263.
11. НГАБ у Мінску. – Фонд 295 (Канцелярыя мінскага грамадзянскага губернатара). – Воп. 1. – Спр. 8105. – Справа аб службе мінскага губернатара сапраўднага стацкага саветніка А. Ф. Гірса. – 26.11.1912–08.11.1915.
12. НГАБ у Мінску. – Фонд 299. – Воп. 7. – Спр. 1001. – Справа аб службе мінскага губернатара сапраўднага стацкага саветніка А. Ф. Гірса. – 03.12.1912–18.12.1918.
13. НГАБ у Мінску. – Фонд 299. – Воп. 2. – Спр. 15799. – Рэзалюцыі мінскага губернатара і праўлення аб замяшчэнні начальніка губерні і іншых службовых асоб на час выезду, хваробы і інш. – 08.01.1914 – 08.01.1915.
14. НГАБ у Мінску. – Фонд 299. – Воп. 2. – Спр. 15594. – Перапіска мінскага губернатара з губернскім праўленнем аб раз'ездах яго па справах службы па Мінскай губ. і замене яго на час адсутнасці службовымі асобамі. – 09.01.1913–09.12.1915.
15. НГАБ у Мінску. – Фонд 299. – Воп. 7. – Спр. 530. – Справа аб службе мінскага віцэ-губернатара калезскага саветніка М. А. Астаф'ева. – 17.03.1915 – 14.01.1917.
16. Минские губернские ведомости. – 1913. – 27 февраля. – № 16.
17. Минские губернские ведомости. – 1913. – 20 марта. – № 22.
18. Минские губернские ведомости. – 1913. – 27 марта. – № 24.
19. Минские губернские ведомости. – 1913. – 18 мая. – № 37.
20. Минские губернские ведомости. – 1913. – 4 сентября. – № 68.
21. Минские губернские ведомости. – 1913. – 2 октября. – № 76.
22. Минские губернские ведомости. – 1913. – 26 октября. – № 83.
23. Минские губернские ведомости. – 1913. – 9 ноября. – № 87.
24. Минские губернские ведомости. – 1913. – 4 декабря. – № 94.
25. Минские губернские ведомости. – 1913. – 11 декабря. – № 96.
26. Минские губернские ведомости. – 1914. – 15 ноября. – № 89.
27. *Друцкой-Соколинский, В. А., князь. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918) / В. А. Друцкой-Соколинский. – Орёл: РКФ «3 июля», 1994. – 405 с.*

(Дата паступлення: 25.10.2019).

РАЗДЕЛ 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Алексашина Г. В.

Белорусский государственный экономический университет, Минск

Alexashina G.

Belarusian state economic university, Minsk

УДК 331.101.264.2–057.16(476)(091)(043.3)

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX В.

TERRITORIAL ACCOMMODATION OF EMPLOYEES IN THE CITIES OF BELARUS AT THE END OF THE XIX CENT.

Показаны особенности территориального размещения городских наемных работников Беларуси. Выявлена неравномерность их размещения с концентрацией в губернских и промышленно развитых уездных центрах. Отмечено максимальное сосредоточение наемных работников в городах Минской губернии, в промышленном производстве, строительстве и прислуживании. Половина всех наемных работников Беларуси приходилась на крупные, около одной трети – на средние, около одной пятой части – на малые города. Отмечены максимальные показатели распространенности наемных работников на 1 тысячу населения в городах Витебской, минимальные – Гродненской губернии.

Ключевые слова: города Беларуси; наемные работники; капиталистические отношения; самостоятельное население; сфера занятости; вид деятельности, территориальное размещение

The features of the territorial location of urban employees of Belarus are shown. The unevenness of their placement with concentration in the provincial and industrially developed County centers is revealed. The maximum concentration of employees in the cities of the Minsk province, in industrial production, construction and service was noted. Half of all employees of Belarus accounted for large, about one – third – on average, about one-fifth – in small towns. The maximum indicators of the prevalence of employees per 1 thousand population in the cities of Vitebsk province, the minimum – Grodno province.

Keywords: cities of Belarus; hired workers; capitalist relations; amateur population; employment; kind of activity; territorial distribution

Одним из определяющих элементов территориального размещения населения в целом и наемных работников в частности являются социально-экономические условия. В конце XIX – начале XX в. капиталистическая модернизация белорусских губерний ускорилась. Значительно оживилась торгово-промышленная деятельность, открылись новые возможности для реализации предпринимательской инициативы, постепенно стал формироваться рынок свободной рабочей силы, ускорилась урбанизация. Более благоприятные условия для получения работы открывались в городах, становившихся многофункциональными центрами. В этой связи изучение вопроса о территориальном размещении наемных работников представляется значимым для освещения уровня социально-экономического развития белорусских городов, определения их хозяйственной специализации и вклада в экономическое развитие белорусского региона в конце XIX – начале XX в. в целом.

Важным источником для освещения вопроса о территориальном размещении наемных работников служат материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. со сведениями об абсолютной численности населения городов Беларуси в пределах Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний, сгруппированного по роду занятий. Детализировать особенности территориального размещения наемных работников позволяет таблица 1.

Всего по данным Переписи в городах Беларуси в таких сферах занятости, как государственное и местное управление, транспорт и связь, промышленность и строительство, образование, медицинское обслуживание, прочие (прислуга), было зафиксировано 137 455 работников. Из них в городах Виленской губернии насчитывалось 7187 работников, Витебской губернии – 23 059, Гродненской губернии – 28 337, Минской губернии – 49 941, Могилевской губернии – 28 931. Очевидно, что распределение работников по губерниям было неравномерным.

Таблица 1

Численность и состав самостоятельного и занятого самостоятельного населения в городах Беларуси, их размещение по губерниям и доля занятых в самостоятельном населении городов (без торговых и банковских служащих), 1897 г.

Город	Самостоятельное население (чел.)	Занятое самостоятельное население (чел.)	Доля занятых в самостоятельном населении городов (%)
Виленская губерния			
Вилейка	1173	511	43,6
Дисна	2377	1343	56,5
Друя	1587	810	51,0
Лида	4479	1834	40,9
Ошмяны	3058	1545	50,5
Радошковичи	765	389	50,8
Видзы	1543	755	48,9
Всего	14 982	7187	48,0
Витебская губерния			
Витебск	29 772	15705	52,8
Городок	1781	986	55,4
Дрисса	1408	795	56,5
Лепель	1980	1060	53,5
Полоцк	7534	4212	55,9
Сураж	740	301	40,7
Всего	43 215	23 059	53,4
Гродненская губерния			
Гродно	25 329	10 053	39,7
Брест	21 594	10 020	46,4
Волковыск	4802	1819	37,9
Кобрин	4068	1858	45,7
Одельск	365	54	14,8
Пружаны	2613	1464	56,0
Слоним	6477	3069	47,4
Всего	65 248	28 337	43,4
Минская губерния			
Минск	42 352	23 704	56,0
Бобруйск	15 173	5870	38,7
Борисов	7134	3104	43,5
Докшицы	975	507	52,0

Окончание таблицы 1

Город	Самодетельное население (чел.)	Занятое самодеятельное население (чел.)	Доля занятых в самостоятельном населении городов (%)
Игумен	1599	834	52,2
Мозырь	3008	1795	59,7
Новогрудок	2823	1381	48,9
Пинск	10 638	7141	67,1
Речица	2780	1492	53,7
Слуцк	5245	2780	53,0
Несвиж	3798	1333	35,1
Всего	95 525	49 941	52,3
Могилевская губерния			
Могилев	19 066	9610	50,4
Бабиновичи	283	144	50,9
Быхов	1771	732	41,3
Гомель	15 195	8460	55,7
Горки	2152	847	39,4
Климовичи	1451	713	49,1
Копысь	1295	917	70,8
Мстиславль	2999	1605	53,5
Орша	4685	2598	55,5
Рогачев	4011	1219	30,4
Сенно	1347	704	52,3
Чаусы	1530	654	42,7
Чериков	1701	728	42,8
Всего	57 486	28 931	50,3
Итого	276 456	137 455	49,7

Доля работников отмеченных выше сфер занятости в самостоятельном населении городов пяти губерний в среднем составляла 49,7 %. Наибольший удельный вес работников в самостоятельном населении наблюдался в городах Витебской губернии (53,4 %). На втором месте по этому показателю были города Минской (52,3 %), на третьем – Могилевской (50,3 %), на четвертом – Виленской губернии (48,0 %). Наименьшая доля занятого населения среди самостоятельного населения была в городах Гродненской губернии (43,4 %).

Доля наемных работников среди самостоятельных горожан в 1897 г. была намного больше, чем в сельской местности, где среди экономиче-

ски активного населения она составляла в том же году примерно 18,3 % [Подсчет наш – А. Г.: 1, с. 106–109; 2, с. 164–170; 3, с. 194–201; 4, с. 146; 5, с. 152–157; 6, с. 172–177].

Анализ состава занятого самодеятельного населения Беларуси по месту проживания в городах и губерниях представлен в таблице 2.

Таблица 2

Состав занятого самодеятельного населения Беларуси по месту проживания в городах и губерниях (без торговых и банковских служащих), 1897 г., %

Губерния									
Виленская		Витебская		Гродненская		Минская		Могилевская	
Город	%	Город	%	Город	%	Город	%	Город	%
Вилейка	0,37	Витебск	11,43	Гродно	7,31	Минск	17,24	Могилев	6,99
Дисна	0,98	Городок	0,72	Брест	7,29	Бобруйск	4,27	Бабиновичи	0,10
Друя	0,59	Дрисса	0,58	Волковыск	1,32	Борисов	2,26	Быхов	0,53
Лида	1,33	Лепель	0,77	Кобрин	1,35	Докшицы	0,37	Гомель	6,15
Ошмяны	1,12	Полоцк	3,06	Одельск	0,04	Игумен	0,61	Горки	0,62
Радошковичи	0,28	Сураж	0,22	Пружаны	1,07	Мозырь	1,31	Климовичи	0,52
Видзы	0,55	Всего	16,78	Слоним	2,23	Новогрудок	1,00	Копысь	0,67
Всего	5,22			Всего	20,62	Пинск	5,20	Мстиславль	1,17
						Речица	1,09	Орша	1,89
						Слуцк	2,02	Рогачев	0,89
						Несвиж	0,97	Сенно	0,51
						Всего	36,33	Чаусы	0,48
								Чериков	0,53
								Всего	21,05

[Подсчет наш – А.Г.: 1, с.106–109; 2, с.164–170; 3, с.194–201; 4, с.146; 5, с.152–157; 6, с.172–177].

Более трети всех работников отмечалось в городах Минской губернии (36,33 %). На втором месте по числу работников были города Могилевской (21,05 %), на третьем – Гродненской (20,62 %), на четвертом – Витебской (16,78 %) и на пятом – Виленской губернии (5,22 %).

Среди губернских городов занятое население распределялось в следующем порядке (по убыванию): в Минске (17,24 %), Витебске

(11,43 %), Гродно (7,31 %), Могилеве (6,99 %). Среди уездных и заштатных городов наименьшая доля занятых приходилась на Одельск Гродненской губернии (0,04 %), а наибольшая – на Брест той же губернии (7,29 %). Значительный удельный вес работников отмечался в Гомеле Могилевской губернии (6,15 %), Пинске (5,20 %) и Бобруйске (4,27 %) Минской, Полоцке (3,06 %) Витебской губернии. В 22 городах (пяти – Виленской, четырех Витебской, одном Гродненской, трех Минской, девяти Могилевской губернии) доля занятого населения не превышала одного процента.

Исследуя размещение занятого самостоятельного населения Беларуси в 1897 г. в губерниях по городам (таблица 3), отметим, что в Виленской губернии наибольшая доля занятого населения приходилась на Лиду (25,5 %). В Ошмянах трудились 21,5 %, в Дисне 18,7 % всего занятого населения губернии. То есть в трех городах из семи концентрировались свыше 65 % занятых горожан. Чуть более десятой части занятого населения губернии приходилось на Друю (11,3 %) и Видзы (10,5 %), менее десяти процентов – на Вилейку (7,1 %) и Радошковичи (5,4 %).

В Витебской губернии в двух городах из шести сосредоточились свыше 86 % занятых горожан. Подавляющее большинство работников трудились в Витебске (68,1 %). Сравнительно большой удельный вес занятого населения приходился на Полоцк (18,3 %). На остальные города губернии приходилось не более четырнадцати процентов всего занятого самостоятельного населения губернии.

В Гродненской губернии в трех городах из семи концентрировались свыше 81 % занятых. Почти равные доли занятого населения приходились на Гродно и Брест (35,5 % и 35,4 % работников, соответственно). На Слоним приходилось 10,8 %, Кобрин 6,5 %, Волковыск 6,4 %, Пружаны 5,2 % занятого самостоятельного населения губернии. Наименьшая доля работников размещалась в заштатном городе Одельске (0,2 %).

В Минской губернии в трех городах из 11 насчитывалось свыше 73 % занятых. Почти половина всех занятых приходилась на Минск (47,5 %). В Пинске зафиксированы 14,3 %, в Бобруйске 11,7 %, в других городах губернии – менее десяти процентов работников.

В Могилевской губернии большинство занятого самостоятельного населения размещалось в Могилеве (33,2 %) и Гомеле (29,2 %), суммарно в двух городах из 13 – 62,4 %. Доля занятых работников в большинстве остальных городов губернии не превышала 5 %.

Таблица 3

**Размещение занятого самостоятельного населения Беларуси в 1897 г.
в губерниях по городам (без торговых и банковских служащих), %**

Губерния									
Виленская		Витебская		Гродненская		Минская		Могилевская	
Город	%								
Вилейка	7,1	Витебск	68,1	Гродно	35,5	Минск	47,5	Могилев	33,2
Дисна	18,7	Городок	4,3	Брест	35,4	Бобруйск	11,7	Бабиновичи	0,5
Друя	11,3	Дрисса	3,4	Волковыск	6,4	Борисов	6,2	Быхов	2,5
Лида	25,5	Лепель	4,6	Кобрин	6,5	Докшицы	1,0	Гомель	29,2
Ошмяны	21,5	Полоцк	18,3	Одельск	0,2	Игумен	1,7	Горки	2,9
Радошковичи	5,4	Сураж	1,3	Пружаны	5,2	Мозырь	3,6	Климовичи	2,5
Видзы	10,5	Всего	100,0	Слоним	10,8	Новогрудок	2,8	Копысь	3,2
Всего	100,0			Всего	100,0	Пинск	14,3	Мстиславль	5,6
						Речица	2,9	Орша	9,0
						Слуцк	5,6	Рогачев	4,2
						Несвиж	2,7	Сенно	2,4
						Всего	100,0	Чаусы	2,3
								Чериков	2,5
								Всего	100,0

[Подсчет наш – А.Г.: 1, с.106–109; 2, с.164–170; 3, с.194–201; 4, с.146; 5, с.152–157; 6, с.172–177].

Очевидно, что занятое население в губерниях распределялось по городам неравномерно. Наибольшая концентрация работников наблюдалась, как правило, в губернских или промышленно развитых уездных городах, таких как Брест и Гомель. Самая высокая степень концентрации занятых в городах Беларуси в разрезе губерний приходилась на Витебск (68,1%), за ним шли Минск (47,5%), Гродно (35,5%), Могилев (33,2%).

При изучении распределения занятого самостоятельного населения Беларуси в связи с размером города (таблица 4) были выделены три группы городов – большие, средние и малые. Большинство городов Беларуси (29) относились к малым. Средних городов было десять. К большим относились четыре губернских города и Брест [7, с. 222].

На долю больших городов приходилось 50,27 % всех работников. В средних городах проживали 29,76 %, а в малых 19,97 % работников.

Среди крупных городов наибольшее число работников было в Минске (17,24 %) и Витебске (11,43 %), а в остальных не превышало десяти процентов. Среди средних городов большим числом работников выделялись Гомель (6,15 %). Пинск (5,20 %) и Бобруйск (4,27 %). Остальные варьировались в пределах 1–3 %.

Таблица 4

Распределение занятого самостоятельного населения Беларуси в 1897 г. в связи с размером города (без торговых и банковских служащих), 1897 г., %

Город			
Крупный		Средний	
Минск	17,24	Гомель	6,15
Витебск	11,43	Бобруйск	4,27
Гродно	7,31	Пинск	5,20
Брест	7,29	Полоцк	3,06
Могилев	6,99	Слоним	2,23
Итого	50,27	Борисов	2,26
		Слуцк	2,02
		Орша	1,89
		Кобрин	1,35
		Волковыск	1,32
		Итого	29,76
Малый			
Лида	1,33	Городок	0,72
Речица	1,09	Чаусы	0,48
Рогачев	0,89	Друя	0,59
Мстиславль	1,17	Климовичи	0,52
Несвиж	0,97	Игумен	0,61
Мозырь	1,31	Дрисса	0,58
Новогрудок	1,00	Сенно	0,51
Пружаны	1,07	Докшицы	0,37
Ошмяны	1,12	Вилейка	0,37
Дисна	0,98	Копысь	0,67
Горки	0,62	Сураж	0,22
Быхов	0,53	Радошковичи	0,28
Лепель	0,77	Одельск	0,04
Чериков	0,53	Бабиновичи	0,10
Видзы	0,55	Итого	19,97

[Подсчет наш – А.Г.: 1, с.106–109; 2, с.164–170; 3, с.194–201; 4, с.146; 5, с.152–157; 6, с.172–177].

Отличительной особенностью структуры занятого самодеятельного населения в малых городах было достаточно равномерное распределение его по городам в пределах не более 2 % работников в каждом.

Для получения более полного представления по вопросу территориального размещения наемных работников проанализируем пространенность занятого населения городов белорусских губерний (на 1 тыс. самодеятельного (экономически активного) населения) в зависимости от сферы занятости, места службы или вида деятельности и размещения по губерниям (таблица 5). Для получения сопоставимых данных используем сведения по всем городам Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний. Частота встречаемости занятого населения на 1 тысячу самодеятельного населения по белорусским губерниям в среднем составляла 497,2. Минимальный показатель наблюдался в Гродненской (434,3), а максимальный – в Витебской губернии (533,7). В Минской губернии на 1 тыс. самодеятельного населения приходилось 522,8, в Могилевской – 503,3, Виленской – 479,7 работников.

Распространенность занятого населения варьировалась в зависимости от сферы занятости, вида деятельности или места службы. Так, в государственном и местном управлении этот показатель в городах пяти белорусских губерний равнялся 25,9, большинство работников трудилось в городской администрации, суде, полиции (22,8). Минимальный показатель в сфере государственного и местного управления был в Гродненской (22,4), а максимальный – в Могилевской губернии (31,0). Большая распространенность в этой сфере наблюдалась в Витебской губернии (29,9). Примерно равная распространенность работников была в Виленской (24,2) и Минской губерниях (23,8). Наиболее часто встречающимися в этой сфере занятости во всех губерниях являлись работники городской администрации, суда, полиции.

На транспорте и связи средняя распространенность работников составляла 26,6. При этом большинство из них приходилось на железную дорогу (19,6), меньшинство – на водные пути сообщения (2,2). На почте и телеграфе этот показатель составил 4,7. Среди губерний по распространенности таких работников лидировала Минская (32,0), следующей (по убыванию) была Витебская (30,4), Могилевская (24,1), Гродненская (23,0) губернии. Наименьший показатель отмечен в Виленской губернии (5,7).

Таблица 5

**Распространенность наемных работников городов Беларуси
(на 1 тыс. самостоятельного населения) в зависимости от сферы занятости,
места службы или вида деятельности и размещения по губерниям
(без торговых и банковских служащих) 1897 г.**

Сфера занятости	Место службы или вид деятельности	Губерния					Всего
		Виленская	Витебская	Гродненская	Минская	Могилевская	
Государственное и местное управление	Городская администрация, суд, полиция	21,1	20,1	15,9	20,7	27,7	22,8
	Общественные и сословные органы управления	2,4	3,6	1,9	3,0	3,3	3,1
Всего		24,2	29,9	22,4	23,8	31,0	25,9
Транспорт и связь	Почта и телеграф	5,0	3,8	4,4	5,4	4,5	4,7
	Железная дорога	17,8	29,7	12,8	23,7	17,1	19,6
	Водные пути сообщения	0,4	1,9	0,5	3,0	2,4	2,2
Всего		5,7	30,4	23,0	32,0	24,1	26,6
Промышленность и строительство	Промышленное производство и строительство	246,5	251,9	292,2	261,6	251,6	254,4
Образование	Учебно-воспитательная	17,4	17,9	16,9	23,8	24,1	21,4
Медицинское обслуживание	Врачебно-санитарная	9,8	7,4	7,7	8,8	9,1	8,6
Прочие	Прислуга	200,2	168,8	127,8	172,8	163,5	160,3
Итого		479,7	533,7	434,3	522,8	503,3	497,2

[Подсчет наш – А.Г.: 1, с.106; 2, с.164; 3, с.194; 5, с.152; 6, с.172].

Максимальная распространенность работников во всех губерниях приходилась на железную дорогу.

В сфере промышленности и строительства в целом частота встречаемости работников составляла 254,4. Наименьший показатель был в Виленской (246,5), а наибольший – в Гродненской губернии (292,2). В Минской губернии распространенность работников в этой сфере составляла 261,6. Примерно равные показатели были в Витебской (251,9) и Могилевской губерниях (251,6).

Всего в сфере образования частота встречаемости занятого населения была 21,4. Минимальный показатель был в Гродненской (16,9), мак-

симальный – в Могилевской губернии (24,1). В Минской губернии распространенность таких работников составляла 23,8, Витебской – 17,9, Виленской – 17,4.

В сфере медицинского обслуживания частота встречаемости работников в пяти белорусских губерниях составляла 8,6. Наименьший показатель зафиксирован в Витебской губернии (7,4), наибольший – в Виленской (9,8). Высокий показатель отмечался также в Могилевской губернии (9,1).

В прочих сферах занятости (прислуга) распространенность занятого населения на 1 тыс. самостоятельного населения была 160,3. Значительно выше общего этот показатель был в Виленской (200,2), а ниже – в Гродненской губернии (127,8). Для остальных губерний была характерна следующая распространенность (по убыванию): Минской (172,8), Витебской (168,8), Могилевской (163,5).

Сравнив показатели по сферам занятости по пяти белорусским губерниям, замечаем, что наиболее часто занятое население встречается в промышленном производстве и строительстве, а также среди прислуги. Наименьшая распространенность работников наблюдалась в сфере медицинского обслуживания. В остальных сферах этот показатель колебался около двадцати. Достаточно часто встречались работники городской администрации, суда, полиции и учебно-воспитательной деятельности.

Таким образом, в конце XIX в. занятые в шести сферах (государственное и местное управление; транспорт и связь; промышленность и строительство; образование; медицинское обслуживание; прочие (прислуга)) работники составляли почти половину всего занятого самостоятельного населения городов пяти губерний. Наибольший удельный вес работников шести сфер в самостоятельном населении городов отмечался в Витебской, а наименьший – в Гродненской губернии. Занятое в исследуемых сферах население в губерниях распределялось по городам неравномерно. Наибольшая концентрация работников наблюдалась, как правило, в губернских или промышленно развитых уездных городах, таких как Брест и Гомель. Самая высокая степень концентрации занятых в шести сферах горожан приходилась на Минскую губернию, за ней шли Могилевская, Гродненская, Витебская и Виленская.

Характерной чертой локализации занятого самостоятельного населения Беларуси было сосредоточение его в крупных городах с явным преимуществом Минска, 30%-ым представительством средних городов

с лидерством Гомеля и достаточно равномерным распределением занятых по малым городам.

Анализ частоты встречаемости занятого населения по сферам занятости, виду деятельности или месту службы и по губерниям показал, что в Виленской губернии чаще встречались работники-горожане, занятые прислуживанием и врачебно-санитарной деятельностью, в Витебской – на железной дороге и в общественных и сословных органах управления, Гродненской – в промышленности и строительстве, Минской – на почте и телеграфе и водных путях сообщения, Могилевской – в городской администрации, суде, полиции и учебно-воспитательной деятельности.

Список использованных источников

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 4, тетр. 3: Виленская губерния. – 1904. – 179 с.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 5, тетр. 3: Витебская губерния. – 1903. – 281 с.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 11: Гродненская губерния. – 1904. – 319 с.

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 12: Ковенская губерния. – 1904. – 227 с.

5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 22: Минская губерния. – 1904. – 243 с.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 23: Могилевская губерния. – 1903. – 375 с.

7. Шыбека, З. В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў) / З. В. Шыбека. – Мінск: ЭўроФорум, 1997. – 292 с.

(Дата поступления: 11.12.2019).

Волкава В. В.

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

Volkava V.

National Institute of Higher Education, Minsk

УДК [94(476)+338.22(=112.2)(476)(091)]«1915/1918»

ВАЕННАЕ ЛЯСНОЕ ўПРАўЛЕННЕ БЕЛАВЕЖА: СТРУКТУРА АДМІНІСТРАЦЫІ

BIALOWIEZA MILITARY FORESTRY ADMINISTRATION: STRUCTURE OF THE ADMINISTRATION

У артыкуле аўтар даследуе органы ўлады і прынцыпы кіравання лясной гаспадаркай нямецкімі акупацыйнымі ўладамі ў гады Першай сусветнай вайны на прыкладзе Ваеннага ляснога ўпраўлення Белавежа (*Militärforstverwaltung Bialowies*). Разглядаюцца пытанні падпарадкавання ўпраўлення армейскаму кіраўніцтву; структура цэнтральнай адміністрацыі і ваенных лясных інспекцый, якія ўваходзілі ў склад ўпраўлення.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; нямецкая акупацыя; беларускія тэрыторыі; *Обер Ост*; ваеннае лясное ўпраўленне Белавежа; адміністрацыя; лясная гаспадарка.

The author explores the authority and principles of forest management by the German occupation authorities during the First World War on the example of the Bialowieza military forestry administration (Militärforstverwaltung Bialowies). The article analyzes the issues of subordination of the military forest administration to the army leadership; the structure of the central administration and military forest inspections that were part of the military forestry administration.

Keywords: World War I; german occupation; belarusian territories; *Ober Ost*; Bialowieza military forestry administration; administration; forestry.

У перыяд Першай сусветнай вайны пасля спынення актыўных ваенных дзеянняў і ўстанаўлення акупацыйнага рэжыму восенню 1915 г. беларускі лес актыўна вывозіўся за межы рэгіёна. Нямецкія ўлады наладзілі на беларускіх тэрыторыях здабычу, вытворчасць і пераапрацоўку розных відаў лесамагэрыялаў, у тым ліку неапрацаваных бяровенняў і драўніны, сыравіны для цэлюлозных і папяровых фабрык, выраб шпалаў для чыгуначных шляхоў, перакладзін, брусоў, тэлеграфных і будаўнічых слупоў, драўняной стружкі. У некаторых мясцовасцях была наладжана здабыча драўніннага вугалю, смалы і яловай кары і іншай лясной сыравіны. Лесамагэрыялы сталі неабходнай сыравінай для будаўніцтва ваенных умаца-

ванняў, армейскіх пабудоў і баракаў для работнікаў з ліку мясцовых жыхароў, а таксама ліній сувязі на тэрыторыях, якія былі заняты нямецкімі і аўстра-венгерскімі войскамі. Актыўнае будаўніцтва і рамонт чыгуначных шляхоў, асабліва палявых вузкакалеек, прыводзілі да знішчэння лясоў. На чыгуначным транспарце лес выкарыстоўваўся таксама ў якасці паліва.

Для арганізацыі эксплуатацыі лясоў, якія размяшчаліся ў зоне Обер-Ост, была ўтворана адпаведная сістэма кіравання. У адміністрацыйнай структуры Галоўнага ўпраўлення Обер-Ост пытаннямі лясной гаспадаркі займаўся аддзел лясніцтва, якому падпарадкоўваліся 5 лясных упраўленняў: Курляндыя, Літва, Гродна, Беласток і Белавежа, апошнія тры з якіх распаўсюджвалі сваю юрысдыкцыю на сучасныя беларускія тэрыторыі. Па нямецкіх падліках, агульная плошча іх лясоў складала 363 479 га, упраўлення Белавежа – 137,8 тыс. га. Самым буйным лясным масівам была Белавежская пушча. Прыкладна 80 % дрэў у пушчы лічыліся дастаткова даспелымі і прыдатнымі для дрэваапрацоўкі [1, s. 17].

Распараджэннем Галоўнакамандуючага на Ёсходзе П. фон Гінденбурга ад 30 верасня 1915 г. для тылавога раёна этапнай інспекцыі 9-й нямецкай арміі было створана лясное ўпраўленне Белавежа (*Forstverwaltung Bialowies*) [2, s. 111]. У афіцыйным выданні Галоўнага ўпраўлення Обер-Ост «Спіс складу адміністрацыі Обер-Ост» (чэрвень 1916 г.) ужываецца ўжо абазначэнне «ваеннае лясное ўпраўленне Белавежа» (*Militärforstverwaltung Bialowies*) [3, s. 46].

Распараджэннем шэфа штаба Усходняга фронту М. Гофмана «Аб новых назвах упраўленняў» ад 4 сакавіка 1917 г. для лясных упраўленняў Белавежа і Беласток пацверджаны, а для ўпраўлення Гродна ўпершыню ўведзена абазначэнне «ваеннае лясное ўпраўленне» (*Militärforstverwaltung*) замест «ляснае ўпраўленне» (*Forstverwaltung*) [4].

Ваеннае лясное ўпраўленне Белавежа тэрытарыяльна знаходзілася ў межах упраўлення (з 4 сакавіка 1917 г. – ваеннага ўпраўлення) Беласток-Гродна, аднак падпарадкоўвалася непасрэдна вайскаваму армейскаму кіраўніцтву:

30 верасня 1915 – 20 сакавіка 1916 гг. – кіраўніцтву этапнай інспекцыі 9-й арміі [5, s. 22];

20 сакавіка 1916 г. – 17 верасня 1917 г. – кіраўніцтву этапнай інспекцыі 12-й арміі;

17 верасня 1917 г. – 31 жніўня 1918 г. – кіраўніку адміністрацыйных аддзелаў Галоўнага ўпраўлення Обер-Ост, галоўнаму кватэрмайстару [6].

Успомнім, што згодна з распараджэннем Галоўнакамандуючага на Усходзе генерал-фельдмаршала прынца Леапольда Баварскага ад 10 каст-

рычніка 1916 г. «Аб аб'яднанні ўпраўленняў Гродна і Беластока» Галоўнае ўпраўленне Гродна (*Hauptverwaltung Grodno*), касавалася 1 лістапада 1916 г., а яго тэрыторыя далучалася да Галоўнага ўпраўлення Беласток (*Hauptverwaltung Bialystok*). Новае ўпраўленне атрымала назву «ўпраўленне Беласток-Гродна» (*Verwaltung Bialystok/Grodno*) [7]. З 4 сакавіка 1917 г. у інструкцыі шэфа генштаба М. Гофмана тэрмін «ўпраўленне» быў заменены на «ваеннае ўпраўленне» адносна ўсіх упраўленняў зоны Обер Ост, у тым ліку і Беласток-Гродна (*Militärverwaltung Bialystok-Grodno*) [8].

У кампетэнцыю адміністрацый лясных упраўленняў ўваходзілі ўсе пытанні, звязаныя з арганізацыяй на беларускіх акупаваных тэрыторыях здабычы і перапрацоўкі розных відаў лесаматэрыялаў, а таксама па вывазе іх за межы рэгіёна ў Варшаўскае генерал-губернатарства, Усходнюю Прусію, гарады ўнутранай Германіі.

Паводле афіцыйнага выдання Галоўнага ўпраўлення «Спіс складу адміністрацыі Обер Ост» (чэрвень 1916 г.), у структуру ваеннага ляснога ўпраўлення Белавежа ўваходзіла цэнтральная адміністрацыя і 11 ваенных лясных інспекцый [3, с. 46].

Цэнтральная адміністрацыя (*Hauptverwaltung*) знаходзілася ў г. Белавежа (цяпер у Падляскім ваяводстве Рэспублікі Польшча) і складалася з кіраўніцтва і 8 аддзелаў (*Abteilung*).

У склад кіраўніцтва ўваходзілі: шэф ляснога ваеннага ўпраўлення – капітан ландвера доктар Эшэрых (*Escherich*; прызначаны 1 кастрычніка 1915 г.); пастаянны прадстаўнік кіраўніка – капітан ландвера ў запасе Хорнунг (*Hornung*); першы ад'ютант – капітан запаса Блюме (*Blume*); другі ад'ютант – старшы лейтэнант запаса Харрер (*Harrer*) [9].

Кожны аддзел адказваў за адзін з кірункаў дзейнасці ўпраўлення:

аддзел I (аддзел персаналу), кіраўнік – капітан ландвера ў запасе д-р Войт (*Voit*);

аддзел II (гаспадаркі і харчовага забеспячэння), кіраўнік – старшы лейтэнант ландвера ў запасе Шонстэдт (*Schönstedt*);

аддзел III (аснашчэння лясной гаспадаркі і абсталявання), кіраўнік – капітан ландвера ў запасе Лаутэншлягер (*Lautenschlager*);

аддзел IV (аддзел збыту), кіраўнік – капітан ландвера ў запасе Бауэр (*Bauer*);

аддзел V (тэхнічны аддзел), кіраўнік на чэрвень 1916 г. не прызначаны; аддзел VIa (наземнага і чыгуначнага транспарту), кіраўнік – старшы лейтэнант у запасе Хопэ (*Hoppe*);

аддзел VI b (водных шляхоў), кіраўнік – капітан у запасе Хофіг (*Höfig*);

аддзел VII (санітарны), кіраўнік – палявой лекар д-р Санднер (*Sandner*); аддзел VIII (аддзел фінансаў і бюджэту), кіраўнік не прызначаны.

У падначаленні цэнтральнай адміністрацыі знаходзіліся 11 лясных інспекцый (*Forstamt, Forstinspektion*), з 4 сакавіка 1917 г. перайменаваны ў ваенныя лясныя інспекцыі (*Militärforstinspektion*) на чале з ляснымі капітанамі (*Forsthauptmann*) [10]:

I. Фронт (з цэнтрам у Дзятлава), лясны капітан – капітан ландвера ў запасе Рокстрох (*Rockstroch*);

II. Ціхаволя-Поўнач (з цэнтрам у Дамброва, суч. Астравецкі раён Гродзенскай вобласці), кіраўнік не прызначаны;

III. Ціхаволя-Поўдзень (з цэнтрам у Ціхаволя, суч. Свіслацкі раён Гродзенскай вобласці), кіраўнік не прызначаны;

IV. Белавежа, капітан ландвера ў запасе Хорнунг (*Hornung*);

V. Падаляны (цяпер раён г. Белавежа, Рэспубліка Польшча), капітан Ландвер фон Акстхальб (*von Axthalb*);

VI. Чарлянка (суч. В. Чарняны Маларыцкага раёна Брэсцкай вобласці), капітан запasu Шаумберг (*Schaumberg*);

VII. Гайнаўка (суч. Падляскае ваяводства Рэспублікі Польшча), старшы лейтэнант запasu Луіс (*Louis*);

VIII. Малая Нараўка (15 км на паўночны захад ад г. Белавежа, Рэспубліка Польшча), капітан Ландвер Парст (*Parst*);

IX. Беласток-Усход, капітан запasu фон Штюнцнер (*Stünzner*);

X. Беласток-Захад, капітан запasu Гёдекемеер (*Goedeckemeyer*);

XI. Нараў (з цэнтрам у Беластоку), лясны капітан – капітан Ландвер Трайхель (*Treichel*) [3, s. 47].

Згодна з новай «Арганізацыйнай структурай аддзелаў адміністрацыі пры штабе Ober Ost» на ліпень 1917 г., у структуры цэнтральнай адміністрацыі ваеннага ляснога ўпраўлення адбыліся змены: колькасць аддзелаў скарацілася з 9 да 7, былі пераразмеркаваны іх функцыі, прызначаны новы персанальны склад кіраўніцтва [11, s. 61]. У выніку змен адміністрацыя ўпраўлення падзялялася на наступныя аддзелы:

аддзел I (лясны аддзел), кіраўнік – капітан у запасе Мантэль (*Mantel*).

аддзел II (гаспадаркі і харчовага забеспячэння), кіраўнік – ротмістр ландвера ў запасе Шонстэдт (*Schönstedt*).

аддзел III (тэхнічны), кіраўнік – капітан Ландвер Прэсл (*Pressl*);

аддзел IV (хімічнай перапрацоўкі), кіраўнік – капітан у запасе Цайс (*Zeiss*);

аддзел V (палявых чыгуначных шляхоў), кіраўнік – капітан у запасе Зэйлер (*Seiler*);

аддзел VI (санітарны), кіраўнік – палявы лекар д-р Санднер (*Sandner*); аддзел VII (фінансаў і бюджэту), кіраўнік – капітан запасу Франке (*Franke*).

У сувязі з утварэннем 1 кастрычніка 1916 г. ваеннага ляснога ўпраўлення Беласток (распараджэнне Галоўнакамандуючага на Усходзе Л. Баварскага ад 28 верасня 1916 г.) і перадачай ваенных лясных інспекцый Беласток-Усход, Беласток-Захад, Нараў і Фронт пад яго кіраўніцтва, у ваенным лясным упраўленні Белавежа колькасць лясных інспекцый скарацілася да сямі.

Адбыліся змены персанальнага складу.

I. Белавежа: капітан ландвера ў запасе д-р Войт (*Voit*).

II. Падаляны: капітан ландвера фон Акстхальб (*von Axthalb*);

III. Гайнаўка: капітан ландвера Бауэр (*Bayer*);

IV. Малая Нараўка: капітан ландвера Парст (*Parst*);

V. Чарлянка: капітан ландвер Лаутэншлагер (*Lautenschlager*);

VI. Ціхаволя-Поўнач: старшы лейтэнант запасу Харрэр (*Harrer*);

VII. Ціхавол-Поўдзень: капітан запасу Хауэр (*Hauer*) [11, s. 62].

Лясныя інспекцыі Белавежа, Падаляны, Гайнаўка, Малая Нараўка знаходзіліся на тэрыторыі сучаснай Польшчы, а Чарлянка, Ціхаволя-Поўнач і Ціхаволя-Поўдзень – у сучаснай Беларусі.

У апошні год нямецкай акупацыі Белавежа ўтварыла новы павет. Згодна з распараджэннямі Галоўнакамандуючага на Усходзе прынца Леапольда Баварскага «Межы тылавых раёнаў і ўпраўленняў» ад 26 сакавіка і 5 чэрвеня 1918 г. ва тэрытарыяльна-адміністрацыйным дзяленні ваеннага ўпраўлення Літва¹ адбыліся змены ў сувязі з утварэннем павета Белавежа [12]. Новы павет быў утвораны з тэрыторый павета Бельск і часткі ранейшай аперацыйнай паласы, якая знаходзіцца на поўдзень ад Белавежы [13, s. 5]. Акрамя гэтага, з 21 чэрвеня 1918 г. павет утварыў новую этапную камендатуру

¹ Згодна з распараджэннем Галоўнакамандуючага на Усходзе генерал-фельдмаршала прынца Л. Баварскага «Аб аб'яднанні ваенных упраўленняў Літва і Беласток-Гродна» ад 27 студзеня 1918 г. гэтыя два ўпраўленні 1 лютага 1918 г. зліваліся ў адно ваеннае ўпраўленне Літва (*Militärverwaltung Litauen*) з цэнтрам у Вільні. Новаўтвораная тэрытарыяльна-адміністрацыйная адзінка падзялялася на два раёны, межы якіх адпавядалі ранейшым упраўленням, пад назвамі «ваеннае ўпраўленне Літва, раён Поўнач» з цэнтрам у Вільні (*Litauen, Bezirk Nord*) і «ваеннае ўпраўленне Літва, раён Поўдзень» з цэнтрам у Беластоку (*Litauen, Bezirk Süd*) // *Befehl betreffend die Zusammenlegung der Militärverwaltung Litauen und Bialystok-Grodno. 27.01.1918. // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – 1918. – № 98. – Z. 695.*

224 з цэнтрам у Белавежы (*Etappen-Kommandantur 224 Bialowies*). Межы павета і камендатуры супадалі. Павет, як і камендатуру, узначаліў шэф ваеннага ляснога ўпраўлення Белавежа маёр д-р Эшэрых (*Escherich*) [6]. 31 жніўня 1918 г. ён быў вызвалены з пасады каменданта [14].

Паводле справаздачы шэфа адміністрацыі ваеннага ўпраўлення Беласток-Гродна ротмістра Т. фон Хэпе, у ваенным лясным упраўленні Белавежа на 1 красавіка 1917 г. дзейнічалі 7 лесапільняў з 22 станкамі і 15 цыркулярнымі піламі, шпалапрапітачны завод, фабрыкі па вытворчасці стружкі і драўлянага абутку, сталярня з аўтаматычнымі станкамі і некалькі невялікіх майстэрняў [5, s. 72].

1 верасня 1918 г. кіраўніцтва ваенным лясным упраўленнем Белавежа перайшло да шэфа адміністрацыі пры ваенным губернатара Літвы²

---

² Згодна з распараджэннем начальніка Генеральнага штаба Германіі П. фон Гінденбурга «Аб утварэнні ваеннага ўпраўлення Балтыйскіх краін і ваеннага губернатарства Літва» ад 24 ліпеня 1918 г. ваеннае ўпраўленне Літва разам з ваенным паветам Сувалкі (*Militärkreisverwaltung Suwalki*) і ваеннымі ляснымі упраўленнямі Белавежа, Беласток, Гродна з 1 жніўня 1918 г. ўтварала ваеннае губернатарства Літва (*Militärgouvernement von Litauen*) з цэнтрам у Вільні. Замест пасады «шэф ваеннага ўпраўлення Літва» (*Chef der Militärverwaltung Litauen*) была ўведзена пасада «ваенны губернатар Літвы» (*Militärgouverneur von Litauen*). Згодна з выканаўчай інструкцыяй да распараджэння ад 24 ліпеня 1918 г. цэнтральная адміністрацыя пры Галоўнакамандуючым на Усходзе – Галоўнае ўпраўленне Обер Ост – ліквідавалася. Пры штабе заставаліся толькі неабходныя рэферэнты для вырашэння адміністрацыйных і эканамічных пытанняў. Сама зона Галоўнакамандуючага на Усходзе была падзелена на ваеннае ўпраўленне Балтыйскіх краін (*Militärverwaltung der baltischen Lande*) і ваеннае губернатарства Літва (*Militärgouvernement Litauen*). Ваеннае губернатарства Літва з цэнтрам у Вільні ў тэрытарыяльна-адміністрацыйным плане стала падраздзяляцца на 4 раёны (*Bezirkverwaltung*) на чале з кіраўнікамі раёнаў (*Landeshauptmann*): Літва, раён Коўна (*Militärverwaltung Litauen, Bezirk Kowno*), таксама выкарыстоўвалася раўназначная назва *Militärbezirkverwaltung Kowno*); Літва, раён Вільні (*Militärverwaltung Litauen, Bezirk Wilna*); Літва, раён Поўдзень (*Militärverwaltung Litauen, Bezirk Süd*) з цэнтрам у Беластоку. Пост ваеннага губернатара Літвы 1 жніўня 1918 г. заняў генерал-лейтэнант фон Харбоу (*von Harbou*), пры якім была ўтворана цэнтральная адміністрацыя // BAArch-MA. F. PH 18. *Chef der Heeresarchiv*. Sign. 2366. *Aktenverzeichnis des Militärgouvernements Litauen. 1916–1919. Anlage II. Verfügung des Chefs des Generalstabes des Feldheeres. Gen. Qu. II Nr. 2432. 24. Juli 1918; Anlage IV. Dienstanweisung für den Militärgouverneur für Litauen. 24.07.1918; Verordnung betreffend Abänderung der Verwaltungsordnung vom 7.6.1916 (Befehls- und Verordnungsblatt Ziffern 259) und Gliederung der militärischen Landesverwaltung im Befehlsbereich Ost. 27.08.1918. // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – 1918. – № 114. – Z. 783.*

(*Verwaltungschef beim Militärgouverneur für Litauen*) капітану Ціслеру (*Tiesler*) паводле распараджэння Галоўнакамандуючага на Усходзе генерал-фельдмаршала прынца Леопольда Баварскага ад 27 жніўня 1918 г. «Аб зменах распараджэння ад 7 чэрвеня 1916 г. і арганізацыі ваенных упраўленняў ў зоне Галоўнакамандуючага на Усходзе» [15].

Аб даце і месцы ліквідацыі ваеннага ляснога ўпраўлення Белавежа даных не выяўлена.

Спіс выкарастаных крыніц

1. Staatsbibliothek zu Berlin Preußischer Kulturbesitz (Дзяржаўная бібліятэка прускай культурнай спадчыны, далей – SBB). – Sign. Krieg1914/29995. Tätigkeitbericht der Etappen-Inspektion XII. Oktober–Dezember 1916. – Bialystok: Druckerei der Militärverwaltung Bialystok–Grodno, 1916. – 19 S.

2. Häpke, R. Die deutsche Verwaltung in Litauen 1915 bis 1918 / R. Häpke. – Berlin: Reichsdruckerei, 1921. – 225 S.

3. SBB. – Sign. Krieg1914/10575–1. Rangliste der Verwaltung des Oberbefehlshabers Ost / bearb. von Abt. V der Verwaltung Ob. Ost. Mitte Juni 1916. – 1916. – 56 S.

4. Neue Bezeichnung von Dienststellen. 04.03.1917. // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – 1917. – № 71. – Z.517.

5. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Таёмны дзяржаўны архіў прускай культурнай спадчыны, далей – GStA PK). – F. HA I. Rep. 89. Sign. 32466. Verwaltungsbericht der Militärverwaltung Bialystok-Grodno für die Zeit vom 1. Oktober 1916 bis 1. April 1917. Bialystok: Druckerei der Militärverwaltung Bialystok-Grodno, 1917. – 78 S.

6. Bundesarchiv-Militärarchiv in Freiburg im Bressgau (Федэральны ваенны архіў у Фрайбургу, далей – BArch-MA). – F. PH 18. Chef der Heeresarchive. Sign. 2114. Aktenverzeichnis des Verwaltungschefs des Militärgouvernements Litauen (Bezirkverwaltung Litauen-Süd, deutscher Generalbevollmächtigter für Litauen und Abwicklungsstelle Berlin-Charlottenburg). Bd. 4. 1915–1919. S. 1137. Geschichte der Militärforstverwaltung Bialowies. O.D.

7. Zusammenlegung der Verwaltungen Grodno und Bialystok. 11.10.1916. // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – 1916. – № 53. – Z.405.

8. Ausführungsanweisung zu der Verordnung betreffend den räumlichen Geltungsbereich der im Befehls- und Verordnungsblatt bisher erschienen und der von jetzt ab erscheinenden Befehle und Verordnungen des Oberbefehlshabers Ost vom 27. September 1916. 04.03.1917. // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – 1917. – № 71. – Z. 518.

9. Ein Besuch ein Wisentwald Bialowies // Die Woche. – 1916. – H. 2. – 8. Januar. – S. 39.

10. Neue Bezeichnung von Dienststellen. 04.03.1917. // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – 1917. – № 71. – Z. 517.

11. SBB. – Sign. 4° Krieg 1914/25168^{2a}. Gliederung und Namensliste der militärischen Landesverwaltung des Oberbefehlshabers Ost. Juli 1917. – 70 s.

12. Betr. Etappen- und Verwaltungsgrenzen. Bezug: Ober Ost I c. Nr. 2727/18 geh. vom 26. März 1918. 05.06.1918. // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – 1918. – № 107. – Z. 744.

13. GStA PK. – F. I.HA. Rep. 84 A. Sign. 6213. Verwaltungsbericht der Militärverwaltung Litauen, Bezirk Süd in Bialystok für die Zeit vom 1 April bis 30. September 1918. – Bialystok: Bialystoker Zeitung, 1918. – 46 s.

14. BArch–MA. F. PH 30 III. Kaiserliche Militärverwaltungen und Militärmissionen. Sign. 13. Kurzer historischer Überblick über das Generalgouvernement Litauen. S.51–52. Militärforstverwaltung Bialowies.

15. Verordnung betreffend Abänderung der Verwaltungsordnung vom 7.6.1916 (Befehls- und Verordnungsblatt Ziffern 259) und Gliederung der militärischen Landesverwaltung im Befehlsbereich Ost. 27.08.1918 // Befehls- und Verordnungsblatt des Oberbefehlshabers Ost. – 1918. – № 114. – Z.783.

(Дата поступления: 03.11.2019).

Жихарев С. Б.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель

Zhiharev S.

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel

УДК 94:656.2:625.1(474.6)

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ЛИТОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ, ФИНАНСОВЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

THE LITHUANIAN RAILROAD JOINT-STOCK COMPANY: ECONOMIC, JURIDICAL, FINANCIAL AND TECHNICAL CHARACTERISTICS

В начале 60-х гг. XIX в. усилилось внимание частных лиц и предпринимателей к строительству железной дороги Белосток – Пинск, что вызвало попытку создания Акционерного общества (далее – АО) Литовской железной дороги. В то же время отказ государства в обеспечении минимальной гарантированной прибыли на ценные бумаги Литовской железной дороги означал проблематичность учреждения АО. Участники проекта должны были инвестировать в ее постройку собственные средства и принять на себя все риски, связанные с ее будущей

эксплуатацией.

Ключевые слова: железная дорога; акционерное общество; экономика; государство; предпринимательство; проект.

In the beginning of 60th of XIX century the attention of private persons and businessmen to construction of the railway Bialystok-Pinsk that has caused attempt of creation of joint-stock company of the Lithuanian railway has amplified. At the same time refusal of the state in maintenance of the minimal guaranteed profit on securities of the Lithuanian railway meant problematical character of establishment of joint-stock company. Participants of the project should invest own means in its construction and take up all risks connected with its future operation.

Keywords: railroad; joint-stock company; economy; state; entrepreneurship; project.

В 1861 г. помещик Слонимского уезда Гродненской губернии Иван Завиша направился сначала в Варшаву, а затем в Вильно для получения разрешения на постройку железной дороги из Белостока через Пружаны в Пинск и далее на Волынь. В сентябре этого же года он участвовал в Берлине в переговорах с инвесторами, заинтересованными в финансировании акционерной компании [1, л. 6]. К сожалению, о результатах переговоров ничего не известно.

В таблице 1 (столбец 3) показана величина финансовых вложений планируемого АО Литовской железной дороги в наращивание промышленного, сельскохозяйственного и лесного производств в районах западных губерний, примыкающих к железной дороге.

Таблица 1

**Финансово-экономические параметры
железнодорожной (ж. д.) линии Белосток–Пинск**

Длина всех участков	Общая стоимость постройки	Инвестиции в хозяйственный рост края	Капитал формируется:	
			на основе акций	
верст	(тыс. руб.)	(руб. серебром на 1 версту) 35 000 + 20 % (10 000)	первая эмиссия 24.04.1863 г.	вторая эмиссия осень 1863 г.
1	2	3	4	
226	7910 (8000)	45 000	1,5 млн руб.	остальная сумма

Источник: [2, лл. 17 об. – 19 об.].

По мысли авторов проекта увеличение производства в названных отраслях должно интенсифицировать товарное движение по линии Белосток–Пинск, а значит, будет способствовать формированию ее при-

были [2, л. 15 об. 16]. Учитывались расходы на создание посреднической инфраструктуры (постоянные железнодорожные станции, конторы, комиссионерства), обеспечивающей рыночный обмен между производителями края и потребителями их продукции в отдаленных губерниях. В планы будущего АО Литовской железной дороги входило даже основание пароходства на Припяти [2, л. 18].

Первое официальное рассмотрение проекта Литовской железной дороги состоялось только в следующем году. 27 марта 1862 г. группа землевладельцев из 8 западных губерний обратилась к главноуправляющему путей сообщений и публичных зданий Российской империи К. В. Чевкину, заявив о своем желании создать АО для строительства железной дороги из Белостока через Пружаны в Пинск и далее на Волынь [3, л. 1]. 12 крупно-поместных дворян, среди которых преобладали представители титулованной знати (см. таблицу 1), просили главу путейского ведомства помочь в получении концессии на проведение изысканий и составление проекта железной дороги между Белостоком и Пинском. Техническую сторону дела учредители планировали возложить на инженера Лундта, разделявшего идею постройки Литовской железной дороги [3, л. 2].

Таблица 2

Учредители АО Литовской ж. д. (Белосток–Пружаны–Пинск–Волынь)

Фамилия, Имя	Звание	Титул	Занимаемая должность	Губерния или государство
Т. Бобр-Пиотровский	поместный дворянин			Волынская
П. Витгенштейн		князь	флигель-адъютант	Минская, Витебская, Виленская, Ковенская
Э. Друцкий-Любецкий		князь	пинский уездный предводитель дворянства	
А. Замойский		граф		Виленская
И. Завиша		князь		Минская, Гродненская
Стефан Потоцкий		граф		Гродненская
Константин Потоцкий		граф		
В. Сангушка		князь		австрийский подданный
Р. Сангушка		князь		Волынская, Подольская
К. Скирмунд		князь		Минская, Пинский уезд
М. Тарновский		граф		Волынская
И. Тышкевич		граф		Виленская, Ковенская

Источник: [3, л. 1; 4, с. 287; 12, л. 6; 13, л. 1].

Концессионная система учреждения частных АО, утвердившаяся в России после появления закона о компаниях на акциях 1836 г., вводила разрешительный порядок создания железнодорожных компаний. Практическое следование принципам концессионной системы требовало при учреждении каждого нового частного железнодорожного общества санкции со стороны самого императора. Из таблиц 3 и 3а можно узнать все важнейшие параметры проекта концессии, подготовленного учредителями АО Литовской железной дороги для подтверждения Александром II.

Таблица 3

**Важнейшие положения проекта концессии для постройки
ж. д. Белосток–Пинск и далее на Вольнь**

Название участка	Запланированные сроки завершения этапов работ (год)				Срок пользования железной дорогой (лет)	Правительственная гарантия доходов АО %
	получение разрешения на производство изысканий	окончание изысканий	утверждение устава	окончание постройки		
Белосток–Пинск	весна 1862	01.10.1862	01.01.1863	01.11.1865	90	5
Пинск–Корец	после завершения постройки участка Белосток–Пинск				90	5

Источник: [1, лл. 2–3].

Таблица 3а

**Важнейшие положения проекта концессии для постройки
ж. д. Белосток–Пинск и далее на Вольнь**

Название участка	Права акционерного общества			Цена одной версты, руб. сер.
	беспошлинный ввоз из-за границы паровозов и вагонов, лет	законное отчуждение частной земельной собственности для ж.д. полотна, саженей		
		луг, пашня	лес	
Белосток–Пинск	5	30	40	45000
Пинск–Корец	5	30	40	45000

Источник: [1, лл. 2–3].

28 июня 1862 г. Александр II своим указом разрешил строительство железной дороги из Белостока до Пинска, но на условиях, прописанных в концессиях Волго–Донской и Московско–Ярославской железных дорог. В отличие от двух последних на АО Литовской железной дороги не распространялась правительственная гарантия на акционерный капитал. В тексте указа оговаривалось также отсутствие исключительных прав, льгот, финансовых субсидий или преференций, предоставляемых Белостокско–Пинской железной дороге со стороны государства. В то же время учредители Литовской железной дороги могли рассчитывать на помощь местных властей в беспрепятственном проведении изысканий на территории вверенных им в управление губерний [3, л. 2].

На основе концессии железной дороги Белосток–Пинск был подготовлен проект устава общества Литовской железной дороги (таблица 4).

Таблица 4

Проект устава АО Литовской ж.д. (Беловежа–Пружаны–Пинск–Корец)

Место пребывания АО, город	Срок пользования ж.д., лет	Состоит из трех отделений, участки	Основной капитал, акции	
			количество, шт.	цена 1 акции, руб.
Вильно	85	Белосток–Пинск	160000	50
		Пинск–Корец		
		Корец– австрийская граница		

Источник: [2, лл. 23–37; 4, с. 287].

10 июля 1862 г. глава путейского ведомства К. В. Чевкин обратился к Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору. В адресованном на имя князя Васильчикова письме он просил сделать распоряжение об оказании содействия инженер-капитану Лунду в производстве нивелировочных и изыскательных работ. На начальном этапе изысканий предполагалось выполнение нивелировки от Пинска в направлении Волынской губернии до местечка Корец, а также на месте совпадения рек Горынь, Стырь и Припять с Пиной. Это требовалось сделать для определения высоты горизонта проектной линии в Пинске [2, лл. 3–3 об.]. Аналогичные письма рассылались губернатору Минской губернии, военному губернатору Виленской, генерал-губернатору Гродненской и Ковенской губерний.

Учредители АО Литовской железной дороги полагали, что линия не потребует крупных строительных издержек. Спроектированная на равнинной местности, где отсутствуют крупные водоемы, она сможет функционировать без дорогостоящих искусственных сооружений. Оптимальные топографические и гидрографические условия местности, а также выгодная трассировка железной дороги обеспечат минимальные затраты на строительные работы. В таблице 5 указана структура поперстной стоимости сооружения железной дороги между Белостоком и Пинском.

Таблица 5

Планируемые расходы на постройку одной версты ж. д. Белосток–Пинск

№	Статья расходов	Сумма (руб. сер.)
1	Проведение изысканий	80
2	Окончательный выбор линии и составление проектов и смет по всем видам работ	10
3	Выплата компенсаций владельцам за отчуждаемые под железную дорогу земли и недвижимое имущество	400
4	Земельные работы в расчете под двойной путь, подготовка площадок для станций и переездов	5000
5	Искусственные сооружения и возведение моста через реку Нарев	1500
6	Создание двухсторонней защитной лесной полосы и изгородей от метелей	200
7	Строительство сторожевых и рабочих домов, создание железнодорожных переездов	1100
8	Постройка меблированных станционных зданий с водоснабжением и освещением, сооружение мастерских и обеспечение их всем необходимым оборудованием	5000
9	Однколейный железнодорожный путь и его принадлежности (балласт, рельсы, скрепления, шпалы, стрелки, крестовины, поворотные круги, сигнализация)	10 000
10	Трехпроволочный телеграф со столбами и приборами	160
11	Подвижной состав (паровозы, вагоны, платформы)	5000
12	Экипировка служащих, ручные сигналы	100
13	Функционирование центрального управления, координация строительных работ, выплата дивиденда по акциям на период сооружения железной дороги (20 % с вышеуказанных сумм)	5725
14	Государственный контроль на период постройки и непредвиденные расходы	632
15	ВСЕГО	35 000

Источник: [2, лл. 17 – 17 об.].

В постройке железной дороги из Белостока в Пинск и далее на Волынь проявили также заинтересованность предприниматели Белостока и Пинска. В 1862 г. белостокские купцы направили соответствующие ходатайства в исполнительные структуры литовских и белорусских губерний. В переписке виленского военного генерал-губернатора с гродненским губернатором В. А. Бобринским говорилось о целесообразности ускорения процесса создания АО Литовской железной дороги. Белостокским купцам рекомендовалось как можно быстрее <...> «соединить свои капиталы для осуществления проекта» [5, л. 14].

8 ноября 1862 г. пинские купцы обратились за содействием в строительстве железной дороги через Пинск к минскому губернатору. Подробно изложив аргументы в пользу безотлагательного сооружения Литовской железной дороги, предприниматели рассчитывали на его поддержку в вышестоящих столичных инстанциях. Авторы ходатайства заверяли губернатора в том, что разрешение правительства даст возможность учредителям АО безотлагательно приступить к реализации проекта [6, с. 84; 5, л. 26].

Последовательность событий свидетельствует о применении белостокскими и пинскими купцами методов недобросовестной конкуренции. В ведущейся параллельно борьбе за право постройки Белостокско-Пинской железной дороги они добивались отмены принятого 28 июня 1862 г. решения о выдаче концессии на постройку Литовской железной дороги группе землевладельцев (см. таблицу 1). Пинские купцы не могли не знать о существовании уже разработанного помещиками проекта устава АО. О своей информированности в данном вопросе они «проговорились» в прошении минскому губернатору: «<...> к изысканию Литовской железной дороги приступлено недавно в Пинске на наших глазах» [6, с. 82]. В архивах не удалось обнаружить сведений о попытках наладить двух или трехсторонние многоуровневые переговоры (землевладельцы – предприниматели Белостока – пинские купцы – правительственные структуры) на предмет консолидации капиталов всех независимых участников проекта.

Таким образом, отсутствие правительственной гарантии минимального дохода на акции Литовской железной дороги сделало ее постройку малопривлекательной для спекулятивного биржевого или банковского капитала. При отказе со стороны государства в обеспечении минимальной гарантированной прибыли на ценные бумаги

Литовской железной дороги учреждение акционерного общества становилось проблематичным. Участники проекта теперь должны были инвестировать в постройку железной дороги собственные средства, а также принять на себя все риски связанные с ее будущей эксплуатацией.

Список использованных источников

1. Центральный государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИА Украины). – Фонд 2227 (Коллекция документов Виленского музея). – Оп. 1. – Д. 63. Проект Устава и дополнительные рекомендации по созданию общества Литовской железной дороги. – Лл. 1–7.

2. ЦГИА Украины. – Фонд 442 (Канцелярия Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора). – Оп. 39. – Д. 63. Дело о строительстве железной дороги между Белостоком и Пинском Обществом Литовской железной дороги. – Лл. 1–74.

3. Национальный исторический архив Беларуси в Минске. – Фонд 295 (Канцелярия минского губернатора). – Оп. 1. – Д. 1458. Императорский указ по докладу главноуправляющего путей сообщений и публичных зданий о постройке железной дороги от Белостока до Пинска. – 3 лл.

4. Литовская железная дорога // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния. Составил член Императорского русского географического общества Генерального штаба подполковник П. Бобровский. – Ч. 1. – СПб: Тип. деп. Ген. штаба, 1863. – С. 287–288.

5. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 1 (Канцелярия гродненского губернатора). – Оп. 13. – Д. 1286. Дело о строительстве железных дорог от города Белостока через Пружаны в город Пинск и далее на Вольнь. – 38 лл.

6. Прошение пинских купцов минскому губернатору о проведении через Пинск железной дороги // Белоруссия в эпоху капитализма / сост. З. Е. Абезгауз, Н. Л. Рябцевич. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – Т. 2. – С. 78–84.

(Дата поступления: 19.11.2019).

Моторова Н. С.

Белорусский государственный университет, Минск

Motorova N.

Belarusian State University, Minsk

УДК 616.89–082(091)(476)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОМОЩИ ДУШЕВНОБОЛЬНЫМ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1861–1914 ГГ.

MAIN TENDENCIES FOR THE DEVELOPMENT OF ASSISTANCE FOR INSANE PERSONS ON THE TERRITORY OF BELARUSIAN PROVINCES IN 1861–1914

В статье охарактеризованы основные тенденции эволюции помощи психически больным людям на территории белорусских губерний в 1861–1914 гг. Отмечено, что за ними было закреплено право на лечение в медицинских учреждениях, входивших в структуру приказов общественного призрения. На протяжении пореформенного периода происходил постепенный отказ от изоляции больных в пользу более гуманных методов призрения и оказания медицинской помощи. Указано, что наиболее интенсивно сеть психиатрических учреждений на территории белорусских губерний стала развиваться в начале XX в. Это выразилось в открытии Виленской и Могилевской лечебниц.

Ключевые слова: душевнобольные; призрение; лечение; лечебница; белорусские губернии.

The article describes the main trends in the evolution of assistance to mentally ill people on the territory of the Belarusian provinces in 1861–1914. It is noted that they were assigned the right to treatment in medical institutions that were part of the departments of public charity. During the post-reform period, there was a gradual rejection of isolation of patients in favor of more humane methods of charity and the provision of medical care. It is indicated that the most intensive network of psychiatric institutions on the territory of Belarusian provinces began to develop at the beginning of the 20th century. This was reflected in the opening of the Vilna and Mogilev hospitals.

Keywords: insane persons; charity; treatment; hospital; Belarusian provinces.

На территории белорусских губерний, как и в целом в Российской империи, особую группу населения, нуждавшегося в медицинском уходе, составляли душевнобольные. На протяжении пореформенного

периода под контролем государства формы и методы помощи таким лицам постепенно эволюционировали от призрения к собственно лечению. Непосредственное участие в ее совершенствовании и развитии принимали органы местного самоуправления.

В начале 1860-х гг. помощь психически больным людям на территории Беларуси оказывалась исключительно в домах для душевнобольных, которые входили в структуру приказов общественного призрения. В них пациенты просто изолировались от общества [1, с. 71, 115–116]. В таких учреждениях практически не оказывалась квалифицированная медицинская помощь, не хватало мест для приема всех больных. В начале 1860-х гг. на территории белорусских губерний было всего 3 дома для умалишенных (в Вильно, Минске и Могилеве) и небольшое отделение в Гродно. Они были рассчитаны на 71 место [подсчитано по: 2, Ведомость № 5].

На правительственном уровне признавалась необходимость коренной реформы организации помощи душевнобольным. Для обеспечения медицинской помощью всех нуждавшихся еще в дореформенный период был подготовлен проект создания сети окружных лечебниц, каждая из которых должна была обслуживать жителей нескольких смежных губерний. Планировалось, что первое такое учреждение будет открыто в Казани [3, с. 380]. Затем, согласно планам МВД, предполагалось создать окружные дома для душевнобольных в крупных центрах европейской части Российской империи: Санкт-Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Киеве, Риге, Вильне [2, с. 29–30]. Планировалось, что Виленская лечебница будет обслуживать Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую и Могилевскую губернии. Сначала в район ее действия также была включена Витебская губерния, но затем было решено отнести ее к Прибалтийскому окружному дому [4, л. 11].

Однако этот проект полностью не был реализован: из 8 медицинских учреждений, запланированных к открытию, в 1869 г. начала функционировать лишь Казанская окружная лечебница. При организации ее деятельности проявились слабые места правительственного проекта реорганизации помощи душевнобольным. Так, на практике оказалось, что транспортировка таких пациентов из смежных губерний сопровождалась большими организационными трудностями, а плата, установленная за их содержание, была слишком высокой [5, с. 62]. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев во время посещения Казанской лечебницы в 1873 г. остался недоволен ее состоянием. По его мнению, рас-

ходы на открытие и содержание этого учреждения оказались слишком большими, а эффект от его деятельности – минимальным. В результате создание окружных лечебниц было приостановлено, а МВД начало принимать меры по улучшению состояния отделений для умалишенных при губернских больницах. Для их реализации требовалось обеспечить дополнительное финансирование. В 1879 г. через Комитет министров было получено высочайшее разрешение на выделение 2 млн руб. из фонда общественного призрения МВД для назначения пособий земствам на улучшение заведений для душевнобольных [6, л. 273 об., 334–334 об.].

Белорусские губернии из-за отсутствия земского самоуправления не могли воспользоваться такой возможностью. Однако потребность в реорганизации помощи душевнобольным здесь ощущалась очень остро. На различные недостатки в организации и деятельности домов и отделений для душевнобольных неоднократно указывалось в губернаторских отчетах. Например, витебский губернатор В. В. фон Валь в 1881 г. отмечал, что местный «дом для умалишенных тесен, грязен и во всех отношениях неудобен, потому что в нем, помимо всяких принимаемых мер, соединились все условия, чтобы сделать его невозможным для такого важного назначения» [7, с. 16]. Могилевский губернатор А. С. Дембовецкий в своих отчетах за 1881–1882 гг. указывал на необходимость расширения подобного учреждения в Могилеве [8, с. 26; 9, с. 22]. Крупные недостатки в деятельности дома для душевнобольных в Минске были выявлены во время визита в 1890 г. директора Медицинского департамента Л. Ф. Рагозина. Это учреждение было переполнено, занимало арендованное здание, не соответствовавшее его профилю и больше напоминавшее место заключения. Передвижения пациентов ограничивались, некоторые из них привязывались или приковывались цепями [10, л. 32].

К концу XIX в. было определено количество психически больных лиц в Российской империи. Согласно данным переписи 1897 г. оно составило 117 709 человек, или 0,09 % населения. На территории пяти белорусских губерний насчитывалось 7 014 человек душевнобольных (примерно 0,08 % населения) [подсчитано по: 11, с. 1–2; 12, с. 184–185, 216–217]. Однако Медицинский департамент МВД располагал другими, более высокими, данными. В отношении от 29 ноября 1898 г., направленном министру финансов С. Ю. Витте, указывалось, что только в европейской части Российской империи проживало более 180 тыс. душевнобольных. Для оказания им помощи в медицинских учреждениях

было всего 15 тыс. мест. По мнению Медицинского департамента, это было недостаточно и нужно было создать еще хотя бы 12 тыс. мест. В этой связи предполагалось открыть больницы, предназначенные исключительно для душевнобольных, с привлечением государственного финансирования [6, л. 260].

Одновременно Медицинский департамент разработал примерную типологию больных и предназначенных для них медицинских учреждений. Первую категорию составили лица с острыми душевными расстройствами, вторую – больные затяжными формами душевного расстройства, представлявшие во время припадков опасность для себя и окружающих, третью – хронически больные, которые могли бы прожить в своих семьях. Предполагалось, что больным первой категории медицинская помощь будет оказываться в небольших лечебницах по месту жительства. Больные третьей категории не представляли опасность для общества и нуждались в уходе, который мог быть обеспечен в условиях богаделен или семейного призрения. В то же время оказание медицинской помощи больным второй категории, по мнению Медицинского департамента, должно было находиться под контролем государства и осуществляться через окружные лечебницы, предназначенные для обслуживания нескольких смежных губерний [6, л. 269, 270, 271 об. – 272]. В европейской части Российской империи планировалось создать 8 таких учреждений, рассчитанных на 8 тыс. мест. По предварительным подсчетам расходы на эти цели могли составить 8 млн руб. Это была значительная сумма, которую предполагалось включать в сметы МВД частями (по 1 млн руб. в год) [6, л. 274 об. – 275, 276].

В рамках реализации данного проекта 30 марта 1898 г. император Николай II подписал закон об открытии окружной больницы для душевнобольных на 1 тыс. мест в Вильне. Для ее размещения в распоряжение МВД было предоставлено казенное имение Раканцишки.

На возведение здания больницы и его оборудование требовалось до 1 млн руб. Эти средства были выделены из капиталов общественного призрения, находившихся в распоряжении МВД, с условием размещения до половины суммы расходов из земских сборов тех губерний, население которых будет обслуживать лечебница. Первоначально их перечень отсутствовал, а МВД совместно с Министерством финансов было поручено подготовить для Государственного совета предложения по этому вопросу ко времени обсуждении земских смет и раскладок на 1899–1901 гг. [13, с. 229–230]. В 1899 г. было решено привлечь к финан-

сированию данного проекта Витебскую, Минскую, Гродненскую, Виленскую и Ковенскую губернии. Казне должны были быть возмещенные 485 тыс. руб., затраченных на строительство окружной лечебницы для душевнобольных, из сумм земского сбора перечисленных губерний. На протяжении 1899–1901 гг. каждая из них должна была внести по 97 тыс. руб. Места между губерниями предполагалось распределить поровну [14, с. 552].

Строительные работы по возведению лечебницы растянулись на пять лет, а окончательная сумма расходов превысила запланированную и достигла 1 123 000 руб. Торжественное открытие лечебницы состоялось 21 мая 1903 г. [15, с. 1, 3]. Штатное расписание и правила управления ею были утверждены императором ранее – 27 января 1903 г. Окружная лечебница для душевнобольных находилась в ведении МВД и под надзором виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора. «Ближайшее» наблюдение за ее деятельностью поручалось виленскому губернатору. Общее количество мест в лечебнице составляло 1 тыс., из которых 700 мест было зарезервировано для больных, направленных правительственными учреждениями и должностными лицами, 300 – для частных лиц [16, с. 50–51]. Позже было уточнено, что для каждой из пяти губерний должно предназначаться по 200 мест: 140 – по направлению правительственных учреждений, 60 – для частных лиц [15, с. 4].

Лечение было платным, размер платы утверждался на трехлетний срок министром внутренних дел. Однако предполагалось, что часть мест будет предоставляться бесплатно. Также законодательно закреплялись источники финансирования лечебницы. К их числу относились ежегодные пособия из казны, плата за лечение больных, проценты с капиталов, доходы от обработки угодий и от продажи изделий, произведенных больными, частные пожертвования [16, с. 51–52]. В течение нескольких последующих лет выяснилось, что этих средств недостаточно для финансирования окружной лечебницы. В этой связи было решено привлечь основной ресурс местного налогообложения – земский сбор. Так, в смету земских расходов на 1908–1910 гг. на погашение расходов по содержанию больных в окружной лечебнице, а также на частичное возмещение затрат на ее капитальный ремонт был заложен ежегодный расход в размере 57 702 руб., из которых 38 468 руб. должно было поступить от Виленской и Гродненской губерний [17, с. 446–447]. В смету на 1911–1913 гг. по указанным губерниям был включен ежегодный расход на содержание больных в размере 50 539 руб. Кроме того, из сумм земского сбора по

Виленской губернии планировалось ежегодно направлять по 25 826 руб. на возведение при лечебнице барака на 80 мест и его содержание [18, с. 268–269]. Необходимость в его создании была обусловлена постоянным ростом обращений в медицинское учреждение и дефицитом свободных мест. К этому времени Витебская губерния перестала участвовать в финансировании больницы. Однако из Минской губернии продолжали поступать средства за лечение больных. Так, в 1912 г. на эти цели была направлена 21 тыс. руб., в 1913 г. – 27 тыс. руб. [19, с. 40, 61; 20, с. 57, 65].

Практически одновременно Могилевское управление по делам земского хозяйства приступило к разработке собственного проекта реорганизации помощи душевнобольным. В мае 1907 г. Губернский комитет дал поручение Губернской управе подготовить его план и необходимую техническую документацию. Для его реализации было решено ходатайствовать перед МВД о разрешении использовать из капитала общественного призрения 200 тыс. руб., а перед Главным управлением земледелия и землеустройства – о выделении 200 десятин земли в одной из казенных дач губернии. Так как возведение новой психиатрической лечебницы могло растянуться на два года, то было принято решение немедленно выделить психиатрическое отделение Губернской больницы в самостоятельное учреждение и перевести его в отдельное здание. На эти цели Губернский комитет был готов ежегодно выделять по 3 тыс. руб. [21, с. 14, 22]. В сентябре 1907 г. было решено взять в аренду имение Карабановка для размещения лечебницы для душевнобольных [22, с. 81, 85]. Однако эта мера носила временный характер. В частности, доктор П. И. Якобий, при активном участии которого разрабатывался проект реорганизации психиатрической помощи, указал, что в Карабановке целесообразнее разместить колонию для неизлечимых душевнобольных [23, с. 24]. В 1909 г. Управление по делам земского хозяйства приступило к строительству здания для лечебницы в Печерске, где ранее располагалась земская богадельня. На это было затрачено 60 тыс. руб., в том числе 20 тыс. руб., полученных по завещанию Л. С. Ярошевой. В 1911 г. психиатрическая больница на 200 мест начала работать [24, с. 14–15]. В 1913 г. было принято решение увеличить количество мест в медицинском учреждении до 250. Для этого предполагалось использовать усадьбу Сеньково, где располагалась губернская богадельня, которую планировалось упразднить, открыв взамен небольшие богадельни в уездах [25, с. 7, 11, 15].

В схожем направлении развернуло работу и Витебское управление по делам земского хозяйства. В 1909 г. Губернский комитет утвердил

предложение Управы о строительстве психиатрической больницы на Юрьевой Горке. Для реализации проекта было решено ходатайствовать о выделении правительственной субсидии и о разрешении заложить ценные бумаги бывшего Приказа общественного призрения на номинальную сумму 200 тыс. руб., недостающие средства – позаимствовать из страхового капитала. Однако МВД ответило отказом и рекомендовало отложить разрешение данного вопроса в связи с предстоявшим преобразованием управления по делам земского хозяйства [26, с. 12–13].

Дальнейшее разрешение вопроса о реорганизации психиатрической помощи в Витебской губернии связано с деятельностью земства. В начале 1912 г. Губернское земское собрание рассматривало два варианта для размещения больницы для душевнобольных – имение Освея, расположенное в Дриссенском уезде, и урочище Юрьева Горка в Витебске – и склонялось к первому из них [27, с. 19–20, 222–223, 230]. Однако уже в июле 1912 г. по не зависящим от губернского земства причинам пришлось остановиться на втором варианте [28, с. 51, 62, 70]. 21 января 1913 г. Губернское собрание приняло окончательное решение возвести больницу на 200 мест. Приблизительная сумма расходов на ее строительство достигала 450 тыс. руб. Собственных средств у земства не было, поэтому оно решило возбудить ходатайств о выделении правительственного пособия в размере 225 тыс. руб., уполномочило Управу заложить ценные бумаги, которые ранее принадлежали Приказу общественного призрения, на сумму 208 тыс. руб., а также сделать заем из страхового капитала и в случае необходимости заложить другие ценные бумаги. Заем планировалось погасить в течение 20 лет [29, с. 249, 282]. Однако из-за отсутствия финансирования начало строительных работ откладывалось. Согласно закону земство не имело право распоряжаться капиталами упраздненного Приказа. В то же время на строительство лечебницы оно могло направить из собственных средств всего 120 тыс. руб. В этой связи 22 декабря 1913 г. Губернское собрание уполномочило Управу в очередной раз ходатайствовать о выделении правительственной субсидии и просить представителей Витебской губернии в Государственной думе и Государственном совете оказать поддержку в этом вопросе [30, с. 312, 316, 317, 320]. Его решение было приостановлено в связи с началом Первой мировой войны.

Минское земство принимало участие в финансировании психиатрических отделений при еврейской и Губернской больницах, а также выделяло средства на лечение больных в Виленской окружной лечеб-

нице. Согласно смете расходов на 1914 г. на эти цели предполагалось затратить более 99 000 руб. [31, с. 30, 37, 38]. В то же время в Минской губернии развернулись работы по реорганизации психиатрической помощи населению. Соответствующий проект был подготовлен Губернской земской управой и получил одобрение Губернского земского собрания в январе 1914 г. В соответствии с ним в каждом уезде предполагалось создать небольшую больницу на 15–20 мест для оказания помощи хронически больных, а также открыть две колонии для душевнобольных примерно на 100 мест. Губернской управе было дано поручение подготовить подробный финансовый план к ближайшей чрезвычайной сессии [32, с. 64]. 29 мая 1914 г. Минское губернское собрание решило ходатайствовать перед правительством о разрешении использовать капитал общественного призрения для открытия колонии и о выделении безвозвратного правительственного пособия на указанные цели [33, с. 17–19]. К концу 1914 г. был подобран участок земли для ее размещения – имение Барановщизна. Оно занимало около 50 десятин и включало в себя усадьбу, фруктовый сад, пашни, пасеку и сосновый лес [34, с. 169–171]. Однако в связи с развернувшимися военными действиями реализация этого проекта была остановлена.

Расширение сети медицинских учреждений на территории белорусских губерний сопровождалось внедрением более совершенных форм помощи пациентам. Если раньше они просто изолировались в домах для душевнобольных, то в начале XX в. администрация психиатрических больниц начала принимать меры для организации их досуга и социализации. Например, пациенты Виленской лечебницы летом гуляли по прилегавшему парку, где по выходным и праздникам играл оркестр. Осенью и зимой для них устраивались танцы. Кроме того, под контролем врача-ординатора и надзирателя пациенты лечебницы занимались хозяйственными работами. Благодаря их труду был благоустроен парк, возведены парники и оранжерея, система очистки сточных вод [15, с. 20–21, 30–31]. В Могилевской лечебнице пациенты также могли свободно гулять по прилегавшему парку, работали в сапожной и столярной мастерских [35, с. 46].

Таким образом, на протяжении 1861–1914 гг. в организации помощи душевнобольным на территории белорусских губерний отчетливо прослеживались следующие тенденции. Во-первых, на государственном уровне за ними было закреплено право на получение помощи в специализированных медицинских учреждениях, входив-

ших в структуру приказов общественного призрения. Более того, правительство признавало ее необходимость и разрабатывало меры по ее совершенствованию. Во-вторых, на протяжении пореформенного периода эволюционировали подходы к оказанию помощи душевнобольным, происходил постепенный отказ от изоляции больных в пользу более гуманных методов призрения и оказания собственно медицинской помощи с привлечением квалифицированных медиков. В-третьих, наиболее интенсивно сеть психиатрических медицинских учреждений на территории белорусских губерний стала расширяться в начале XX в. при участии как правительства, так органов местного самоуправления. Это выразилось в открытии Виленской и Могилевской лечебниц, где широко практиковались современные для того времени методы лечения и призрения душевнобольных. Данные тенденции свидетельствовали о том, что на протяжении 1861–1914 гг. отношение общества и государства к психически больным людям становилось более гуманным, а масштабы квалифицированной помощи им постепенно расширялись.

Список использованных источников

1. Устав о общественном призрении // Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный: в 15 т. – Изд. 1857 г. – Санкт-Петербург: Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 13: Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. – С. 1–294.
2. Мушинский, К. А. Устройство общественного призрения в России / К. А. Мушинский. – Санкт-Петербург: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1862. – [2], 64 с.; 11 табл.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 2: [в 55 т.]. – Санкт-Петербург: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830–1884. – Т. XXXIV: 1859. Отделение 2. От №34846–35302. – 1861. – 402, 504, [2] с.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Фонд 1287. – Оп. 14. – Д. 1348. – Дело об устройстве в г. Вильне заведения для умалишенных. – Л. 11.
5. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / М. В. Поддубный [и др.]; под ред. Р. У. Хабриева. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2014. – 248 с.
6. РГИА. – Фонд 1288. Оп. 13 (2-е делопроизводство, 1898 г.). – Д. 13. – Дело о переустройстве призрения душевнобольных в Империи. – Л. 260, 269, 270, 271 об. – 272, 273 об., 274 об. – 275, 276, 334–334 об.

7. Обзор Витебской губернии за 1881 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету витебского губернатора. – Витебск: Губ. тип., б/г. – 25 с.; 8 табл.

8. Обзор Могилевской губернии за 1881 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету могилевского губернатора. – Б/м, б/г. – [4], 34 с.; 8 табл.

9. Обзор Могилевской губернии за 1882 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету могилевского губернатора. – Б/м, б/г. – [4], 29 с.; 8 табл.

10. РГИА. – Фонд 1288. – Оп. 13 (1-е делопроизводство, 1907 г.). – Д. 18. – Л. 32. О расширении сельско-врачебной части Виленской, Ковенской и Гродненской губерний. – Л. 32.

11. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 ч. – Санкт-Петербург: Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. I. – [4], XXII, 268, 89 с.

12. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: в 2 ч. – Санкт-Петербург: Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. – Т. II. – [6], LX, 417 с.

13. ПСЗРИ. Собрание 3: в 34 т. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885–1917. – Т. XVIII: 1898. Отделение 1. От №14861–16309 и дополнения. – 1901. – 1120, 73, [3] с.

14. ПСЗРИ. Собрание 3: в 34 т. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885–1917. – Т. XIX: 1899. Отделение 1. От №16310–17967 и дополнения. – 1902. – 1324, 32, [2] с.

15. I. Очерк деятельности Виленской окружной лечебницы для душевнобольных. II. Краткое описание экспонатов, представленных лечебницею на международной выставке гигиены в Дрездене. – Вильна: Тип. Иосифа Завадзко, 1911. – 64 с.; 1 табл.

16. ПСЗРИ. Собрание 3: в 34 т. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885–1917. – Т. XXIII: 1903. Отделение 1. От № 22360–23838 и дополнения. – 1905. – 1167, 136 с.

17. ПСЗРИ. Собрание 3: в 34 т. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885–1917. – Т. XXVIII: 1908. Отделение 2. Приложения. – 1911. – 821, 57, 82 с.; 38 л. ил.

18. ПСЗРИ. Собрание 3: в 34 т. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885–1917. – Т. XXXI: 1911. Отделение 2. Приложения. – 1914. – 698, 70, 72 с.; 55 л. ил.

19. Журналы первого очередного Минского губернского земского собрания. Сессия 25 января – 7 февраля 1912 г. – Минск: Губ. тип., 1912. – XV, 143 с.

20. Журналы второго очередного [Минского] губернского земского собрания. Сессия 1–11 февраля 1913 года / Минское губернное земство. – Минск: Губ. тип., 1913. – XXI, 114 с.

21. Журналы обыкновенного собрания Могилевского губернского комитета по делам земского хозяйства майской сессии 1907 года. – Б/м, б/г. – [4], 55 с. – (Машинописная копия).

22. Журналы годовичного собрания Могилевского губернского комитета по делам земского хозяйства сентябрьской сессии 1907 года. – Могилев-на-Днепре: Типо-лит. Я. Н. Подземского, 1907. – XII, 131 с.

23. Журналы обыкновенного собрания Могилевского комитета по делам земского хозяйства февральской сессии 1908 года. – Могилев-на-Днепре: Типо-лит. Я. Н. Подземского, 1908. – [6], 66 с.

24. Краткий обзор деятельности земского управления Могилевской губернии за 1903–1911 годы. – Могилев губ.: Губ. тип., 1911. – 31 с.

25. Третье очередное [Могилевское] Губернское земское собрание (сессия 12–19 декабря 1913 г.). Журналы заседаний Земского собрания / Могилевское губернское земство. – Могилев-на-Днепре: Типо-лит. Я. Н. Подземского, б/г. – 138, 4, 9 с.

26. Краткий обзор деятельности Управления по делам земского хозяйства Витебской губернии за 1903–1910 г. / сост. Н. Г. Матвеев. – Витебск: Типо-лит. Подземского, 1910. – 2, 122 с.

27. Журналы первого очередного [Витебского] губернского земского собрания. Сессия 15–25 января 1912 года / Витебское губернское земство. – Витебск: Типо-лит. насл. М. Б. Неймана, 1912. – 32, 391 с.

28. Журналы второго чрезвычайного [Витебского] губернского земского собрания. Сессия 9–11 июля 1912 г. / Витебское губернское земство. – Витебск: Типо-лит. насл. М. Б. Немана, 1912. – 15, 99, 9 с.

29. Журналы второго очередного [Витебского] губернского земского собрания. Сессия 15–26 января 1913 г. / Витебское губернское земство. – Витебск: Типо-лит. насл. М. Б. Неймана, 1913. – 27, 358, 8, [2], 25 с.

30. Журналы третьего очередного [Витебского] Губернского земского собрания. Сессия 15–22 декабря 1913 год / Витебское губернское земство. – Витебск: Типо-лит. насл. М. Б. Неймана, 1914. – 21, 332, 32, 37 с.

31. [Журналы третьего очередного Минского губернского земского собрания. Сессия 20–28 января 1914 г.]. – Без тит. л. – XIV, IV, 143 с.

32. Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлети. – Б/м, б/г. – 105 с.

33. Журналы пятого чрезвычайного Минского губернского земского собрания (с докладами Губернской управы). Сессия 28–30 мая 1914 г. / Минское губернское земство. – Минск: Электротип. В. и И. Тасьман, 1914. – 4, 27 с.

34. Доклады IV Минскому очередному губернскому земскому собранию по разным вопросам: в 2 ч. / Минская губернская земская управа. – Минск: Губ. тип., 1914 с. – Ч. 2. – 90 с.

35. Отчет о состоянии и деятельности земско-врачебной организации Могилевской губернии за 1908 год. (К докладу Могилевской губернской управы Губернскому комитету по делам земского хозяйства) / сост. К. Ю. Кононович. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и литография Ш. А. Фридланда, 1909. – 52 с.

(Дата поступления: 26.11.2019).

Полетаева Н. И.

Белорусский государственный экономический университет, Минск

Poletaeva N. I.

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 338(476)(091)(075.8)

О ЧИСЛЕННОСТИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗМЕЩЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

ABOUT NUMBER AND TERRITORIAL ACCOMMODATION OF ENTREPRENEURS IN BELARUSIAN PROVINCES AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Анализируются статистические данные об изменениях в численности предпринимателей на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в. Прослежены особенности размещения отдельных категорий предпринимателей в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях.

Ключевые слова: предприниматель; белорусские губернии; купечество; торговля; промышленные предприятия; территориальное размещение.

Statistical data about changes in the number of entrepreneurs in Belarus in the late XIX – early XX centuries are analyzed. The features of the placement of certain categories of entrepreneurs in Vilno, Vitebsk, Grodno, Minsk and Mogilev provinces are traced.

Keywords: entrepreneur; Belarusian provinces; merchants; trade; industrial enterprises; territorial distribution.

Вопрос о численности и территориальном размещении предпринимателей представляет несомненный научный интерес, так как распределение и количественный состав предпринимателей свидетельствует о том, в каких регионах на различных исторических временных отрезках имелись наиболее благоприятные условия для развития бизнеса, позволяет проанализировать динамику перемещений деловых людей, выявить причины данных процессов. Одновременно этот научный вопрос достаточно сложен, так как применительно к досоветскому периоду недостаточно обобщенных сопоставимых статистических сведений. Сами предпринимательские слои, к примеру, в конце XIX – начале

XX в. включали представителей разных сословных и социальных групп. И в источниках, и в научной литературе часто применяются термины «буржуазия», «купечество», «фабриканты и заводчики», «торгующие люди» и т. д. В таких случаях речь идет, конечно, о предпринимателях, но не всякий представитель буржуазии или купечества, к примеру, может быть отнесен к предпринимателям.

По данным известного российского историка А. Н. Боханова, в 1897 г. на территории Российской империи проживало (вместе с членами семей) свыше 281 тыс. купцов, что составляло около 0,2 % населения. В начале XX в. буржуазная верхушка, куда относились, кроме купцов, и другие слои, включала примерно 25 тыс. человек (без членов семей). Численность крупнобуржуазной группы в России в начале XX в. составляла ориентировочно 150 тыс. человек. Всего же около 250 тыс. человек составляли в 1914 г. крупнобуржуазную социальную группу [1]. Обобщенные сведения о динамике численности мелкой и средней буржуазии империи в конце XIX – начале XX в. отсутствуют.

Подсчет численности частных предпринимателей в белорусских губерниях в составе Российской империи на данном историческом отрезке базируется в основном на сведениях налоговой статистики. Синонимом термина «предприниматель» в этот период был термин «купец». Точность статистического учета численности купцов была связана с тем, что приписка к купечеству строго контролировалась казенными палатами, в случае неполучения купеческих документов предприниматели лишались права торговли. Купцами называли всех тех, кто в виде промысла от своего имени совершал сделки, признаваемые законом торговыми. К купцам относились абсолютно все собственники предприятий в том случае, если они выбрали купеческое гильдейское свидетельство [2, с. 45]. Из-за особенностей учета фиксировались собственники как торговых, так и промышленных предприятий.

В последней трети XIX в. в белорусских губерниях (подсчет велся в границах современной территории Беларуси) наблюдался устойчивый рост числа выбираемых свидетельств как по первой, так и по второй гильдиям (два полугодовых свидетельства переведены в одно годовое). К концу XIX в. в Виленской губернии насчитывалось 40 человек, относившихся к первой гильдии, Витебской – 106, Гродненской – 76, Минской – 85, Могилевской – 87. По сравнению с серединой 1870-х – началом 1880-х гг. превышение по первой гильдии состави-

ло 2–4 раза. Темпы роста численности купцов, отнесенных ко второй гильдии, были не столь высоки, как в первой, но это объяснимо более низкой точкой отсчета. В Виленской губернии общая численность купцов второй гильдии увеличилась с 675 в 1886 г. до 1094 в 1898 г., в Витебской – с 661 в 1881 г. до 1135 соответственно, в Гродненской – с 1106 в 1886 г. до 1168, в Минской – с 555 в 1875 г. до 1161, в Могилевской – с 676 в 1878 г. до 973 в 1895 г. Как видим, в среднем – увеличение в 1,2 – 1,5 раза. Всего в 1898 г. в пяти белорусско-литовских губерниях насчитывалось 5809 купцов первой и второй гильдий, вместе взятых [3, с. 200–201]. Заметно, что почти везде достаточно резкий скачок в количестве свидетельств пришелся на конец 1890-х гг. – период интенсивного экономического роста. Исключение составляет лишь Могилевская губерния, которая к этому времени из-за удаленности от железных дорог стала утрачивать прежние прочные позиции в торговых связях региона.

Таблица 1

**Численность и состав купечества Беларуси по гильдиям в 1913 г.
(без Виленской губернии), чел.**

Губерния	Витебская		Гродненская		Минская		Могилевская [*]	
	Первая	Вторая	Первая	Вторая	Первая	Вторая	Первая	Вторая
Число	142	328	58	582	133	683	191	599
Итого	470		640		816		790	

^{*} Данные за 1912 г. Источник: [3, с. 202–203].

Численность купечества и его состав по гильдиям (без Виленской губернии) отражены в таблице 1. В 1913 г. число полученных купеческих свидетельств по сравнению с концом XIX в. сократилось до 2716 (из них 524 – по первой гильдии), в том числе в Витебской губернии их насчитывалось 470, в Гродненской – 640, в Минской – 816, в Могилевской губернии – 790 человек. Сокращение численности гильдейских купцов объясняется изменением системы налогообложения с 1898 г.

Однако к купцам относились наиболее крупные предприниматели. В целом же численность торгово-промышленного люда была значительно большей. Статистика торговых предприятий показывает, сколько, к примеру, выбиралось документов на торговые предприятия (табл. 2).

Таблица 2

**Численность торговых предприятий
белорусско-литовских губерний в 1890 и 1898 гг.**

Год	Численность гильдейских предприятий, обложенных сбором			Численность негильдейских предприятий			Итого
	1-й гиль- дии	2-й гиль- дии	Всего	Освобожден- ных от сбора	Обложенных сбором	Всего	
Виленская губерния							
1890	–	856	856	19	4004	4023	4879
1898	42	997	1039	191	3255	3446	4485
Витебская губерния							
1890	–	1413	1413	–	2886	2886	4299
1898	131	1507	1638	43	2653	2696	4334
Гродненская губерния							
1890	–	1304	1304	102	5065	5165	6469
1898	70	1114	1184	355	4265	4620	5804
Минская губерния							
1890	–	778	778	178	4439	4617	5395
1898	62	1035	1097	163	3620	3783	4880
Могилевская губерния							
1890	–	933	933	378	2820	3198	4131
1898	37	735	772	338	1891	2229	3001
Итого							
1890	–	5284	5284	677	19214	19891	25175
1898	342	5388	5730	1090	15684	16774	22504

Источник: [4, с. 188–189].

Количество предприятий, а следовательно, предпринимателей (в подавляющем большинстве случаев у торгового предприятия был один собственник), занятых в сфере торговли, в конце XIX в. колебалось в пределах 22–25 тыс. человек. Общее количество торгующих росло и к 1913 г. стало весьма существенным. К примеру, в 1913 г. только в Минской, Могилевской губерниях и белорусских уездах Гродненской губернии было выдано свыше 40 тыс. торговых свидетельств [5, с. 102–103]. По количеству торговых свидетельств белорусский регион находился примерно на шестом месте в Российской империи [6, с. III]. Эти данные свидетельствуют о том, что торговая деятельность все больше

привлекала не столько купечество, сколько представителей иных социальных групп – выходцев из мещан, крестьян, даже дворянства.

В промышленном производстве белорусских губерний также было занято значительное число предпринимателей. В 1900 г. здесь насчитывалось 58,1 тыс. ремесленных мастерских, 17,1 тыс. мелких капиталистических предприятий, 760 мануфактур, свыше 799 фабрик и заводов. Всего численность предприятий составляла 85 146. Учитывая, что, как правило, у мелких предприятий был один собственник, можно полагать, что не менее 85 тыс. человек были заняты предпринимательской деятельностью в промышленности и связанных с ней промыслами. В 1913 г. численность предприятий выросла до 99 823, в том числе крупные (цензовые) предприятия составили 1282, мелкие – 7778, кустарно-ремесленные 90763 [7, с. 167–170, 181]. Можно предположить, что число предпринимателей, занятых в промышленном производстве, превысило 99 тыс.

Комплексные систематизированные данные о размещении предпринимателей в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX в. отсутствуют. Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. о распределении населения по занятиям не могут быть использованы для решения данного научного вопроса, так как в них и предприниматели, и наемные работники учтены вместе. Поэтому в целом предложен следующий подход: анализ размещения с учетом сословного признака.

Купец, ведущий предпринимательскую деятельность, по законодательству конца XIX – начала XX в. был обязан приписываться к первой или второй гильдии. В 1891 г. в пяти западных губерниях (табл. 3, подсчет велся в географических рамках, совпадающих с территорией современной Беларуси) насчитывалось 4445 гильдейских купцов, в том числе 180 – первой гильдии (4,0 %).

В 1898 г. их число возросло до 5606, в том числе к первой гильдии состояли 280 человек (5 %). Самая значимая группа купцов проживала в Гродненской губернии (26 % в 1891 г. и 29,4 % в 1898 г.). В Витебской губернии была приписана почти пятая часть купцов (20,7 % в 1891 г. и 22,6 % в 1898 г.). В остальных губерниях гильдейское купечество было представлено достаточно равномерно, и их удельный вес изменился незначительно. В Виленской губернии соответственно 17,1 и 18,3 %, в Минской – 18,8 и 18,2 %, в Могилевской – 17,4 и 18,6 %. Следовательно, территориальное размещение купечества с учетом принадлежности

к гильдиям характеризовалось тем, что самые большие их группы проживали в Гродненской и Витебской губерниях, отмечалась тенденция к росту их доли в общей численности купечества. Суммарно на эти две губернии приходилось более половины всех гильдейских купцов Беларуси. Самая крупная группа купцов первой гильдии (в 1898 г. – 71 человек или 1,3 %) проживала в Могилевской губернии.

Таблица 3

**Территориальное размещение купцов первой и второй гильдий,
проживавших на территории,
входящей в современную территорию Беларуси, в 1891 г. и 1898 г.***

Губернии	Гильдии	1891		1898	
		Число	%	Число	%
Виленская	Первая	24	0,5	35	0,6
	Вторая	735	16,5	992	17,7
	Всего	759	17,1	1027	18,3
Витебская	Первая	34	0,8	66	1,2
	Вторая	888	20,0	1203	21,5
	Всего	922	20,7	1269	22,6
Гродненская	Первая	36	0,8	46	0,8
	Вторая	1121	25,2	1200	21,4
	Всего	1157	26,0	1646	29,4
Минская	Первая	37	0,8	62	1,1
	Вторая	798	18,0	958	17,1
	Всего	835	18,8	1020	18,2
Могилевская	Первая	49	1,1	71	1,3
	Вторая	723	16,3	973	17,4
	Всего	772	17,4	1044	18,6
Итого	Первая	180	4,0	280	5,0
	Вторая	4265	96,0	5326	95,0
	Всего	4445	100,0	5606	100,0

* С переводом двух полугодических свидетельств в годовое.

Источник: [8, с. 22–23, 30–31; 9, с. 3, 12–13].

Вопрос о территориальном размещении дворян-предпринимателей в белорусских губерниях до настоящего времени в отечественной историографии не решен. В монографии А. П. Житко «Дворянства Беларуси перыяду капіталізму. 1861–1914 гг.» в разделе, посвященном

дворянскому предпринимательству, имеются многочисленные факты о конкретном вкладе помещиков в развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли белорусского региона. Однако на их основе не представляется возможным представить хотя бы приблизительно, как распределялись эти усилия в территориальном аспекте.

Анализ размещения негильдейских предприятий (табл. 2) показал, что в 1890 г. свыше четверти их (25,9 %) располагались в Гродненской губернии, далее (по степени убывания) численность этих предприятий располагалась так: Минская губерния – 23,2 %, Виленская – 20,2 %, Могилевская – 16,2 %, Витебская – 14,5 %. К 1898 г. изменилась доля негильдейских предприятий Витебской и Могилевской губерний: торговые предприятия Витебской губернии по удельному весу в общей численности перешли с пятого места на четвертое (16,3 %), в то время как Могилевской – сместились с четвертого на пятое место при одновременном уменьшении их доли до 13,2 %.

По структуре размещения в целом торговых предприятий белорусско-литовский губерний за период 1890–1898 гг. существенных изменений не произошло: самая значительная их доля приходилась на Гродненскую губернию, наименьшая – на Могилевскую губернию с тенденцией к сокращению и абсолютного числа предприятий, и их удельного веса, что можно рассматривать как свидетельство замедления экономического развития этого региона в конце XIX в.

Проанализировать территориальное размещение предпринимателей-мещан, занятых в промышленном производстве, позволяют данные таблицы 4. Принимая во внимание, что данные промышленные предприятия, как правило, имели одного собственника, который в большинстве случаев проживал в месте расположения своего предприятия, можно говорить о почти полном совпадении размещения промышленных заведений и самих предпринимателей.

Как показывают данные таблицы 4, в 1890 г. самая значимая группа предприятий (33,2 %) располагались в Гродненской губернии, в Могилевской – 26,8 %. В совокупности в этих двух губерниях располагались 60 % промышленных заведений, принадлежавших мещанам. В Витебской губернии (по степени убывания) располагались 16 % предпринимателей-мещан – собственников промышленных заведений, в Минской – 12,3 %, в Виленской – 11,7 %. В начале XX в. ситуация существенно изменилась. Свыше половины (57,6 %) – промышленников-мещан оказались сосредоточены в Гродненской губернии. Незна-

чительно, примерно на 2 %, выросла доля владельцев предприятий, располагавшихся в Виленской и Минской губерниях. Зато доля предпринимателей, занятых в промышленности Витебской и Могилевской губерний, сократилась почти в три раза. Следовательно, в конце XIX – начале XX в. произошло перераспределение числа промышленников-мещан в пользу Гродненской губернии, при одновременном и абсолютном, и относительном сокращении числа предпринимателей, занятых в промышленном производстве Витебской и Могилевской губерний. В Виленской и Минской губерниях при росте числа предприятий более чем в 1,5 раза, доля располагавшихся в них частных промышленных предприятий выросла незначительно.

Таблица 4

**Территориальное размещение промышленных предприятий,
принадлежавших мещанам, в пяти белорусско-литовских губерниях,
1890 и 1908 гг.**

Губернии	1890 г.		1908 г.	
	Число	%	Число	%
Виленская	41	11,7	63	12,4
Витебская	56	16,0	28	5,5
Гродненская	116	33,2	292	57,6
Минская	43	12,3	75	14,8
Могилевская	93	26,8	49	9,7
Итого	349	100,0	507	100,0

Источник: [4, с. 201–311].

Детализировать данные о территориальном расположении предпринимателей в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX в. могут сведения о числе выданных торговых документов. Так, в Минской губернии, к примеру, в 1913 г. было выдано 15 956 свидетельств для торговых предприятий (с переводом полугодовых свидетельств в годовые) [10, с. 20–21]. В Могилевской губернии в том же году было выдано 13 360 свидетельств на 13 750 торговых предприятий [11, с. 37]; в белорусских уездах Гродненской губернии – 10 912 торговых свидетельств [12, с. 36].

Таким образом, несмотря на то, что арифметически точные обобщенные данные о численности предпринимателей белорусских губерний в конце XIX – начале XX в. навряд ли можно представить из-за осо-

бенностей источников, в целом можно констатировать постепенный рост численности данного социального слоя, что свидетельствовало об активном включении белорусских губерний в процессы буржуазной модернизации. Самые большие группы предпринимателей-купцов концентрировались в Гродненской и Витебской губерниях, предпринимателей-мещан, занятых в промышленности, а также торговцев в целом – в Гродненской и Минской губерниях.

Список использованных источников

1. *Боханов, А. Н.* Деловая элита России. 1914 / А. Н. Боханов. – М.: ИРИ РАН, 1994. – 274 с.
2. *Удинцев, В.* Русское торгово-промышленное право / В. Удинцев. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1907.
3. *Полетаева, Н. И.* Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX – начало XX в. / Н. И. Полетаева. – Минск: БГЭУ, 2004. – 247 с.
4. *Церашкова, К. С.* Мяшчане ў сацыяльна-эканамічным развіцці беларуска-літоўскіх губерняў (1861–1914 гг.) / К. С. Церашкова. – Мінск: Беларуская навука, 2018. – 314 с.
5. *Полетаева, Н. И.* Итоги «долгого XIX века» для торговли Беларуси / Н. И. Полетаева // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. трудов. Вып. 2. – Минск: РИВШ, 2019. – С. 98–103.
6. Статистика прямых налогов и пошлин. Государственный промысловый налог. Основной налог с отчетных и неотчетных предприятий и дополнительный налог с неотчетных предприятий за 1912 г. – Петроград: Тип. ред. период. изд. Мин. фин-ов, 1915.
7. Эканамічная гісторыя Беларусі. – Мінск: Экаперспектыва, 1995. – 432 с.
8. Свод данных о торговых сборах в России за 1891 и 1892 гг. – СПб., 1895.
9. Свод данных о торговых сборах в России за 1897 и 1898 гг. – СПб., 1900.
10. Обзор Минской губернии за 1913 г. – Минск: Губерн. тип., 1914.
11. Обзор Могилевской губернии за 1913 г. – Могилев: Губерн. тип., 1915.
12. Обзор Гродненской губернии за 1913 г. – Гродно: Губерн. тип., 1914.

(Дата поступления: 28.11.2019).

РАЗДЕЛ 4. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ МОДЕРНЫХ НАЦИЙ

Дзярновіч А. І.

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск

Dziarnovich A.

Institute of History, NAS of Belarus, Minsk

УДК 94(485)»18»

«РАНЫ СЯРЭДНЯВЕЧЧА»: ГІСТАРЫЧНАЯ ПРАГРАМА І МАДЭРНИЗАЦЫЙНЫЯ ДЫСКУРСЫ МЛАДАЛАТЫШСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА РУХУ 1850–1880-Х ГАДОЎ

«THE WOUNDS OF THE MIDDLE AGES»: HISTORICAL PROGRAM AND MODERNIZATION DISCOURSES OF THE NEW LATVIANS NATIONAL MOVEMENT IN THE 1850–1880-IES

Для латышоў у XIX ст. мадэрнізацыя была сінонімам стварэння нацыянальнай ідэнтычнасці. Ідэнтычнасць стваралася за кошт фармавання новых культурных асноў і латышскага літаратурнай мовы. У рамках младалатышскай гістарычна-культурнай праграмы 1850–1880-х гадоў быў сканструяваны міф «залатых часоў» данямецкай Латвіі; створаны «народны эпас» пра Лачплесіса. Але ў выніку рэалізацыі гэтай культурнай праграмы з нацыянальнай гісторыі латышоў была практычна элімінаваная гісторыя сярэднявечнай Лівоніі, перыяд

якой стаў разглядацца як «эпоха прыгнёту». Лівонія да канца так не была «вернутай» латышскай гісторыі нават у нашыя часы.

Ключавыя словы: Латвія; Остзейскія губерні; Расійская імперыя; XIX ст.; нацыяналізм; мадэрнізацыя; культурная палітыка.

Modernization for Latvians in the 19th century was synonymous with the creation of a national identity. The identity was created through the formation of new cultural elements and Latvian language. As part of the Young Latvians historical and cultural program in the 1850–1880-ies was constructed Golden era myth of Latvia before the Germans; it was created the Lāčplēsis «national epic». But as a result of the implementation of the cultural program of the national history of Latvians were almost displacing the history of medieval Livonia, the period of which has been regarded as the Era of oppression. Livonia to the end was never «returned» to Latvian history, even in our times.

Keywords: Latvia; the Baltic governorates; the Russian Empire; 19th c.; nationalism; modernization; cultural policy.

Латышкае нацыянальны рух XIX ст. утрымлівала ў сабе значны мадэрнізацыйны імпульс. Фактычна, для латышоў мадэрнізацыя была сінонімам стварэння нацыянальнай ідэнтычнасці. Ідэнтычнасць стваралася за кошт фармавання новых культурных асноў і латышкага літаратурнай мовы. Культура і мова былі найважнейшымі сферамі праявы нацыяналізму. Перад латышскімі нацыяналістамі ў культурнай сферы стаяла задача стварэння нацыянальных культурных каштоўнасцяў, якія не саступалі б культурным дасягненням іншых народаў. Для латышоў народамі-супернікамі ў дадзеным выпадку былі немцы і рускія.

Остзейскія губерні. Остзейскімі губернямі, ці Остзейскім краем, у Расійскай імперыі пазначалі тэрыторыі Курляндскай, Ліфляндскай і Эстляндскай губерняў. Першыя тры чвэрці XIX ст. існавала і рэгіянальнае аб'яднанне гэтых губерняў у рамках генерал-губернатарства з цэнтрам у Рызе (1801–1878). Але і пасля скасавання гэтай адміністрацыйнай структуры агульнасць лёсу Остзейскіх губерняў захоўвалася, што і выяўлялася ў назвах Остзейскі ці Прыбалтыйскі край. Такім чынам, Остзейскія губерні аб'ядноўвалі практычна ўсе эстонскія і латышскія тэрыторыі, за выключэннем Латгаліі – паўднёва-ўсходніх паветаў Латвіі, якія ўваходзілі ў Віцебскую губерню (1802–1917). Сама ж назва «Остзейскія губерні» паходзіць ад нямецкай назвы Балтыйскага мора – Ostsee.

У складзе Расійскай імперыі Остзейскія губерні валодалі асаблівым статусам. У аснове кіравання імі ляжала мясцовае заканадаўства («Збор

мясцовых ўзаканенняў губерняў остзейскіх»), паводле якога ўнутранае кіраванне краем ажыццяўлялася органамі самакіравання дваранства разам з урадавымі ўстановамі. Хоць сфера кампетэнцыі апошніх з канца XVIII ст. пашыралася, але ж і да пачатку Першай сусветнай вайны губернатар як прадстаўнік цэнтральнай улады быў вымушаны выбудоўваць сваю службовую дзейнасць такім чынам, каб не парушаць прывілеяў остзейскага дваранства [1, р. 73].

У другой палове XIX – пачатку XX ст. Прыбалтыйскі край зведаў глыбокія змены ў сацыяльнай і нацыянальнай структурах. Адной з галоўных прычын гэтага быў інтэнсіўны рост капіталістычных адносін у краі і, адпаведна, урбанізацыйныя працэсы – колькасць жыхароў буйных гарадоў губерняў за кошт выхадцаў з вёскі няўхільна павялічвалася. Так, з 1867 па 1897 г. колькасць латышоў у Рызе вырасла з 23,5 % да 41,64 %, а эстонцаў у Рэвелі – з 51,8 % да 88,7 % [14, с. 80]. Напярэдадні Першай сусветнай вайны ў сувязі з мілітарызацыяй эканомікі ўрбанізацыйныя працэсы толькі ўзмацніліся.

Але працэсы перасялення былых сялянаў у гарады зусім не азначала ліквідацыю аграрнай праблемы на вёсцы. Інтэнсіўнае развіццё капіталістычных, рыначных адносін адбывалася там таксама, што абвастрала праблему сялянскага малазямелля. На мяжы XIX–XX ст. у Эстляндскай губерні 73,9 % зямлі належала памешчыкам, сялянскія надзелы складалі 23,7 %, дзяржаўныя – 2,4 % зямельнага фонду. У Ліфляндскай губерні прапорцыі размеркавання зямлі выглядалі наступным чынам: 54,3 %, 34,8 %, 10,9 % адпаведна [6, с. 351]. І тут варта нагадаць, што памешчыкамі ў Остзейскім краі практычна цалкам былі немцы – нашчадкі ўладароў даўняй Лівоніі. А ў пачатку XX ст. карэннае насельніцтва краю (латышы і эстонцы) складалі агулам каля 85 % колькасці жыхароў, немцы – 6 %, рускія – 5 %.

Такім чынам, на зыходзе XIX і пачатку XX ст. Остзейскія губерні, перажываючы перыяд актыўнай мадэрнізацыі, усё яшчэ вельмі выразна адрозніваліся ад іншых рэгіёнаў Расійскай імперыі паводле свайго гістарычнага лёсу, культуры, сааслоўным ладзе, формах землеўладання і грамадзянскіх законаў.

«Остзейскае пытанне». Пад «Остзейскім пытаннем» у той час разумелі ўнутрыпалітычную праблему Расійскай імперыі, якая ўключала ў сябе ўзаемаадносінны цэнтральнай імперскай улады і галоўных суб'ектаў палітыка-прававога рэгулявання ў Остзейскіх губернях, найперш прывілеяванай нямецкай меншасці, а таксама карэнных

жыхароў краю (латышоў і эстонцаў) і расійскіх пасяленцаў. Такім чынам, «Остзейскае пытанне» – гэта праблема пераразмеркавання палітычных правоў і, адпаведна, рэалізацыя магчымасцяў на ўплыў жыцця краю.

Спецыфіка ідэалагічнага супрацьстаяння расійскіх славянафілаў з остзейскімі элітамі палягала ў тым, што нямецкія роды Прыбалтыкі былі адданымі і кваліфікаванымі функцыянерамі царскай адміністрацыйнай сістэмы. Мясцовае прыбалтыйскае дваранства адкрыта заяўляла, што яны прымалі прысягу на вернасць імператару, а не Расійскай дзяржаве. Вядомы остзейскі публіцыст Г. Беркгольц адкрыта пісаў у 1860 г.: «Прыбалтыйскія немцы маюць усе падставы быць усёй душой за дынастыю, бо толькі абсалютная ўлада цара аберагае іх. Між тым, любая руская партыя, дэмакратычная, бюракратычная ці якая-небудзь іншая, жгарэ іх, ледзь толькі яна даб'ецца вырашальнай перавагі» [10, с. 58].

Толькі ўжо пры Александры II праблема нацыянальна-аслоўных кампетэнцый у Остзейскім краі выйшла на арэну публічнага абмеркавання. І тут расійскія славянафілы атрымалі даволі нечакана саюзнікаў у абліччы новапаўсталай інтэлігенцыі карэнных народаў Прыбалтыйскага краю.

Супрацоўнік рускага кансерватыўнага журналіста і рэдактара М. Н. Каткова латыш Крыш'яніс Валдемар змясціў у газеце «Московские ведомости» артыкул пад назвай «Хто кіруе Расіяй: самі рускія ці немцы?» [3, № 161]. У артыкуле былі прыведзены наступныя лічбы: сярод расійскіх міністраў – 15 % немцаў, сярод членаў Дзяржаўнага Савету – 25 %, сярод сенатараў – 40 %, генералаў – 50 %, губернатараў – 60 %. Каткоў, прачытаўшы артыкул перад здачай нумару газеты ў друк, не паверыў у гэтыя лічбы і загадаў свайму сакратару іх пераправярыць. Вынікі правяркі ўразілі Каткова яшчэ больш: сенатараў-немцаў апынулася нават больш – 63 % [5, с. 47–60].

«Остзейскае пытанне» як праблема ўзаемаадносін мясцовага (латышкага і эстонскага) насельніцтва Остзейскага губерняў Расійскай імперыі з нямецкім прывілеяваным насельніцтвам (дваранствам і верхнімі пластамі гараджанаў) і царскай адміністрацыі (рэгіянальнай і цэнтральнай) абвастрылася пад уплывам паўстання 1863 г. у Беларусі, Літве і Польшчы. У прыбалтыйскіх губернях адбывалася рэалізацыя «вялікіх рэформаў» і адначасовы рост нацыянальнай самасвядомасці карэнных народаў. Усе гэтыя працэсы выклікалі ажыўленую дыску-

сію ў публіцыстыцы і гістарыяграфіі рэгіёну. «Ахоўніцкая» стратэгія нямецкай гісторыка-прававой школы не змагла цалкам забяспечыць нязменнасць прывілеяванага становішча нямецкага насельніцтва («остзейскага ладу»). Пры гэтым уласна нямецкая гістарыяграфія Остзейскага краю дасягнула высокага прафесійнага ўзроўню. Латвійская гістарычная публіцыстыка гэтага перыяду мела прарасійскія тэндэнцыі. Расійская жа публіцыстыка і гістарыяграфія не змаглі выпрацаваць адэкватнай мадэлі апісання рэгіёну, які падаваўся непарушна расійскім [4, с. 37].

Jaunlatvieši. У сярэдзіне XIX ст. у Латвіі ўзнік латышскі нацыяналізм у класічнай для таго часу форме. Гэты новы нацыянальна ліберальны рух атрымаў назву младалатышкага, а яго прадстаўнікоў сталі называць младалатышамі (лат. jaunlatvieši). Першапачаткова гэты тэрмін выкарыстоўваўся ў скептычным значэнні з боку балтыйскіх немцаў, рэагуючы на палітычна-літаратурны рух «Малая Германія».

Цэнтрам латышкага нацыянальнага руху на гэтым этапе сталі не этнічна латышскія землі (Курзэме і Відзэме), а таксама не шматэтнічная Рыга. Сістэматычная дзейнасць па фармуляванню пастулатаў латышкага нацыяналізму распачалася ў сталіцы Расійскай Імперыі, дзе на старонках выдання «Peterburgas Avizes» («Пецябургская газета», 1862–1865 гг.) фармуляваліся асноўныя ідэалагічныя і палітычныя тэзы младалатышоў. Тлумачэнне гэтага феномену можна знайсці праз разуменне таго факту, што на тэрыторыі Латвіі ў сярэдзіне XIX ст. гарады не мелі этнічнай латышкай большасці, і ў гэтым сэнсе яны не былі латышскімі нацыянальнымі гарадамі. У такім выпадку цэнтрам нацыянальнага руху на раннім этапе гісторыі нацыяналізму мог стаць горад, які б знаходзіўся на па-за этнічнай тэрыторыі [11, с. 159–162]. Важна, каб у гэтым горадзе прысутнічала рэфэрэнтная група нацыянальнай інтэлігенцыі, схільнай да культурна-асветніцкай дзейнасці ў рамках парадыгмы нацыятварэння.

Найбольш выбітнымі прадстаўнікамі і ідэолагамі руху младалатышоў былі публіцыст і духоўны лідар младалатышоў Крыш'яніс Валдэмарс (Krišjānis Valdemārs), збіральнік дайнаў Крыш'яніс Баранс (Krišjānis Barons), паэт і рэдактар першай латышкай газеты «Peterburgas Avizes», стваральнік 500 латышскіх неалагізмаў Юрыс Алунанс (Juris Alunāns), мовазнавец і педагог Атыс Кронвалдс (Atis Kronvalds).

Младалатышскі рух быў рухам нацыяналістычным – нацыяналістычна латышскім, нацыяналістычна прарасійскім і нацыяналістычна

антынямецкім. Адстойваючы думку пра латышскі народ як самабытную этнічную супольнасць, младалатышы адмаўлялі ідэю балтыйскіх немцаў аб фармаванні нацыі на гістарычна-палітычнай аснове з паступовым зліццём нямецкіх, латышскіх і эстонскіх элементаў [2, с. 56]. Патрабаванні младалатышоў тычыліся толькі латышоў Відэме і Курзе; латгалы Віцебскай губерні не траплялі ў нацыянальную праграму младалатышоў. У гэты перыяд патрабаванняў ад уласнай дзяржавы не было.

Не жадаючы стаць ахвярамі германізацыі і ў перспектыве магчымай русіфікацыі, младалатышскія нацыяналісты разгарнулі каласальную дзейнасць на ніве развіцця латышскай мовы, нягледзячы на тое, што практычна ніхто з іх не меў спецыяльнай адукацыі і дастатковай навуковай падрыхтоўкі. Менавіта гэта збліжае латышскі рух з іншымі нацыянальнымі рухамі ў Расійскай імперыі, у якіх стваральнікі нацыянальных ідэнтычнасцяў пачыналі не з сістэматычнага вывучэння нацыянальнай гісторыі свайго народа, а з «культурна-антыкварнага дылтантызму» [7, с. 79].

У сваіх публіцыстычных творах ідэолагі младалатышкага руху вызначылі тэзы, прынцыповыя для нацыянальнага латышкага ўспрымання мінуўшчыны. Адным з падмуркаў латышскай візіі быў гістарычны міф пра «залаты век» данямецкай Латвіі. Ю. Алуанс наступным чынам апісваў гаспадарча-сацыяльны лад даўніх латышоў:

«...латышскія землі хутка разбагацелі, і суседнія народы захацелі падпарадкаваць іх сабе. Асабліва датчане і шведы імкнуліся да латышскіх земляў... але латышы, а асабліва куры, грозныя людзі, амаль заўсёды захоплівалі шведскіх і дацкіх жаўнераў жывымі і прадавалі ў палон да арабаў, якія за вялікія грошы куплялі моцных шведскіх і дацкіх мужыкоў ад рускіх перакупшчыкаў каля вусця Волгі. Дзякуючы гэтаму гандлю латышы атрымлівалі ад арабаў тонкія тканіны, каштоўныя камяні, золата і срэбра, ды ў такой колькасці, што багаццем сваім шырока праславіліся. Такім чынам, датчане і шведы, якія ў тэя часы сеялі паніку і жах па ўсёй Еўропе, сцерагліся і баяліся латышоў, а сярод іх асабліва кураў. Калі нават шведы і датчане нічога не маглі зрабіць супраць латышоў, то нам лёгка зразумець, што латышы не былі тады такім быдлам, як аўстралійскія або іншыя рабскія народы, якія цяпер, напэўна, вымруць пад еўрапейскім націскам, але былі больш адукаваныя, чым шведы і датчане, якія ў той час заснавалі так шмат дзяржаў» [12, ірр. 330–331; 7, с. 82].

Але як пры такім ваяўнічым характары старажытных латышоў іх змаглі заваяваць немцы? Алунас дае свой адказ: «Тое, што немцы змаглі перамагчы латышоў, адбылося дзякуючы разрозненасці апошніх, і яшчэ таму, што латышы не валодалі так добра ваенным мастацтвам, як немцы, якія заўсёды ваявалі і з італьянцамі, і з іншымі народамі» [12, ір. 331; 7, с. 82].

Вобразы «Старажытнай Латвіі» былі створаны ў сярэдзіне XIX ст., але атрымалі развіццё ў 1920–1930-я гг., а таксама ў другой палове 1980-х гг. Кожны з гэтых перыядаў стаў не проста фільтрам, але паслядоўным механізмам стварэння «Старажытнай Латвіі» як «месца памяці» латышскай этнанацыі. Створаны ў пэўным палітычным кантэксце гэты гістарычны міф (дакладней, асобныя яго элементы) укараніліся ў мастацтва, літаратуры, паўсядзённасці, стаўшы неадменнай часткай масавай гістарычнай памяці і важным атрыбутам латышскай нацыянальнай свядомасці [9, с. 138].

Вобраз XIII ст. і эпас «Лачплесіч». З канца XII ст. распачалася нямецкая каланізацыя і хрысціянізацыя паўднёва-ўсходняй Балтыі. Гэта найважнейшы і самы крытычны для латышскай нацыянальнай гісторыі перыяд. Менавіта падзеі XIII ст., адлюстраваныя ў народным эпасе, апісаных і інтэрпрэтаваных ў творах младалатышоў, а ў першай палове XX ст. прафесійнай гістарыяграфіяй, сталі асновай для ўсіх наступных эпохаў. Можна сцвярджаць – з вобразу «Трынаццатага стагоддзя» выцякае ўся нацыянальная гісторыя Латвіі, што прывяло да фармавання «міфу Трынаццатага стагоддзя» [9, с. 142]. У падмурках гэтага гістарычнага міфу ляжаць уяўленні аб супольнай бядзе, пачатку калектыўных пакутаў будучага латышкага народу – старажытных ліваў, лагалаў, селаў, земгалаў, куршаў. У цэлым гэтым плямёнам не ўдалося супрацьстаяць заваёўнікам, на працягу XIII ст. яны страцілі свабоду, пасля чаго наступіла 700 гадоў рабства. З гэтага кола ўяўленняў выцякае паэтычная метафара латышкага народу як «народа-сіраты», вымушанага, выжываючы, падпарадкоўвацца ўладзе чужынцаў. Адначасова ўзнікла і аўтапаалогія: хоць мы, латышы, і былі заваяванымі, пазбаўленыя ўлады на сваёй уласнай зямлі, але захавалі сваю сялянскую культуру і сваю мову [9, с. 143].

Латышскі міф пра XIII ст. быў у значнай ступені фундаментальны гістарычнай паэмай Андрэйса Пумпурса «Лачплесіч». У перакладзе з латышскай Лачплесіс (Lāčplēsis) азначае «той, хто разрывае мядзведзя». Пумпурс ствараў гістарычна-паэтычнае палатно, якое мусілі заняць нішу латышкага гераічнага эпасу. Але ў адрозненні ад многіх падобных

праектаў у Цэнтральнай і Паўночнай Еўропе, Пумпурс ніколі не хаваў свайго аўтарства і таго, што «Лачплесіс» – гэта твор літаратуры. Тым не менш, было б памылкай усе вобразы і мастацкія прыёмы паэмы запісаць толькі на рахунак аўтара. Перад тым, як пайсці на ваенную службу, сын малазямельнага селяніна Ліфляндскай губерні Андрэй Індрыкавіч Пумпур (1841–1902) у 1867–1872 г. адпрацаваў памочнікам каморніка і такім чынам меў магчымасць павандраваць па свайму краю, збіраючы народныя паданні. Гэта легенды пра затанулы замак, у якім захоўваюцца святкі, пакінутыя першапродкамі латышоў; легенды пра добрую фею Стабрадзе і пра стварэнне латышскай зямлі – далінаў і вялікай ракі Даўгавы.

Пасля 15 гадоў збіральніцкай і літаратурнай працы, у 1888 г., знаходзячыся на службе ў Расійскай імператарскай арміі ў чыне штабс-капітана, Пумпурс апублікаваў сваю гераічную паэму паводле матываў латышскай народнай творчасці. Вобраз галоўнага героя паэмы, Лачплесіса, увасабляе гераізм народа і сімвалізуе адвагу чалавека, які абараняе зямлю ад захопнікаў. Стварэнне падобных твораў многімі еўрапейскімі народамі, якія ў XIX ст. перажывалі перыяд нацыянальнага Адраджэння, ставіла сабе за мэту культываванне ў грамадстве гераічных нацыянальных легенд, якія б спрыялі ўмацаванню пачуцця нацыянальнай ідэнтычнасці сярод народных масаў.

І паэма «Лачплесіс» знайшла водгук сярод латышоў у якасці нацыянальнага эпасу. У Латвіі 22 лістапада адзначаецца як дзяржаўнае свята Дзень Лачплесіса – гэта дзень памяці герояў, якія палі за свабоду Латвіі. У 1919 г. у гэты дзень латвійскае войска адбіла наступ нямецка-белагвардзейскіх войскаў Бермондта-Авалава, якія наступалі на Рыгу. У той жа дзень была заснавана найвышэйшая ваенная ўзнагарода Латвіі – ваенны ордэн Лачплесіса. Праз сваю антыгерманскую скіраванасць паэма «Лачплесіс» і яе вобразы культываваліся не толькі ў міжваеннай незалежнай Латвійскай Рэспубліцы, але таксама і ў Савецкай Латвіі.

Эпас «Лачплесіс» падзяляецца на шэсць песняў: у першай апавядаецца пра латышскіх багоў, у другой і трэцяй – пра першыя подзвігі Лачплесіса, у чацвёртай – пра нямецкае заваяванне, у пятай – пра барацьба са злымі духамі, у шостай – непасрэдна пра барацьбу Лачплесіса з нямецкімі захопнікамі.

Пачаткі нямецкай каланізацыі былі апісаныя Пумпурсам у чацвёртай кнізе паэмы досыць драматычна [13, ірр. 200–201; 8, с. 124–125]:

Turp, kur Gaujas krasti lokās Dziļās gravās, ielejās, Kur starp mežiem krastu ličos Atrodas daudz pilskalnu, Apdzīvotu latvju ciltīm, Zemes vaļņiem apmestu, Turpu devās kara pulki, Vadīti no Lāčplēša;	525	Дзе ярамī ляснымі Глыбока разарванья Гаўі берагі, там шмат Узвышалася гарадзішчаў, Абнесены насыпамі, Равамі атачоных, Населеных плямёнамі Вольнымі латышскімі;
Un, kur vien bij ieviesusies Vācu sērga pilskalnos – Ceļā tika izpostīti Visi viņas perekļi.	530	У тыя лясныя нетры войска Лачплесіс рушыла, І ўсюды, дзе асталяваліся Выхадцы нямецкія Нібы гнёзды змей, тыя замкі Выпальваць начыста.
	535	

Нягледзячы на ўвесь гераізм старажытных латышскім плямёнаў, агульная перамога была за нямецкімі каланістамі, рыцарствам і царквой. Пумпурс, выкарыстоўваючы сабраны фальклорны матэрыял, а таксама сюжэты з «Хроінікі Лівоніі» Генрыха Латвійскага, таксама ўвёў у паэму створаны ім вобраз Чорнага рыцара (Melnais bruņinieks), які ўвасабляў сабой спрадвечнага ворага латышоў і з якім змагаўся Лачплесіс. Гэтыя вобразы і топасы паэмы-эпасу «Лачплесіс» былі надзейна замацаваныя ў гістарычнай свядомасці латышкага народу.

У рамках младалатышскай гістарычна-культурнай праграмы быў сканструяваны міф «залатых часоў» данямецкай Латвіі; створаны «народны эпас» пра Лачплесіса; сфармулявана праграма балтызму (балцкай еднасці). Але ў выніку рэалізацыі гэтай культурнай праграмы з нацыянальнай гісторыі латышоў была практычна элімінаваная гісторыя сярэднявечнай Лівоніі, перыяд якой стаў разглядацца як «эпоха прыгнёту і рабства». Лівонія да канца так і не была «вернутаю» латышскай нацыянальнай свядомасці як частка ўласнай гісторыі нават у нашыя часы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Андреева, Н. С. «Остзейский вопрос» во внутренней политике российского правительства / Н. С. Андреева // Cahiers du Monde russe. – 2002. – 43/1, Janvier-mars 2002. – P. 67–102.

2. Бутуліс, І. Гісторыя Латвіі / І. Бутуліс, А. Зунда; пер. Я. Сурскага. – Мінск: Зміцер Колас, 2017. – 336 с.

3. Валдемар, Х. М. Кто правит Россией: сами русские или немцы? / Х. М. Валдемар // Московские ведомости. – 1869. – № 161.

4. Дзярновіч, А. І. «Остзейскае пытанне»: палеміка паміж расійскай і нямецкай публіцыстыкамі адносна гістарычнага лёсу Балтыйскіх правінцый у другой палове XIX ст. / А. І. Дзярновіч // Актуальныя праблемы гісторыі і культуры. Сб. навуц. ст. – Вып. I : Еўропа: актуальныя праблемы этнакультуры. – Мінск: Беларуская навука, 2018. – С. 29–38.

5. *Инфантьев, Б.* Малоизвестные страницы жизни и деятельности Кришьяна Валдемара / Б. Инфантьев // Русский мир и Латвия: Три века русской культуры в Латвии. Памяти Б. Ф. Инфантьева. – Рига: Издание общества SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2009. – С. 47–60.

6. История Эстонской ССР. – Таллин: Ээсти Раамат, 1966. – Т. 2. – 793 с.

7. *Кирчанов, М. В.* Zemnieki, latvieši, pilsoņi: идентичность, национализм и модернизация в Латвии / М. В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 204 с.

8. Лачплесис. Латышский эпос, воссозданный по народным преданиям. – Москва: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1975. – 350 с.

9. *Рыжакова, С.* Historica Lettica: Национальная история и этническая идентичность. О конструировании и культурном реферировании прошлого латышей / С. Рыжакова – Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010. – 644 с.

10. *Сергеев, С.* «Хозяева» против «наемников». Русско-немецкое противостояние в императорской России / С. Сергеев // Вопросы национализма. – 2010. – № 3. – С. 38–78.

11. *Юхнёва, Н.* Роль Петербурга в национально-культурном развитии латышей и эстонцев (к вопросу о локализации центров национально-культурных движений вне основной этнической территории) / Н. Юхнёва // Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. – Рига, 1985. – С. 159–162.

12. *Alunans, J.* Raksti. Sak. R. Klaustiņš / J. Alunans. – Peterburga: A. Gulbja argads, [1914]. – 2 daļa. – 421 lpp.

13. *Pumpurs, A.* Lāčplēsis: latvju tautas varonis. Tautas eposs. / Andrejs Pumpurs ; ar Jāzepa Rudziša ievadapcerējumu un komentāriem. – Rīga: Zinātne, 1988. – 346, [1] lpp.

14. *Taube A v.* Die Deutschbalten – Schicksal und Erbe einer eigenständigen Gemeinschaft / A. Taube, E. Thomson, M. Garleff // Die Deutschbalten / Ed. W. Schlau. – München: Langen Müller, 1995. – S. 51–115.

(Дата поступления: 26.11.2019).

Захаркевич С. А.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

Zakharkevich S.

Belarusian State University, Minsk

УДК 397(091)(476)«18»

ЭТНАГРАФІЯ ХІХ СТ. АБ ЭТНІЧНЫХ МЕНШАСЦЯХ БЕЛАРУСІ

THE ETHNOGRAPHY OF XIX CENTURY ABOUT ETHNIC MINORITIES OF BELARUS

У ХІХ ст. адбывалася інстытуцыяналізацыя беларускай этнаграфіі. Гэты працэс працякаў у рэчышчы актыўнай канкурэнцыі польскай і рускай этнаграфічнай думкі за беларускае «этнаграфічнае поле». Таму асноўнай тэмай беларускай этнаграфіі быў доказ існавання асобнага беларускага этнасу і самастойнай беларускай мовы. Аднак менавіта для эфектыўнага вырашэння гэтай задачы этнічныя меншасці Беларусі падыходзілі вельмі добра. Яны з'яўляліся сваімі «чужынцамі» на фоне сваеасабліваці культуры якіх беларускаць можна было добра рэпрэзентаваць.

Ключавыя словы: этнічныя меншасці Беларусі; яўрэі; стараабрадцы; татары; этнаграфія Беларусі; гісторыя ХІХ ст.; інтэлектуальная гісторыя Беларусі ХІХ ст.

In the 19th century, the institutionalization of Belarusian ethnography took place. This process took place against the backdrop of intense competition between Polish and Russian ethnographic science for the Belarusian «ethnographic field». In this regard, the main topic of Belarusian ethnography was the search for evidence of the existence of an independent Belarusian nation and language. To effectively solve this problem, ethnic minorities living in the Belarusian lands were used. They were considered as «strangers» and against the background of the peculiarities of their culture, the Belarusian nation could be convincingly represented.

Keywords: ethnic minorities in Belarus; Jews; Old Believers; Tatars; ethnography of Belarus; history of the XIX century.; intellectual history of the XIX century on Belarus.

У ХІХ ст. адбывалася інстытуцыяналізацыя беларускай этнаграфіі. Гэты працэс працякаў у рэчышчы актыўнай канкурэнцыі польскай і рускай этнаграфічных думак за беларускае «этнаграфічнае поле». Таму асноўнай тэмай беларускай этнаграфіі быў доказ існавання асобнага

беларускага этнасу і самастойнай беларускай мовы. Гэтая справа была дарэчы не такой прастай задачай.

Для эфектыўнага вырашэння задачы доказу існавання асобнага беларускага этнасу як аб'ект даследавання вельмі добра падыходзілі этнічныя меншасці Беларусі. Яны з'яўляліся «сваімі» «чужынцамі» на фоне сваеасаблівасці культуры якіх беларускаць было добра рэпрэзентаваць. «Намаляваць для сябе партрэт “чужынца” – суседа, чужаземца ці іншаверца – гэта значыць у пэўным сэнсе ўсвядоміць самое сябе, уласную ўнікальнасць і сваеасаблівасць» [4, с. 7].

Аналізуючы краязнаўчую, гістарычную і этнаграфічную гістарыяграфію абазначанага перыяда можна выразна ўбачыць як этнічныя меншасці з плоскасці бяспекі дзяржавы, адлюстраванай у працах афіцэраў Генштаба Расійскай імперыі паступова перацякаюць у неабходны элемент агульных этнаграфічных і гістарычных прац М. Анімеле, А. Кіркова, А. Семянтоўскага і інш.

Афіцэры Генштаба ва ўсіх працах характэрыстыку жыхароў рабілі на падставе этнічнага (у працах «племяннога»), моўнага і рэлігійнага прынцыпу. Традыцыйна афіцэры вылучалі славянскае насельніцтва, у якое ўключалі беларусаў, палякаў і рускіх. Аднак стараабрадцы фактычна засталіся па-за ўвагай. Прычынай гэтаму можна назваць адносна невялікую колькасць гэтай супольнасці і, магчыма, ігнараванне іх як пэўнага стратэгічнага і тактычнага рэсарса падчас ваенных дзеянняў. Былі паўтораны стэрэатыпныя звесткі аб свальным граху старавераў і адсутнасць сям'і [9, с. 26].

Паспрабуем прааналізаваць як апісваліся асобныя этнічныя меншасці пасля працы афіцэраў Генштаба ў храналагічным парадку. Буйнейшай этнічнай супольнасцю пасля беларусаў былі яўрэі.

Першым з беларускіх этнографіаў аб яўрэх напісаў ў сваіх спадарожных нарысах па Палессю і беларускім краю П. М. Шпілеўскі. Ён шмат увагі надаваў апісаннем яўрэяў. Па-першае, ужо напачатку кнігі аўтар стаў ужываць тэрмін «жыд» у адносінах да яўрэя-папутчыка. Шпілеўскі, апісваючы яго розум і еўрапейскі вопыт жыцця выкарыстаў даволі распаўсюджаны стэрэатып: «...Па ўсяму відаць, што жыд наш быў выключэннем з ліку тых жыдоў, на якіх мы звычайна глядзім з нейкім інстынктыўным грэбаваннем» [18, с. 5]. Праязджаючы Тэрэспаль, ён заўважае, што пастаянна сустракаў «пейсы, лямцавыя капялюшы, шапкі з футра (негледзячы на лета) і латанья-пералатанья пантофлі». Тамсама вядомы публіцыст зрабіў цікавую заўвагу: «... з Тэрэспаля пачынаюц-

ца ўжо простыя пасяленні палесян, перамешаных з племям ізраільскім, складаючым нямалую частку народанасялення Заходняй Расіі» [18, с. 15]. Спадарожнік даволі падрабязна засяродзіўся на яўрэях-фактарах, іх ролі і функцыях у грамадстве. Таксама ён фіксуе знакамiты стэрэатып пра асобны пах яўрэяў: «...абдае Вас пахам сялядца, цыбулі і часнака.... Правакуе ўласным туземным пахам....» [18, с. 30]. Таксама ён дадаваў дэталі ў апісанне знешнега выгляду: «...рассякаюць паветра шырокімі рукавамі даўгакрылых лапсердакоў» [18, с. 31]. Апісваючы нясвіжскіх яўрэў Шпілеўскі выкарыстаў эпітэт «лахматае племя», а таксама падкрэсліў заможнасць яўрэяў-гандляроў, скупаючых сырыя скуры, пянку, лён і інш. [18, с. 60]. Распавядаючы пра мінскіх яўрэяў, аўтар паўтараў ўжо знакамiты сюжэт аб тым, што яўрэі спаіваюць беларусаў «умеючы ўлезці ў душу прастому мужыку», а таксама хітрасцю і падманам купляюць у сялян усё значна танней рэальнага кошту [18, с. 101–102].

Наступны, хто прысвяціў увагу яўрэям быў М. В. Без-Карніловіч. У сваёй працы ён вылучыў для іх асобны раздзел, але пасажы аб іх сустракаюцца па тэксце і ў месцах, прысвечаных беларусам. Вобраз яўрэяў негатыўны, падкрэсліваецца іх здольнасць да гандлю: «Прадпрымальныя, цікаўныя, праніклівыя. <...> Каб дасягнуць жаданага, лічаць што дазвалены ўсе сродкі: зневажаюцца, лісьліваць, просяць, падкупляюць, і рэдка не паспяваюць у сваіх намерах. Загадзя разлічаць барышы, якія можа даставіць прадпрымальніцкая аперацыя ...» [3, с. 250]. Без-Карніловіч падкрэслівае негатыўны ўплыў яўрэяў на сялян: « Яўрэі маюць моцны ўплыў на дабрабыт сялян. <...> (Сяляне Беларусі. – С. 3.) па сваёй лагоднай прастаце, не заўважаюць таго, што яўрэі жывуць і багацеюць іх жа маёмасцю, набытай цяжкай працай! <...> гарэлку, хваламі і лісьлівацю, да таго дурманлівым легкаверных гаспадароў, што тыя <...> ім прадаюць за палову цаны...» [3, с. 242–243]. Аўтар адзначае агульныя рысы яўрэйскай культуры, узгадвае пра шабаш (маецца на ўвазе шабат, але аўтар выкарыстоўвае менавіта тэрмін «шабаш». – С. 3.), асноўныя блюда, галоўныя заняткі, знешні выгляд і моцную рэлігійнасць.

Уласнае апісанне яўрэяў і стаўленне да іх зрабіў А. Семянтоўскі ва ўласным этнаграфічным аглядзе Віцебскай губерні. Ён таксама падкрэсліваў здольнасць апошніх спаіваць беларусаў з дапамогай хітрасці і падману» [14, с. 11]. Аўтар звярнуў увагу на гісторыю іх з'яўлення на беларускіх землях, фактычна першы даўшы больш-менш лагічны гістарычны нарыс іх міграцыі [14, с. 62]. У адрозненні ад вышэйзгаданых этнографаў, Семянтоўскі дае шмат статыстыкі па гістарычным перыядам

і населеным пунктам (даводзіць аб 87 760 яўрэяў у губерніі), яго тэкст падаецца больш навуковым, аднак і ён не абыходзіцца без стэрэатыпаў: «...яўрэй, як павук, раскіне уласныя сеці...» [14, с. 58–59], «...народ гэты захаваў бруднасць, якая дае іх хатам, адзежы і нават целу агідны пах...» [14, с. 66]. Падрабязна апісвае заняткі яўрэяў, робячы выснову, што ўвесь гандаль у губерні захоплены імі. Аўтар упершыню ўзгадаў пра наяўнасць некалькіх рэлегійных плыняў сярод яўрэяў – міснагідаў і хасідаў, а таксама зрабіў невялічкі гістарычны экскурс у гэтае пытанне.

Некалькі сюжэтаў аб яўрэях у 1874 г. дадаў этнограф і фалькларыст Ю. Ф. Крачкоўскі ў сваёй рабоце «Побыт заходне-рускага селяніна», у асноўным прысвечанай традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў. Так, ён падаў сюжэт аб пажары ў яўрэйскай хаце ў мястэчку Цырнікі Мінскай губерні, які не жадалі тушыць мясцовыя сяляне не глядзячы на ўсе просьбы гаспадара, лічачы, што гэта боскае прадвызначэнне [10, с. 150–151]. Якраз гэта гісторыя дае аргумент на карысць тэзіса аб выкарыстанні тэмы этнічных меншасцей як фона для адлюстравання сваеасаціваў беларускай культуры.

Напрыканцы сваёй працы Крачкоўскі падаў запіс былічкі пра яўрэяў, якія аказваліся ў розных камічных сітуацыях, а беларускія сяляне іх павучалі, падманвалі і здэкаваліся [10, с. 208]. Яе можна разглядаць праз прызму кампенсацыі яўрэйскай хітрасці.

Адам Кіркор працягнуў ідэю А. Семянтоўскага аб неад'мным гістарычным лесе этнічных меншасцей з беларусамі. Гэтая тэза знайшла ўвасабленне ў гістарычным экскурсе аб яўрэях. Аўтар болей уважана апісвае іх гісторыю і культуру і робіць нават смелыя высновы: «... Нам аднак падаецца, што літоўскія яўрэі лепшыя, высокароднейшыя за ўсіх другіх (маецца на ўвазе яўрэі Царства Польскага, рускія, нямецкія і аўстрыйскія. – С. 3.)...» [8, с. 17]. Ён гаворыць пра яўрэйскі патрыятызм да месца пражывання, іх сумленнасць і прыстойнасць.

Адзін з самых вялікіх па аб'ёму і фактычнаму матэрыялу тэкстаў аб яўрэях напісаў А.С. Дэмбавецкі ў сваёй фундаментальнай працы аб Магілёўскай губерні – 89 старонак, прысвечаных выключна гісторыі і культуры яўрэяў!

Ён даў неверагодны гістарычны агляд з часоў Старажытнага Ізраіля, асобна вылучыў гісторыю яўрэяў у Рэчы Паспалітай, падрыхтаваў асобны раздзел, прысвечаны іх побыту і асаблівасцям жыцця, вызначыўшы дзевяць іх галоўных рысаў, якія адрозніваюць яўрэяў ад беларусаў. Аўтар даў кароткую характарыстыку так званай «пантофліявай пош-

це», вылучае і апісвае віды яўрэйскіх брацтваў [7, с. 735–736]. А. Дэмбавецкі першы з даследчыкаў падрабязна апісаў знешні і ўнутраны выгляд яўрэйскага дома, змястоўны аналіз яўрэйскай кухні з назвамі блюдаў і рэцэптурай (трэба зазначыць, што частка матэрыялаў паўтарае слова ў слова ранейшыя тэксты, напрыклад Шпілеўскага) [7, с. 745–748].

Адзін з буйнейшых этнографіў рубяжа XIX–XX ст., Е. Р. Раманаў, у фундаментальным аглядзе Віцебскай губерні ў 1898 г. мімаходзь даў невялічкую ўзгадку аб яўрэях, дзе падаў самыя агульныя звесткі. Гэта крыху здзіўляе, бо сам аўтар фіксуе, што яўрэяў было 11 % ад усяго насельніцтва, а іх доля ў гарадах складала 45 % [13, с. 97–98].

Другі выбітны беларускі этнограф П. В. Шейн у сваёй знакамітай працы пра традыцыйную культуру беларусаў «Матэрыялы для вывучэння побыту і мовы рускага насельніцтва паўночна-заходняга краю» не дае спецыяльных матэрыялаў пра яўрэяў, аднак прыводзіць казку «Мужык Раман і жыды», якая па свайму сэнсу не адрозніваецца ад былічкі ў працы Крачкоўскага – мужык-беларус падманвае хітрых і сквапных яўрэяў [19, с. 300–304].

У пачатку XX ст. кароткія звесткі аб яўрэях Сенненскага уезду даў К. Анікіевіч: статыстычныя дадзеныя і агульнавядомыя звесткі аб знешнім выглядзе і занятках [1, с. 105].

Некалькі былічак пра яўрэяў прывёў Е. Р. Раманаў у працы «Матэрыялы па этнаграфіі Гродзенскай губерні» – «Жыд-ваяка», «Жыдоўскія страхі». Як і ў матэрыялах П. В. Шэйна у іх у сатырычнай форме падаюцца агульныя этнічныя стэрэатыпы аб яўрэях – іх сквапнасці, хітрасці і інш. [11, с. 330; 382]

Другой этнічнай меншасцю, якая выклікала значную ўвагу этнографіў і краязнаўцаў Беларусі сталі рускія стараабрадцы. Варта падкрэсліць, што большасць аўтараў называе іх менавіта «велікаросамі», «рускімі» і толькі затым, па тэксту ўдакладняе, што гаворка ідзе пра стараабрадцаў.

М. Анімелле, У. Сыракомля і П. Шпілеўскі не ўзгадвалі стараабрадцаў. Першы апісваў рэгіён, дзе яны не жылі, а апошнія проста не праяджалі праз іх пасяленні. А вось Без-Карніловіч, чья праца рэпрэзентавала афіцыйную думку ў дачыненні да Беларусі і была надрукавана ў трох аддзяленнях імператарскай канцэлярыі, лічыў, што «народанаселенне Беларусі складаецца з асобных плямён Расіян-стараабрадцаў, Латышоў, Лютэран, Беларусаў і Яўрэяў» [3, с. 237]. Пад расіянамі ён разумеў выключна «стараабрадцаў ці раскольнікаў». Адным з першых даў даволі развёрнутую гісторыю міграцыі на беларускія землі, узгадаў

пра дзве «выганкі» стараабрадцаў з Веткі (у 1735 г. Я. Сыціна, у 1764 г. Я. Маслава). Гістарычны вобраз стараабрадцаў у М. Без-Карніловіча хутэй негатыўны: «...для спынення зла, якое магло б адбыцца ў народзе ад распаўсюджвання ў ім розных раскольнічых сект і крывых пляткарстваў, шкодных для маральнасці і Праваслаўнай веры...» [3, с. 237]. Аднак напрыканцы апісання ён робіць даволі пазітыўную выснову: «Стараабрадцы цвярозыя, упраўныя, працавітыя, але ганарлівыя і недаверлівыя; сярод іх сумленнае слова сапраўднае усякіх пісьмовых абавязальстваў. У хатах і адзежы выконваюць чысціню і ахайнасць; любяць жыць у дастатку, займаюцца домабудаваннем, пчалярствам, ізвозам; па вёсках скупляюць мёд, воск, сушаныя белыя грыбы, палатно, ніткі; у памешчыкаў у садках закупаюць яблыкі, грушы, ягады: развозяць іх па гарадах і мястэчках разам з гароднінай, займаюцца гародніцтвам у прадмесцах гарадоў» [3, с. 240].

Сакратар Віцебскага губернскага статыстычнага камітэта А. Семянтоўскі вылучаў стараабрадцаў сярод народаў славянскага племені (беларусаў і палякаў). Прычым Семянтоўскі называў стараабрадцаў вялікарускімі, аднак дадаваў, што да іх трэба таксама далучыць розныя групы рускіх (палонныя, беглыя, мігранты і інш.), якія прыезджалі ў розныя гістарычныя часы.

Аднак асноўная ўвага надавалася А. Семянтоўскім менавіта стараабрадцам. Негледзячы на пэўныя стэрэатыпныя хібы ў адносінах да бесппаўцаў паўтораныя ім: «...раскольнікі не прызнаюць святасці шлюбу і наогул мала шануюць шлюбную сувязь; жанчыны-раскольніцы, у сваю чаргу, не надаюць вялікай каштоўнасці дзявоцтву і шлюбнай вернасці; так званы звалны грэх паміж імі справа звычайная...» [14, с. 20]. Ён вылучыў некаторыя рысы іх культуры, што засталіся да сённяшняга часу: антрапалагічнае адрозненне і адзеннем, хаты вонкава і знутры таксама былі рознымі. Так, ён пісаў (дарэчы паўтараючы словы святара Волкава), што «раскольнікі ў Віцебскай губерні сяліліся на пустых мейсцах памешчыцкіх памесцяў... выбіраючы пераважна месцы лясістыя, самыя глыбокія і адасобленыя трушчобы» [14, с. 17]. Варта прыгадаць, што менавіта ў працы А. Семянтоўскага быў змешчаны фотаздымак стараабраднікаў Віцебскай губерні. Ён зроблены знатным беларускім фатографам Міхаілам Францавічам Кусцінскім спецыяльна да вядомай Усерасійскай этнаграфічнай выставы 1867 г.

Ю. Ф. Крачкоўскі пры апісанні ярмаркі ў Міёрах узгадваў стараабрадцаў, якія прадавалі там яблыкі, пернікі і булкі [10, с. 155]. Што

датычыцца А. Кіркора, то ён называў стараабрадцаў велікаросамі. Асноўны тэзіс Кіркора нагадвае тэкст Семянтоўскага, нават у нечым паўтарае яго з большага [8, с. 284]. Аднак значнай увагі стараабрадцам ён не надае, абмяжоўваючыся фактычна адной старонкай тэкста.

Старанна і крапатліва апісаў стараабрадцаў Беларусі А. Дэмбавецкі, прысвяціўшы ім 25 старонак тэксту [7, с. 653–678]. Як у дачыненні да яўрэяў, Дэмбавецкі дае самы вялікі нарыс па стараабрадцам сярод усіх этнографіаў і краязнаўцаў. Аўтар даў шырокі і вельмі падрабязны гістарычны агляд засялення Веткі, потым паўтарыў тэзіс аб антрапалагічным і культурным адрозненні папоўцаў ад беларусаў. Трэба адзначыць, што Дэмбавецкі фактычна першы падняў пытанне аб моцнай эканамічнай зацікаўленасці шляхты ў міграцыі стараабрадцаў [7, с. 664–665]. Вельмі падрабязна аўтар апісвае промыслы і заняткі стараабрадцаў, асобна вылучыўшы гандаль, адыходны промысел, извоз, земляробства, садаводства і агародніцтва, промысел судоўніцтва і лодманства, плотніцтва, будаўніцтва і іншых відаў працы [7, с. 668–671]. Значнае месца ў апісанні належыць сямейным абрадам папоўцаў – народзінам, вяселлю і пахаванню. Так падрабязна і навукова ніхто з этнографіаў і краязнаўцаў XIX ст. стараабрадцаў не вывучаў.

Е. Р. Раманаў, таксама паўтараючы назву «велікаросы», падае цалкам агульныя звесткі аб стараабрадцах Віцебскай губерніі, аднак, спасылаючыся на артыкул князя В. М. Далгарукава ў «Віцебскіх губернскіх ведамасях» за 1890 г. фіксуе падазрэнні ў разбоях, рабаваннях і канкрадстве [13, с. 101].

К. Т. Анікіевіч таксама падае агульныя звесткі аб стараабрадцах, даўшы новае пра мадэлі і працэс стварэнне хутароў: «...Яны жывуць <...> калі-некалі асобна ў пасёлку ці пачынке, пабудаванай у свій час у лесе і якія маюць назву ад заснавальніка яго, якога-небудзь Думіна, Гарэлава г. д. ...» [1, с. 104–105].

У матэрыялах аб этнаграфіі Гродзенскай губерніі Е. Р. Раманаў падае былічку аб стараабрадцах – «Маскаль-касар» [11, с. 381]. У сучасным этнаграфічным палявым матэрыяле фіксуецца тэрмін «маскаль» як вядомы беларускі экзэтнонім, якім беларусы называлі рускіх стараабрадцаў поўначы Беларусі [5, с. 58–59].

Практычна ўсе даследчыкі звярталі таксама ўвагу на цыганскую меншасць, якая настолькі моцна адрознівалася сваім знешнім выглядам і качавым ладам, а таксама моцна адрознымі заняткамі, што актыўна ўвайшла ў беларускі традыцыйны фальклор у якасці класічнага «чужын-

ца», якой палохалі дзяцей, якія аццянялі нормы маралі. Постаць цыгана ўвайшла ў калядныя рытуалы, вясельны абрад і стала абавязковым элементом беларускай батлейкі.

М. Анімеле ў адной з самых ранніх прац аб традыцыйнай культуры беларусаў апісаў практыку сялян звартацца за варажбой да цыганак, якія за вялікую ўзнагароду і праз маніпуляванне падманваюць іх. Аднак аўтар падкрэсліваў, што з кожным годам такое легкаверства змяншаецца [2, с. 216–217].

Даволі часта ўзгадваў цыган у сваіх падарожных нататках П. М. Шпілеўскі, адным з першых пераказваючы наратыў аб цыганскім каралі ў Міры, яго выбарах і гісторыі іх з'яўлення на беларускіх землях [18, с. 70–73]. Падаючы гэтыя звесткі, ён фактычна паўтараў тэзісы вядомага польскага гісторыка XVIII ст. Т. Чацкага і віленскага даследчыка І. Даніловіча. П. М. Шпілеўскі апісаў іх знешні выгляд, асноўныя заняткі, аднак зрабіў гэта ў такім каланіяльным стылі, што складаецца ўражанне, што сам ён уласна з імі не кантактаваў, а калі і бачыў, то толькі здалёк: «Жывучы качавым ладам, яны падобны да дзікуноў» [18, с. 74].

А. Семянтоўскі падаў статыстычныя дадзеныя па Віцебскай губерні, налічыўшы 177 цыган, у асноўным пражываючых у Лепельскім і Гарадокскім уездах. Ён адзначае цікавы момант, звязаны з рэлігійнасцю цыган, фіксуе, што частка з іх мае каталіцкае веравызнанне [14, с. 58]. Таксама ён паўтараў існуючыя негатывыя этнічныя стэрэатыпы: «Як мужчыны, так і жанчыны гэтага племені, схільныя да вараўства, п'янства, а апошнія да распусты ў самых цынічных формах» [14, с. 58]. Дадае за Шпілеўскім агульныя веды пра заняткі цыган. Таксама ён звярнуў увагу на выкарыстанне паміж сабой цыганскай мовы, але і веданне рускай.

Ю. Ф. Крачкоўскі зафіксаваў казку пра цыган, у якой цыганка падманула беларуску і выставіла яе перад суседкай смешнай [10, с. 209].

А. Кіркор абмежаваўся невялічкай узгадкай: «па ладу жыцця і нормаў цыгане нічым не адрозніваюцца ад цыган у іншых мейсцах...» [8, с. 284].

А. Дэмбавецкі таксама і ў адносінах да цыган адрозніваецца фундаментальнасцю – 15 старонак рознабаковай і разнастайнай інфармацыі. Ён дае антрапалагічнае апісанне, расказвае пра рэлігійнасць, характарызуе жыллё, ежу і адзенне. Варта адзначыць адрозненні ў апісаннях цыган і іх адзення Шпілеўскага, напрыклад, які апісвае іх як нішчых

і абарванцаў, і Дэмбавецкага, што дае цалкам нармальны малюнак іх адзення. Пры апісанні комплекса ежы ён падаў інфармацыю аб ужыванні цыганамі падалі на падставе прынцыпу: «...паўшую жывёлу Бог забіў» [7, с. 680]. Аўтар таксама вельмі падрабязна патлумачыў алгарытм заняткаў цыган на простых жыццёвых гісторыях, чаго таксама не знайсці ў іншых этнографіях і краязнаўцаў [7, с. 683–691]. Таксама А. Дэмбавецкі апісаў абрады сямейнага цыкла – радзіны, выселле і пахаванне, чаго ў іншых не было.

П. В. Шэйн занатаваў некалькі казак і былічак пра цыган («Мужык, цыган і немец», «Цыган і поп», «Мужык і цыган», «Цыган і селянін», «Цыган і гаспадар»), у якіх у гумарыстычнай форме адлюстравана мадэль цыганскай хітрасці, якой трэба баяцца беларусу [19, с. 331–335].

Цікавы погляд на цыган прадэманстравалі Е. Р. Раманаў у аглядзе Віцебскай губерні. Ён лічыў немэтазгодным палітыку асаджэння цыган: «...натуральных качэўнікаў, перанёсшых 800 гадоў ганенняў, нельга адразу зрабіць земляробамі. Гісторыя паказвае нам, што пераход чалавека з адной стадыі развіцця да другой патрабуе працяглых перыядаў...» [13, с. 99]. Далей ён робіць яшчэ больш ліберальны погляд, які нават сёння не падзяляюць усе сучаснікі: «...у адносінах да гэтага народу мы неправыя. Цалкам не ведаючы і не імкнучыся зразумець гэтую нацыю, на падставе адзінкавых фактаў, мы вырашылі, што яны воры, ілгуны, прызвычаліся бачыць толькі дрэнныя іх бакі, ігнаруючы добрыя, і напрыканцы зусім адварнуліся ад гэтага, не без здольнасцяў племені. Зразумела, што яны плацяць нам той самай манетай...» [13, с. 99]. Аўтар лічыць, што народны строй цыган знікае, мова моцна русіфікавана (па яго падліках – на пяту частку).

К. Т. Анікіевіч, апісваючы цыган Сенненскага ўезда, таксама ўжо пазбаўлены этнічных стэрэатыпаў: «Пры барышніцтве цыгане праяўляюць выдатную знаходлівасць, калі-нікалі падманваюць, што аднак характэрна не толькі цыганам, а ўсім барышнікам...» [1, с. 103]. Аўтар падкрэслівае, што мясцовыя сяляне паблажліва адносяцца да цыган, прыгаварваючы: «Цыган не паган, толькі цела закапцела» [1, с. 103]. Ён адзначае, што адбывалася паступовая метысацыя цыган праз змешаныя шлюбы, а таксама знікала традыцыйнае адзенне.

У 1911 г. вядомы этнограф А. К. Сержпутоўскі ў зборніку казак беларусаў-палешукоў надрукаваў некалькі з іх пра цыган («Цыган», «Мужык і цыган»), у якіх беларусы таксама метка пакрэслівалі іх схільнасць да хітрыкаў [13, с. 99].

Яшчэ адной этнічнай меншасцю, якая прыцягвала да сябе ўвагу культурнай экзатычнасцю былі татары. У адрозненні ад яўрэяў і цыган, татары разглядаліся і апісваліся выключна ў пазітыўных танах.

Адным з першых даў іх апісанне ў сваіх падарожных нататках П. М. Шпілеўскі. Ён апісвае іх у Кобрыне, Клецку, Міры, Мінску. Заўсёды вызначае іх знешні выгляд, заняткі агародніцтвам (з неверагоднымі дасягнутымі ў гэтай сферы), апрацоўкай скур, гандлем, конегадоўлей. Шпілеўскі ўжо ў сярэдзіне XIX ст. адзначаў, што мужчыны, у адрозненні ад жанчын, страцілі нацыянальны касцюм [18, с. 45–48].

У Сыракомля ў апісаннях сваіх вандровак даволі падрабязна дае характарыстыкі татарам. У адной з яго работ знаходзіцца змястоўны гістарычны нарыс татар у перыяд ВКЛ і Рэчы Паспалітай [16, с. 436–444]. У іншай сваёй кнізе ён каратка перадае асноўную тэндэнцыю ў татар – культурнае і фізічнае прыстасаванне да беларускай культуры [17, с. 44]. А. Кіркор даў невялікі агляд татар у «Маляўнічай Расіі», пераказаўшы агульныя звесткі [8, с. 14–15].

Не меншую ўвагу заслужылі ў этнографіі і краязнаўцаў латышы і літоўцы. Адным з першых апісваў латышоў М. Анімелле. Ён указваў, што яны жывуць на поўначы і адрозніваюцца ад беларусаў як знешнім выглядам, так і мовай, заняткамі [2, с. 112–113].

М. Без-Карніловіч таксама каратка ўзгадвае латышоў, вылучае сярод іх больш развітых і цывілізаваных і лясных, якія яшчэ захавалі традыцыйны побыт [3, с. 263]. Ён не ўдакладняў канкрэтнае месца іх пражывання, абапіраючыся на агульныя словы – «каля Ліфляндскай граніцы».

У працы А. Семянтоўскага даволі вялікі раздзел быў прысвечаны літоўцам, латышам і эстам (эстонцам). Гістарычныя нарысы па вялікаму рахунку носяць фантастычны характар. Цікавыя думкі аўтара аб ментальнасці кожнай этнічнай групы: літоўцаў ён лічыць больш ваяўнічымі, латышоў – памяркоўнымі і больш разумнымі, а эстаў – упартымі [14, с. 29–30]. У раздзеле прыведзены фотаздымкі латыша і латышкі [14, с. 33; 45].

А. Кіркор прызнаўся, што вельмі цяжка вызначыць мяжу паміж беларусамі і літоўцамі. Аднак апісанне культурнай сваясаслівасці літоўцаў не зрабіў [8, с. 12–13]. Асобную адмысловую работу культуры латышоў прысвяціў Э. А. Вальтэр. Ён даў падрабязнае апісанне традыцыйнай культуры латышоў Віцебскай губерні [6].

Е. Р. Раманаў цікава падзяліў літоўцаў, эстаў (эстонцаў) і латышоў, разглядаючы першых дзвух як прышлыя народы, а апошніх – як

тыбульцаў. Прычым ніякіх аргументаў ён не падаў. Характарыстыкі літоўцам і эстам ён даў кароткія і вельмі агульныя. Латышы заслужылі большай увагі. Е. Р. Раманаў цікава заўважыў, што мова латышоў поўная славянізмаў і яе лёгка зразумець адукаванаму чалавеку [13, с. 104]. Шмат аб'ёму тэксту ён прысвяціў вызначэнню тэрыторыі пражывання латышоў, аднак, прыводзячы розных аўтараў, напісаў аб гэтым цяжка для разумення. Культуру латышоў амаль не закранаў, вызначаючы, што былі земляробамі, а жанчыны займаліся ткацтвам [13, с. 104].

Палякі этнографамі і краязнаўцамі амаль не закраналіся. Да канца XIX ст. гэта тэма мела палітычны характар. Аднак з канца 1870-х гг. пытанне пачало зноў ўздымацца. Асобны невялічкі раздзел прысвяціў палякам А. Семянтоўскі, аднак разумеў іх як апалячаных беларусаў, нават і сярод шляхты. У раздзеле ім пададзены фотаздымак М. Кусцінскага палякаў у карчме [14, с. 25].

Е. Р. Раманаў у нарысах Віцебскай губерні падкрэсліў, што «вызначэнне палякаў у губерні з'яўляецца балючым мейсцам» [13, с. 88]. Ён выказаў супраціў тэорыі аб вызначэнні палякаў праз каталіцтва ці польскую мову.

Таксама невялікая колькасць аўтараў звярнула ўвагу на немцаў на беларускіх землях. Некалькі слоў яны заслужылі ад Е. Р. Раманава, які звязаў іх распаўсюджанне з будаўніцтвам чыгунак і скупкай пасля паўстання 1863 г. канфіскаваных памесцяў [13, с. 96]. К. Т. Анікіевіч таксама падкрэсліваў познюю міграцыю немцаў на беларускія землі і лютэранскі характар іх рэлігіі [1, с. 104].

Такім чынам, можна зрабіць наступныя высновы. Спецыяльных прац, прысвечаных ці асобнай этнічнай меншасці ці ўсім разам беларуская этнаграфія ў XIX – пачатку XX ст. не дачакалася. Фактычна першымі спецыяльнымі працамі сталі работы З. Бядулі «Жыды на Беларусі» (1918 г.), Я. Гембіцкага «Да пытання аб сацыяльна-эканамічным стане беларускіх татар у сярэднявеччы» (1929 г.) і М. Пецюкевіча «Архаічныя (прымітыўныя) рысы ў народнай культуры стараабраднікаў Браслаўскага павета» (1938 г.).

Тым не менш, практычна ва ўсіх этнаграфічных працах, нават прысвечаных выключна фальклору беларусаў, сустракаюцца ўпаміны пра этнічныя меншасці. Гэта сведчыць і пра сталую ролю культуры этнічных меншасцей у культуры беларусаў, так і імкненні адлюстраваць беларускасць на фоне сваеасаблівасцей «чужынцаў».

Звяртае на сябе ўвагу таксама той факт, што працы з больш значнай доляй матэрыялаў пра этнічныя меншасці Беларусі прысвечаны канкрэтнай тэрыторыі (Семянтоўскага пра Віцебскую губерню і Дэмбавецкага пра Магілёўскую).

У працах XIX ст. з'явіліся і першыя малюнкi і фотаздымкі прадстаўнікоў этнічных меншасцей – рускіх стараабрадцаў, цыганоў, літоўцаў і латышоў («Яўрэй, прадавец дзічыны з г. Магілёва» і «Літоўская яўрэйская карчма» у Дэмбавецкага, «Латышы Дзінабургскага ўезда» і яшчэ два малюнка латышоў у А. Кіркора, фотаздымак М. Кусціцкага «Вялікарусы», «Палякі», «Латыш», «Латышская жанчына» у Семянтоўскага, фотаздымкі Веляціцкага «Група Лапатніцкіх цыган», «Сененскі яўрэй Айзік Славін», Ф. Галавача «Цыганская сям'я ў шатра» у К. Анікіевіча).

Асноўную ўвагу даследчыкі надалі рускім стараабрадцам, яўрэям, латышам, цыганам і татарам. Безумоўна, гэта звязана з відавочнымі адрозненнямі ад навакольнага мясцовага насельніцтва. Групы, ідэнтыфікацыя якіх была ўскладнена ці палітызавана, выклікалі значна меней увагі. Практычна не аналізаваліся палякі, літоўцы і украінцы.

Таксама варта ўказаць заўважнае паляпшэнне якасці матэрыялу аб этнічных меншасцях на рубяжы XIX – пачатку XX ст. Асобна неабходна вылучыць работу А. Дэмбавецкага, якая адрозніваецца ад іншых сваёй грунтоўнасцю і глыбінёй.

Варта таксама прыгадаць з'яўленне напрыканцы XIX ст. сярод беларускіх этнографічных прымардыялістскіх устаноў і разумення працэсуальнасці ў тэорыі этнічнасці, перадусім, у дачыненні палякаў і літоўцаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Аникиевич, К. Т.* Сенненский уездъ Могилевской губернии. Опытъ описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях / К. Т. Аникиевич. – Могилев: Могилевскій губернской статистическій комитетъ, 1907. – 149 с.

2. *Анимелле, Н.* Быт белорусских крестьян / Н. Анимелле // Этнографический сборник Имперского Русского географического общества. – СПб., 1854. – Вып. 2. – С. 111–268.

3. *Без-Корнилович, М. О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся / М. О. Без-Корнилович. – СПб.: Типография III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1855. – 355 с.

4. *Белова, О. В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О. В. Белова. – М.: Индрик, 2005. – 288 с.

5. *Внуковіч, Ю. І.* Паўсядзённая культура «старавераў» у беларуска-літоўска-латышскім памежжы (на падставе палявых этнаграфічных матэрыялаў) / Ю. І. Внуківіч, С. А. Захаркевіч // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Браслаўскія чытанні: (да 950-годдзя горада Браслава): зб. навук. арт. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – С. 157–166.

6. *Вольтер, Э. А.* Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии / Э. А. Вольтер // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. – Т. 15. – Вып. 1. – Спб., 1890. – Ч. 1.: Праздники и семейные песни латышей. – 385 с.

7. *Дембовецкий, А. С.* Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / А. С. Дембовецкий. – Кн. 1. – Могилев, 1882. – 784 с.

8. Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон., и быт. значении: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. Изд. 1882. – Минск: БелЭн, 1994. – 550 с.

9. *Захаркевіч, С. А.* Этнічныя вобразы Беларусі ў апісаннях афіцэраў Генштаба Расійскай імперыі ў 40-х – пачатку 50-х гг. XIX ст. / С. А. Захаркевіч // Историческое наследие Беларуси: выявление, сохранение и изучение. – Минск: БелНИИДАД, 2013. – Ч. 2 – С. 23–27.

10. *Крачковский, Ю. Ф.* Быт западного русского крестьянина / Ю. Ф. Крачковский // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1873. – Кн. 4. – 212 с.

11. Материалы по этнографии Гродненской губернии / под ред. Е. Р. Романа. – Вып. 2. – Вильна: изд. Упр. Виленского учебного округа, 1912. – 396 с.

12. *Романов, Е. Р.* Белорусский сборник. Выпуск восьмой. Быт белорусов / Е. Р. Романов. – Вильна, 1912. – 600 с.

13. *Романов, Е. Р.* Очерки Витебской губернии / Е. Р. Романов // Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. – Витебск: Губернская типография, 1898. – С. 40–308.

14. *Сементовский, А. М.* Этнографический обзор Витебской губернии / А. М. Сементовский. – СПб.: Типография М. Хана, 1872. – 69 с.

15. *Сержпутовский, А. К.* Сказки и рассказы белорусов-полешуков / А. К. Сержпутовский. – СПб.: Отд-ние русского языка и словесности Имп. АН, 1911. – 192 с.

16. *Сыракомля, У.* Вандроўкі па маіх былых ваколіцах: Успаміны, даследаванні гісторыі і звычаяў / У. Сыракомля; пер. з пол. мовы, прадам., камент. К. Цвіркі. – Мінск: Польша, 1992. – 159 с.

17. *Сыракомля, У.* Дарога з Вільні ў Ашмян / У. Сыракомля // Добрыя весці: паэзія, проза, крытыка / У. Сыракомля. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 526 с.

18. *Шпилевский П. М.* Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский; предисл., состав. С. А. Кузнецова. – 2-е изд. – Минск: Польша, 2004. – 251 с.

19. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края / П. В. Шейн. – Т. 2. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук 1893. – 716 с.

(Дата поступления: 28.11.2019).

Мастяница-Станкевич О.
Институт истории Литвы, Вильнюс

Mastianica-Stankevič O.
The Lithuanian Institute of History, Vilnius

УДК 821.172:316.346(091)(474.5)

**«В ЛИТВЕ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА ЛИТОВСКУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ» (1910 Г.)
КАК ИСТОЧНИК СМЕНЫ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**«IN LITHUANIA: A CRITICAL VIEW
OF THE LITHUANIAN INTELLIGENTSIA» (1910)
AS A SOURCE OF A CHANGE IN FEMALE IDENTITY**

В статье особое внимание уделяется анализу книги «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию» как источнику анализа смены женской идентичности.

Ключевые слова: литовская интеллигенция; идентичность; критика.

The article focuses on the analysis of the book «In Lithuania: A Critical Look at the Lithuanian Intellectuals» as a Source of Analysis of the Change in Female Identity

Keywords: Lithuanian intelligentsia; identity; criticism.

В национальном литовском дискурсе начала XX века уже сложилась совсем иная ситуация – женщин в визии будущего литовской нации видели не только (или не столько в роли) жены и матери¹, но воспринимали как партнера в общественной деятельности. Женщи-

---

¹ На протяжении XIX в. в национальном литовском дискурсе особое внимание уделялось проекту создания национальной семьи, в котором женщине отводилась особенная роль. Подробнее см. [10].

ны также получили возможность анализировать, интерпретировать и трансформировать существующие социальные нормы. В то время они уже могли диспонировать общественным языком. В 1910 году в Вильнюсе была издана книга «Lietuvoje: kritikos žvilgsnis į Lietuvos inteligentią» («В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию») [4], автором которого была София Кимантайте-Чюрлюнене (1886–1958), жена одного из самых известных литовских художников и композиторов². Издание этого текста, который является одним из первых такого рода произведений, направленных на критику самой интеллигенции, свидетельствует о смене женской идентичности – переходу от восприятия себя не только как женщины, но и как члена новой социальной группы.

Для самой Чюрлюнене этот текст – способ создать и пересоздать свою личностную идентичность. Она его пишет именно в тот момент, когда происходит смена ее ценностных установок. Чюрлюнене³ – одна из первых женщин, которая осознанно выбрала путь и готовилась стать профессиональной писательницей. В то время, когда вышла книга «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию», она вела активную журналистическую деятельность, участвовала в создании первых литовских культурных организаций, занималась организацией литовского театра в Вильнюсе. Чюрлюнене – одна из первых авторов учебника по литовской литературе, а в 1925–1933 гг. одна из немногих женщин, которая преподавала в университете Витольда Великого в Каунасе. Кроме того, Чюрлюнене – одна из первых и немногих женщин, которая в первом десятилетии XX века стремилась приобрести высшее университетское образование.

Фабула книги «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию». Книгу «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию» следует рассматривать с нескольких ракурсов – это пересмотр

---

² В 1909 году София Кимантайте вышла замуж за известного литовского художника и композитора Микалоюса Константинаса Чюрлениса (Mikalojus Konstantinas Čiurlionis, 1875–1911). Книгу «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию» Кимантайте-Чюрлюнене выдала вместе с мужем. Чюрленис сделал иллюстрацию для обложки книги и написал один из разделов книги, посвященный музыке.

³ В литовской историографии биографии Чюрлюнене посвящено немало работ [6–8].

общественных установок, анализ деятельности интеллигенции и людей искусства, и в то же время обобщение культурологических интересов самой Чюрлюнене. В то время она сама являлась и считала себя частью той социальной группы, о которой писала, уже руководствуясь приобретенным опытом. Эта книга для Чюрлюнене была особенно важна. Поэтому даже в своей автобиографии, которую она написала в 1958 году – незадолго до смерти, Чюрлюнене выделила именно книгу «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию»: «В то время я отдала дань своей склонности к общественной деятельности, когда писала критические заметки об обществе, так как мое сердце задевал снобизм литовской интеллигенции, ее отстранение от создаваемых начал» [3, с. 343].

Определяющей чертой литовской интеллигенции Чюрлюнене считала общественную деятельность. «Общество следует поднимать, воспитывать, обществу следует открывать глаза» [4, с. 9] – такую роль Чюрлюнене определяла для интеллигенции. В книге «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию» Чюрлюнене прежде всего представила свой обобщающий взгляд на интеллигенцию. В среде литовской интеллигенции она видела два типа. «Первый тип интеллигента», по ее мнению, «это серьезный, размышляющий, часто сомневающийся, но везде и всегда приходящий поздно. Обычно такой интеллигент имеет глубокие, но не особенные познания в науке и проявляет культурные чувства в личной жизни, но его неповоротливость убивает любую инициативу, и поэтому мы видим только серьезного и хорошего человека» [4, с. 13]. Другой тип интеллигента – «это горячий и быстрый интеллигент, любящий даже пустую славу, а особенно лозунги и шум, он особенно чувствителен на все новые идеи. Однако такой человек не понимает значимости того, что он говорит и не понимает значения слова «долг» [4, с. 13]. По мнению Чюрлюнене, для развития самой литовской интеллигенции и ее роли в обществе особенно важен промежуточный тип.

Во-вторых, в книге «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию» Чюрлюнене акцентировала, что интеллигенция особенно увлекается «буржуазным» стилем жизни и особенно его культивирует. Конечно, Чюрлюнене признавала, что «интеллигент может привыкнуть к некоторой чистоте и эстетике, требовать условий, которые помогают ему спокойно работать и иметь надобные условия, чтобы в свободную минутку перевести дух» [4, с. 14]. Однако такие требования не должны быть стилем его жизни. В третьих, Чюрлюнене была недовольна тем, что интеллигенция не занимается самообразованием. «Спросим, что читает

интеллигент, когда возвращается из суда, от больного, из бюро, и услышавшим, что многим незнакомы имена Ницше, Бодлера, Метерлинка тех, кто ищет человеку дать способы лучшей жизни. Интересны ли для интеллигента пути души человечества? Нет. Поэтому на общих собраниях литовские интеллигенты не могут один другому сказать что-то новое. Сложно услышать речь, в которой были возрождаемы новые ценности» [4, с. 14].

Следует отметить, что книга Чюрлюнене сразу же была замечена в литовской периодической печати. Правда, ее оценка была различной. Для одних была неприемлема сама критика интеллигенции. «В этой книге без каких либо оснований и доказательств ведется критика того, что теперь есть в Литве и у литовцев – и интеллигенция, и общество, и литература, искусство, музыка» [1, с. 19] – так рассуждал один из корреспондентов периодического издания «Lietuvos ūkininkas» («Крестьянин Литвы»). Габриеле Петкевичайте-Бите (Gabrielė Petkevičaitė-Bitė, 1861–1943) – в то время одна из ведущих литовских писательниц, активно участвовавшая в национальной общественной деятельности, задавала вопрос и себе, и Чюрлюнене: «а почему в нашем обществе а именно, среди интеллигенции, происходят такие явления» [12, с. 2]. Более того, Петкевичайте-Бите предлагала Чюрлюнене обратить внимание и вспомнить времена хотя бы 25-летней давности, а особенно деятельность литовской интеллигенции. «Ведь именно благодаря таковой деятельности интеллигенции», как утверждала Петкевичайте-Бите, «и появилась сама Чюрлюнене – литовка, настоящая, с чутким сердцем, талантливый человек» [12, с. 2]. В то время Антанас Сметона, литовский общественный деятель, а позднее президент Литовской независимой республики, писал о том, что Чюрлюнене увидела и подняла давно назревшие вопросы. «Имеют ли литовцы свое общество? Является ли литовская интеллигенция литовской, воспитывает ли она в себе литовский дух?» [13, с. 1]. По мнению, Сметоны эти вопросы Чюрлюнене смогла поднять, хотя но на них и не ответила. Но над этими вопросами должен задуматься каждый из интеллигентов, так утверждал Сметона, обращая внимание читателей периодического издания «Viltis» («Надежда») на новое в печати появившиеся издание.

Вопросы, которые Чюрлюнене подняла в 1910 году, она анализировала и в дальнейшем. Особое внимание она уделяла вопросу духовного воспитания литовской нации. Такое воспитание Чюрлюнене предлагала проводить в двух направлениях – воспитывать самоуважение литовцев, особое внимание уделяя выработке критического мыш-

ления. В брошюре «*Apie tautos auklėjimą*» («О воспитании нации»), которая вышла в свет в 1922 году, Чюрлюнене отдельно представила свое мнение. Кроме того, в упомянутой брошюре она снова вернулась к вопросу критики литовской интеллигенции. В 1922 году она констатировала, что даже в семьях литовских интеллигентов, где главенствующим являлся литовский язык, очень мало настоящей идейности и духовных начал. «В семье – он занят службой и общественной деятельностью, а она погружена в каждодневные обязанности, и не имеет ни желаний, ни понятия, как подняться выше вопросов убранства и питья» [5, с. 463]. Поэтому таковая интеллигентная семья, как утверждала Чюрлюнене, не дает теплых чувств молодому поколению, будущей интеллигенции. Чюрлюнене призывала семьи литовских интеллигентов «жить не физиологическими чувствами, а духовным контактом» [5, с. 464].

На полях книги «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию». Чюрлюнене также была одной из первых, которая отдельно подняла вопрос, о том, что значит быть женщиной-интеллигентом. В то время, когда Чюрлюнене написала книгу о критике интеллигенции, она лишь в общих чертах обратила внимание на роль женщины в формировании этой социальной группы. В том же 1910 году, когда вышла книга «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию», Чюрлюнене написала драматическое произведение под названием «*Ateities moteris*» («Женщина будущего»). Словами главной героини Йоганны, Чюрлюнене утверждала, что частью литовской интеллигенции может быть лишь женщина – независимый человек, который «решается кроме крови еще иметь мысль-душу» [2, с. 143]. «Хочу иметь действительную душу. В каждый час своей жизни хочу красивой, воодушевленной и достойной жизни. Пойми, хочу жизни, а не существования» – так утверждала Чюрлюнене, в 1910 году представляя свой идеал женщины, части литовской интеллигенции.

Однако лишь в 1934 году, спустя более двадцати лет после выхода драматического произведения «Женщина будущего», Чюрлюнене решилась отдельно написать свои мысли о том, что значит быть женщиной-интеллигентом или интеллигентной женщиной. «Как распознать такую женщину?» – публично задавала вопрос Чюрлюнене. И сама же отвечала: «живая интеллигентная жизнь, импульс общественной создаваемой жизни, а дом – гнездо эстетических впечатлений – вот отличительные черты интеллигентной женщины» [9, с. 580]. Кроме

того, Чюрлюнене акцентировала, что интеллигентная женщина обязана себя воспитывать. «Образование очень важно, но не учебники, не сданные экзамены не определяют интеллигентность. Следует так учиться, чтобы образование развивало, расширяло кругозор, помогало углубиться в жизненные явления» [9, с. 583]. Кроме самовоспитания Чюрлюнене особое внимание уделяла и самоконтролю. Она была уверена в том, что интеллигентная женщина обязана особое внимание уделять и физиологическому, и духовному самоконтролю. «Спокойствие, нежность, достойные мысли – это спутники творческой деятельности. Интеллигентная женщина должна осознавать, что это необходимо в ее жизни как воздух для легких» [9, с. 584]. Именно самоконтроль, по мнению Чюрлюнене, которая после ранней смерти мужа (в браке она прожила лишь три года) одна воспитывала дочь, позволяет и позволит интеллигентной женщине соединить мелкие каждодневные прозаические обязанности «с высшими требованиями». При помощи самоконтроля интеллигентной женщине удастся поддерживать дома примерный порядок и иметь достаточно свободного времени, а в то же время не отставать в интеллектуальном отношении и присоединяться к общественной деятельности.

Выводы. Чюрлюнене, а точнее ее книга «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию» позволяет фиксировать новые процессы в сфере самоидентификации женщин, которые активно влились в литовскую национальную общественную деятельность. Чюрлюнене, так же как другие литовские писательницы (например, Лаздину Пеледа⁴), уже воспринимала и вписывала себя не только в ряды литовских национальных писателей, имеющих право равноправно участвовать в формировании общественного мнения, но и считала себя частью национальной интелли-

---

⁴ Следует заметить, что в 1909 году литовская писательница Лаздину Пеледа (Lazdynų Pelėda, Sofija Ivanauskaitė-Pšibiliauskienė, 1867–1926) выпустила роман «Klaida» («Ошибка»). В этом романе Лаздину Пеледа не только высказала свое разочарование революционными событиями 1905 года, но и занялась критикой литовской интеллигенции. Лаздину Пеледа критиковала политическую разьединённость литовской интеллигенции, стремление завладеть властью, личные интриги, а особенно слабую связь интеллигенции с народом. Следует отметить, что Петкевичайте-Бите, которая также являлась одним из общественных критиков романа, заметила, что Лаздину Пеледа являлась одной из первых писательниц, внесших в литовскую художественную литературу тему литовской интеллигенции. Подробнее см. [10, с. 135].

генции. В начале XX века уже произошла смена самоидентичности этого круга женщин. В то время они не только декларировали свою принадлежность к числу литовской интеллигенции, но и решились, руководствуясь приобретенным опытом, говорить о внутренних проблемах самой интеллигенции как уже отдельной социальной группы.

Следует отметить, что таковая общественная роль женщин, а точнее Чюрлюнене, не была однозначно принята даже среди интеллигенции, которая в то время как раз активно занималась проблемами своей самоидентичности. Таковая позиция, а особенно высказываемая женщиной, в то время все еще была нова. Поэтому книгу «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию» одни воспринимали как новаторскую, затрагивающую насущные проблемы не только интеллигенции, но и всего общества. Другие – критику, высказанную Чюрлюнене, воспринимали как очернение интеллигенции, которая является достоянием литовской нации.

Для самой Чюрлюнене эта работа была толчком не только в дальнейшем поднимать проблему внутренней саморефлексии и самоконтроля интеллигенции, но и отдельно рассматривать вопрос, что значит быть женщиной интеллигентом. Чюрлюнене является примером расширяющейся и сужающейся самоидентичности. В первую очередь Чюрлюнене, также как и многие другие женщины, активные в литовской национальной деятельности, стремилась в общественном дискурсе доказать свою принадлежность к национальной интеллигенции, нередко принимая и роль ее критиков, а лишь затем поднимать и рассматривать специфический вопрос, что значит быть женщиной-интеллигентом. Таковой вопрос сама Чюрлюнене решила поднять и дать на него ответ только спустя более 20 лет после выпуска книги «В Литве: критический взгляд на литовскую интеллигенцию».

Список использованных источников

1. 1910-ji metai Lietuvoje // Lietuvos ūkininkas. – 1911. – nr. 2, sausio 13 (26) d. – P. 19.
2. Ateities moteris 1910 m. // Čiurlionienė-Kymantaitė, S. Raštai. Septintas tomas. Proza, poezija, dramos, kūriniių variantai ir fragmentai iš rankraštinio palikimo. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautisakos institutas, 2013.
3. Autobiografija // Sofija Čiurlionienė-Kymantaitė. Raštai. Trečias tomas. – Vilnius: Vaga, 1988.
4. Čiurlianienė (Kymantaitė), S. Lietuvoje (kritikos žvilgsnis į Lietuvos inteligentiją). – Vilniuje: Juozapo Zavadztkio spaustuvės išleidimas, 1910.

5. Čiurlionienė-Kymantaitė, S. Tautos auklėjimo mintys. Kultūros kritika, publicistika, viešos paskaitos, pokalbiai / S. Čiurlionienė-Kymantaitė. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2016.

6. *Daujotytė, V. Sofija / V. Daujotytė.* – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2018.

7. *Gaidauskienė, N. Sofija Kymantaitė-Čiurlionienė: modernėjančios savimonės bruožai / N. Gaidauskienė.* – Vilnius: Lietuvos kultūros tyrimų institutas, 2018.

8. *Karmalavičius, R. Sofija Čiurlionienė-Kymantaitė / R. Karmalavičius.* – Vilnius: Vaga, 1992.

9. Kultūringa moteris mūsų visuomenėje [1934 m.] // Čiurlionienė-Kymantaitė, S. Raštai. Ketvirtas tomas. Straipsniai. Studijos. Esė. – Vilnius: Vaga, 1998.

10. *Leinartė, D. Vedusiųjų visuomenė: santuoka ir skyrybos Lietuvoje XIX amžiuje – XX amžiaus pradžioje / D. Leinartė.* – Vilnius: Vaga, 1999.

11. *Pauliukevičiūtė, D. Lazdynų Pelėdos kūryba: melodraminio režimo problemos ir kontekstai / D. Pauliukevičiūtė.* – Daktaro disertacija. Humanitariniai mokslai. Filologija H004, 2019.

12. *Petkevičaitė-Bitė, G. Sofijos Čiurlionienės (Kymantaitės) «Lietuvoje» kritika / G. Petkevičaitė-Bitė // Lietuvos žinios.* – 1911. – nr. 2, sausio 6(19). – P. 2.

13. *Smetona, A. Naujoji knyga / A. Smetona // Viltis.* – 1910, liepos 18(31). – Nr. 81(416). – P. 1.

(Дата поступления: 26.11.2019).

Семергей Н. В.

Украинская медицинская стоматологическая академия, Полтава

Semerhei N.

Ukrainian Medical Stomatological Academy, Poltava

УДК 94(477)-1:316

**ПАРАДИГМА НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
VS КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНЫХ НАЦИЙ: ДИСКУССИИ
В НОВЕЙШЕЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

**PARADIGM OF NATIONAL REVIVAL VS CONCEPTION
OF MODERN NATIONS: DISCUSSIONS
OF THE UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY**

В XIX веке восточнославянские народы были вовлечены в процесс роста национального сознания, что позволяет историкам говорить о современном становлении наций. Относительно его природы и сущности ученые дискутируют

в пределах двух основных историографических парадигм. Первая – национальная историография, представители которой предлагают парадигму «национально-культурного возрождения». Историки национальной историографии, легитимизируя идею изначального существования нации, рассматривают украинское национально-культурное возрождение современной эпохи как один из ключевых этапов ее формирования. Представители модернизма понимают термин «украинское возрождение» как искусственный концепт, конструкт, проект, изобретенный пассионариями (интеллектуальной элитой) XIX века для обоснования основанного ими процесса создания нации. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в новейшей украинской исторической мысли процессы украинского национального возрождения и создания современной нации в большей степени рассматриваются в идейно-гносеологическом единстве.

Ключевые слова: новейшая историография; украинское национально-культурное возрождение; современная нация; национальная историографическая школа; современная историографическая школа; историографическая intersubjectность.

In the XIX th century the growth of national consciousness was increasing among the East Slavonians which enabled historians to talk about nation creation process. Scientists discuss about its origin and essence within two basic historiography paradigms. The first paradigm is national historiography, whose representatives propose a paradigm of «national and cultural revival». The representatives of national historiography, supporting the idea of primordial existence of the Ukrainian nation, examine Ukrainian national and cultural revival of the present as one of the key stages of nation creation process. The representatives of modernism examine a term «national revival» as artificial concept, construct, project invented by intellectual elite of the XIX th century for the explanation of the process of nation creation. At the same time it should be emphasized that in modern historiography Ukrainian national revival and nation creation processes are seen mostly as ideological and gnosiological unity.

Keywords: modern historiography; Ukrainian national and cultural revival; modern nation; national historiography school; modern historiography school; historiography intersubjectivity.

В истории европейских этнических процессов XIX век занимает особое место, ведь именно в этот период большая часть негосударственных народов активизируется в борьбе за получение национального статуса. Это вполне касается и восточнославянских народов, в частности украинцев, которые были вовлечены в процесс роста национального сознания, что позволяет историкам говорить о становлении и развитии современной нации. В тоже время ученые ведут дискуссию относительно направленности, содержания и характера таких изменений, которая определила появление двух историографических парадигм – парадиг-

мы украинского национального возрождения и современной концепции формирования украинской нации. Предмет дискуссии – идея древности или современности украинской нации, ее темпоральные и исторические характеристики.

Известно, что события, факты и явления украинской истории XIX – начала XX века в современной историографии рассматриваются в парадигме украинского национального возрождения, этос и характер которого детерминировали все сферы развития общества – политическую, социально-общественную, национально-этническую, экономическую, культурную, духовно-религиозную. В то же время степень развития указанных составляющих украинского ренессанса была разной, а на авансцену тогдашней истории вышло национально-культурное возрождение. Его диалектика состояла в том, что имея культурные и духовные акцентуации, украинское национальное движение постепенно приобретало не только политический характер и синергетическую самоорганизацию, но и становилось катализатором этнических процессов создания нации, обуславливало ментально-психологические изменения и развитие украинской идентичности. Поэтому вполне закономерным стал анализ современными историками украинского национального возрождения под призмой этнической проблематики, которая освещает место этнического и ментального в условиях, обстоятельствах, процессе и достижениях украинского современного ренессанса. Ученые, говоря о цивилизационном значении и исторической роли украинского национального движения, касаются вопросов развития украинской идентичности и украинского менталитета. Более того, сегодня в украинской историографии общепризнанным является тезис о том, что украинское возрождение было необходимой составляющей широкого европейского национального ренессанса.

Парадигма украинского национального возрождения была обоснована в национальной историографической школе. Ее представители – Я. Дашкевич, Я. Калакура, Я. Исаевич, В. Сарбей и другие – сформировали образ «спящей нации», которая появилась в древнее времена и возродилась благодаря духовно-культурному движению XIX века. Представители национальной историографии, легитимизируя идею изначального существования нации, рассматривают украинское национально-культурное возрождение современной эпохи как один из ключевых этапов ее формирования. Современный историк В. Сарбей пишет, что национально-освободительное движение определило распространение

национального самосознания, что катализировало процесс развития украинской нации [10, с. 26]. Соответствующая концепция построена на научных основаниях примордиализма, гносеология которого признает этничность и национальные признаки как объективную реальность, врожденную способность индивида идентифицировать себя с определенным этносом и этнической средой.

Идея национального возрождения предусматривает, что именно в XIX веке, несмотря на отсутствие у украинцев собственного государства, неблагоприятную национальную и культурную политику со стороны империй, они создают активное национально-культурное движение, которое находит свое проявление в развитии украинского языка и культуры, в единстве возрождения этнических, исторических, ментально-психологических, социальных, культурных, образовательных, духовно-религиозных, интеллектуальных, мемориальных и других составляющих образа нации.

В XIX веке, по мнению П.-Р. Магочия, национально-культурное возрождение и созданный им интеллигентский национализм в своем развитии прошел несколько стадий: эмпирическую, которая была представлена собиранием и изучением культурного наследия, лингвистических, фольклорных, литературных и исторических артефактов; организационную – институциализация культурных организаций, образовательных учреждений, издательство и распространение знаний о собранном культурном наследии; политическую – политизация национально-культурного возрождения, вовлечение культурных «будителей» в участие в общественно-политической жизни, эволюция культурных требований к политическим лозунгам автономизма и полной государственной самостоятельности [9, с. 344]. В то же время приоритет среди этих стадий был разный. Справедливым считаем замечание о том, что возрождение нации больше происходило именно в школьных классах, в редакциях газет, в высших учебных заведениях и кабинетах ученых, нежели на политических трибунах и коридорах власти [1, с. 321].

В парадигме национального возрождения период пребывания Украины в составе империй Романовых и Габсбургов в конце XVIII – начале XX века рассматривается как эпоха массового распространения национального сознания, оживления и подъема национального движения, развития всех отраслей культуры. Историческую логику национального возрождения очертил современный историк В. Кравченко, отметив, что украинское государство, которое всегда принадлежало

к европейским ценностям, стало жертвой империализма. Часть казачьей верхушки изменила родине и потеряла родной язык и национальные традиции. В условиях колониальной и репрессивной политики, выкачивания экономических и человеческих ресурсов, подавления местных национальных потребностей на авансцену вышли национально сознательные патриоты, в основном – интеллигенция, которые начали настойчиво бороться за возрождение украинской культуры, прежде всего исторической памяти, языка и фольклора [8, с. 394].

Существенным аргументом в пользу концепции национального возрождения считается его непосредственное содержание – деятели культуры возрождали уже существовавший украинский культурный продукт. Если сфера национальной идентичности украинцев еще требовала обогащения, то ее первичная основа – украинский фольклор и народная культура объективно или значительные исторические традиции – были на стадии высшего расцвета. Создатели украинского возрождения, увлекшись идеями европейского романтизма, манифестировали украинскую народную культуру, собирали, систематизировали и популяризировали народную песню, анализировали историю украинского народа, восхищались и сочувствовали трагическим страницам украинского прошлого. И. Колесник, анализируя логику развития национально-культурного возрождения отмечала: «... сначала этот интерес имел чисто антикварный характер и ограничивался созданием словариков интересных украинских слов, идиом, которые впоследствии превратились в словари исторических реалий. Любовь к языку была естественной составляющей локального патриотизма левобережного дворянства. Восхищение украинской народной песней под воздействием западноевропейского романтизма стало неисчерпаемым источником романтических идей и настроений образованного украинства, научных исследований украинских филологов, этнографов, историков» [7, с. 222]. Из популяризации фольклора и изучения устного народного творчества логичным был подъем на новый уровень украинской литературы, развитие украинского языка, а также зарождение украинской периодики. Все это стало необходимыми атрибутами национального ренессанса в период империй. Интерес к языку пронзил все сферы культурной, гражданской, политической и религиозной жизни украинского народа. Эпоха национального возрождения стала эпохой развития не только современного украинского языка, но и образования, метода просветительской работы. Кроме того, становление и развитие националь-

ного театра, живописи, музыкального и хореографического искусств стали не менее важными составляющими, условиями и результатами украинского национально-культурного возрождения второй половины XIX – начала XX века.

Значительных научных усилий для понимания украинского национального возрождения как этапа создания нации приложили историки Я. Исаевич и Я. Дашкевич. Ученые обращали внимание на то, что свидетельством роста национального сознания украинского народа стала политизация национального возрождения в конце XIX века. По мнению Я. Исаевича, в «большом возрождении» (конец XVIII – начало XX века) следует выделять несколько отличных между собой меньших «возрождений». Именно в последнем из них (середина XIX – начало XX века) происходит переход к целенаправленной деятельности по строительству нации, свидетельством чего стало формирование политических манифестов и проектов, обществ и ассоциаций на национальной основе [4, с. 138].

В новейшей историографии украинское национально-культурное возрождение рассматривается как внутренне противоречивый, сложный, отчасти самоорганизованный процесс. Его источниками были те силы, которые историческая наука называет «движение снизу». Диалектика национального возрождения оказалась в степени вклада в его развитие интеллигенции и большинства населения «крестьянской» нации, в сосуществовании «малороссийской» и «великороссийской», а также «русской», а в Галиции – «русинской» мировоззренческих парадигм, в конструктивности его результатов для украинской и деструктивности для других наций. Концепт «национально-культурное возрождение» имеет глубокий методолого-философский потенциал, ведь точно и концептуально отражает сущность украинского исторического процесса, пронизанного диалектикой минорности и мажорности, национально-государственного подъема и культурно-исторических и ментально-этнических травм.

По-иному рассматривают украинское измерение XIX века представители модернизма, источником методологических ориентаций которых стала западная историографическая парадигма. Это Я. Грицак, В. Кравченко, Р. Шпорлюк и другие [3; 8; 11]. Ученые, дискурс которых базируются на принципах конструктивизма, рассматривают термин «украинское возрождение» как искусственный концепт, конструкт, проект, изобретенный пассионариями (интеллектуальной элитой) XIX века для обоснования основанного ими процесса создания нации (модернизм).

В украинской исторической науке основателем современной концепции украинского XIX века считается Я. Грицак. По мнению ученого, украинский XIX век был не национальным возрождением, а периодом создания нового – преобразования сельского народа в современную нацию. А национальное возрождение было конструктом, который необходим для создания нации [3, с. 53]. Такой исторический дискурс вполне соответствует гносеологии этнической концепции конструктивизма, которая рассматривает нацию как умозрительную конструкцию, воображаемую общность. Я. Грицак писал: «Национальное возрождение было процессом созданием нации. Национальные “будители” редко когда думали о том, что на самом деле они не возрождают “старую” нацию, а создают новую. Старые нации, как правило, отождествлялись с элитой, или так называемым репрезентативным классом. Новые нации имели широкую социальную основу и должны были включать все слои общества и классы местного населения» [3, с. 53].

Значительную эвристическую ценность для конструктивистского понимания украинской нации в имперский период составляет предложенная В. Венгерской классификация «украинских проектов». Ученая выделила: «малороссийский» (ориентация на сохранение этнической и культурной специфики в пределах Российской империи, пребывание украинцев в мире культурного доминирования русской культуры, имперско-династийная лояльность, общерусское единство); «старорусинский» (возврат западноукраинских русофилов в цивилизационные устои «святой Руси», ориентация на традиционализм и патриархальность; «автономистский» (согласие на культурно-национальную и политическую автономию в пределах реформированной империи, построенной на принципах федерализма, ориентация на консервативно-либеральные и социалистические идеи); «самостоятельный» (популяризация и защита идей государственной независимости Украины, их историческое и научно-философское обоснование) [2, с. 6]. Соответствующие выводы усиливают методологические позиции современной концепции украинского XIX века, легитимизируют представления о том, что национальное возрождение было процессом создания и попыткой воплощения в жизнь концепции украинской нации.

В духе конструктивизма рассматривает процессы национального возрождения имперской эпохи украинский теоретик наций и национа-

лизма Г. Касьянов. Историк утверждал, что для начала процесса национального возрождения, который по своей сути был временем создания нации, исключительное значение имел субъективный фактор. «Нация – отмечал ученый, – должна была возникнуть сначала в воображении деятелей национального возрождения как умозрительная конструкция, и только потом это действительно «воображаемое» сообщество, этот проект были связаны в единое целое, согласованные с «объективными» социально-политическими, культурными, геополитическими и другими реалиями». При этом, ученый считал, что процесс развития украинского национального сознания проходил в форме вертикальных связей, то есть интеллектуальная элита создавала и обогащала идеи национального возрождения, которые «будители» распространяли среди широких слоев населения. Более того, горизонтальное измерение нации определялось неодинаковыми условиями, а затем и разной динамикой национального движения на украинских землях Австро-Венгерской и Российской империй [6, с. 311].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в новейшей украинской исторической мысли процессы украинского национального возрождения и создания современной нации в большей степени рассматриваются в идейно-гносеологическом единстве. Современные ученые считают, что не стоит противопоставлять классические (примордиализм) и неклассические (конструктивизм, инструментализм) концепции этничности в процессе рассмотрения украинского XIX века. Известно, что народность есть продукт Средневековья, ее характеризуют такие признаки, как общность языка, территории, хозяйства и культуры, а также наличие общей ментальности и этнического самосознания. В последующие столетия эти признаки кристаллизуются и становятся более определенными, наполняются качественным содержанием [5, с. 283–284].

Несмотря на историографическую дискуссию о природе национально-культурного возрождения, историки солидаризируются в том, что именно его идейные и духовно-культурные интенции сыграли ключевую роль в победе украинской нации: или как нового «украинского проекта», или как возрождение «старой нации». Такая историографическая интересубъектность составляет важное методологическое, мировоззренческое и государственное значение как в контексте исторической памяти, так и для научного обоснования современного процесса создания политической (гражданской) нации и построения

национального государства. Подавляющее большинство украинских историков убеждено, что в процессе нациогенезиса примордиализм и конструктивизм являются не антиподами, а скорее этапами становления и развития украинской нации. Национально-культурное возрождение стало определяющим фактором активизации процессов формирования нации и ментальных трансформаций украинской идентичности.

Список использованных источников

1. Бондар, В. Сучасна історіографія націєтворення в Україні 1990–2000-х років. Український історіографічний збірник / В. Бондар. – 2012. – Вип. 5. – С. 317–330.
2. Венгерська, В. О. «Українські проекти» та націєтворення в імперія Романових та Габсбургів : ідеї, концепції, практики (кінець XVIII – початок XX століття): автореф. дис. ... д-ра іст. н.: 07.00.01 – історія України / В. О. Венгерська. – Київ, 2013. – 45 с.
3. Грицак, Я. Нариси історії України : формування модерної української нації XIX–XX століття : навч. посіб. / Я. Грицак. – Київ: Генеза, 1996. – 360 с.
4. Ісаєвич, Я. Наші три відродження – не лише здобутки, а й втрати / Я. Ісаєвич. – Сучасність. – 1998. – № 12 (452), грудень. – С. 136–143.
5. Калакура, Я. С. Ментальний вимір української цивілізації / Я. С. Калакура, О. О. Рафальський, М. Ф. Юрій. – Київ: Генеза, 2017. – 560 с.
6. Касьянов, Г. Теорії нації та націоналізму / Г. Касьянов. – Київ: Либідь, 1999. – 352 с.
7. Колесник, І. І. Українська історіографія (XVIII – початок XX століття) / І. І. Колесник. – Київ: Генеза, 2000. – 256 с.
8. Кравченко, В. Україна, Імперія, Росія. Вибрані статті з модерної історії та історіографії / В. Кравченко. – Київ: Критика, 2011. – 544 с.
9. Магочій, П.-Р. Україна. Історія її земель та народів / пер. з англ.: Е. Гийдель, С. Грачова, Н. Кушко, О. Сидорчук; ред. укр. вид. Л. Ільченко; відп. ред. В. Падяк. – Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2012. – 794 с.
10. Сарбей, В. Г. Національне відродження України. Україна крізь віки: у 15 т. / за заг. ред. В. Смолія; НАН України, Ін-т археології, Ін-т історії України. – Київ: Альтернативи, 1996. – Т. 9. – 336 с.
11. Шпорлюк, Р. Формування модерних націй: Україна – Росія – Польща / пер. з англ. Г. Касьянова, М. Климчука, М. Рябчука, Я. Стріхи, Дз. Матіяш, Х. Чусаак. – Київ: Дух і Літера, 2013. – 552 с.

(Дата поступления: 26.11.2019).

Тихонова А. В.

Смоленский государственный университет, Смоленск

Tikhonova A.

Smolensk State University, Smolensk

УДК 94(476)-054.6 «1820/1839»

**ИНОСТРАНЦЫ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ
В 1820–1830-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛОВОЙ
ПЕРЕПИСКИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА)**

**FOREIGNERS IN BELARUSIAN PROVINCES
IN THE 1820–1830-es. (BY MATERIAL OF THE BUSINESS
CORRESPONDENCE OF THE GOVERNOR-GENERAL)**

Статья основана, главным образом, на документах фонда канцелярии генерал-губернатора из Национального исторического архива Беларуси в г. Минске. Генерал-губернаторство включало в себя белорусские губернии – Могилевскую и Витебскую, а также Калужскую (с 1823 по 1831 г.) и Смоленскую (с 1823 по 1856 г.) губернии. Фонд содержит разнообразную деловую переписку, в том числе посвященную иностранным подданным, которые проживали на подведомственной территории. Автор классифицирует их по тематике и приводит конкретные примеры по каждой из групп. Дополненные документами региональных архивов материалы канцелярии генерал-губернатора из НИАБ содержат ценные сведения по истории повседневности, связанной с пребыванием иностранцев на территории белорусских губерний.

Ключевые слова: иностранцы; белорусские губернии; 1820–1830-е гг., генерал-губернатор; генерал-губернаторство.

The article is mainly based on documents from the fund of the Office of the Governor General from the National Historical Archive of Belarus in Minsk. The Governor-General included the Belarusian provinces – Mogilev and Vitebsk, as well as Kaluga (from 1823 to 1831) and Smolensk (from 1823 to 1856) provinces. The fund contains a variety of business correspondence about the foreign nationals who lived in this territory. The author makes a thematic classification and gives specific examples for each of the groups. The materials of the Office of the Governor General of the NIAB, supplemented by documents from the regional archives, contain valuable information on the daily history of foreigners in the territory of Belarusian provinces.

Key words: foreigners; Belarusian provinces; 1820–1830s, Governor-General; Governorate General.

Идея учреждения генерал-губернаторств, как известно, приобрела форму проекта в 1816 г., а с 1819 г. план постепенно стал претворяться в жизнь. В состав губерний Белорусского округа планировалось включить восточнобелорусские губернии (Витебскую и Могилевскую) и русские губернии (Калужскую и Смоленскую), с центром в Витебске [1, с. 71]. В 1823 г. задуманное было реализовано. Витебским, могилевским, смоленским и калужским генерал-губернатором был назначен князь Н. Н. Хованский. Боевой генерал, участник всех военных компаний первой четверти XIX в. он занимал этот пост 13 лет. С 1831 г., когда из состава генерал-губернаторства вышла Калужская губерния, должность Н. Н. Хованского (с 1828 г. генерала от инфантерии) стала именоваться генерал-губернатор Смоленской и Белорусских губерний [9, с. 193–196].

Одними из главных причин введения института генерал-губернаторства исследователи считают стремление усилить власть монарха и способствовать обеспечению внутренней и внешней безопасности страны [7, с. 151, 154]. В связи с этим, генерал-губернатор должен был уделять пристальное внимание вопросам надзора за иностранцами, находившимися на подведомственной ему территории. Князь Н. Н. Хованский проявил себя как деятельный администратор, потому архивные материалы, связанные с иностранными подданными, относятся в основном к периоду его правления. Последний хронологически захватывает конец александровского царствования и начало правления Николая I.

Фонд канцелярии генерал-губернатора, находящийся в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Минске, содержит разнообразную деловую переписку, посвященную иностранцам. Документы о них можно классифицировать по тематике: о въезде, выезде, службе, тяжбах с представителями местного населения. Фонды канцелярий губернаторов, сохранившиеся в региональных архивах, позволяют судить об эффективности совместной работы.

Белорусские губернии служили своего рода транзитом внутри территории Российской империи. Именно такой путь выбирали те европейцы, которые пересекали границы империи в Царстве Польском, Лифляндской или Курляндской губерниях. Приезжая в Россию, необходимо было получить от губернатора вид на проезд по территории империи, затем, продвигаясь вглубь страны, испрашивать очередные виды на проезд. В случае же длительного пребывания

ния иностранец обязан был выхлопотать годовой паспорт (билет) на проживание и в дальнейшем его обновлять. Национальные паспорта иностранцев хранились в III Отделении Собственной его императорского величества канцелярии. Генерал-губернаторы и губернаторы обязательно сносились с ним по вопросам надзора за иностранцами [32].

Ярким примером таких контактов может послужить своеобразный «детектив», который в 1828 г. генерал-губернатор князь Н. Н. Хованский вынужден был распутывать совместно с несколькими губернаторами и III Отделением. 8 сентября 1828 г. главнокомандующий в С. Петербурге и Кронштадте генерал П. А. Толстой сообщил Н. Н. Хованскому, что в августе 1828 г. в Рязанскую губернию приехал сардинский подданный, отставной капитан французских войск Игнатий Вестфаль. Целью своего приезда иностранец объявил отыскание «якобы прикащика своего, некоего Флорентини, с драгоценными, ему принадлежащими вещами в Россию скрывающегося» [21, л. 1]. Предъявив билет на проезд, выданный ему могилевским гражданским губернатором, иностранец заявил местному начальству, что лично знаком с генерал-губернатором Хованским и всегда пользовался его особым покровительством [21, л. 1]. Однако по делам III Отделения выяснилось, что Вестфаль с женой Розалией в феврале 1828 г. проезжали через Витебск, имея билет на проезд от симбирского гражданского губернатора. В свою очередь, витебский губернатор выдал им билет на дальнейшее следование в Киев [21, л. 2–2 об.].

Генерал-губернатор Н. Н. Хованский никогда не видел Вестфалья и, возможно, не узнал бы о его существовании, если бы не этот запрос. Князь потребовал от витебского гражданского губернатора отчета о выдаче билета супружеской паре Вестфальям. Губернатор сообщил, что, выписывая иностранцу с женой билет на проезд, в губернской канцелярии сделали копию с симбирского билета Вестфалья от 8 августа 1827 г. В документе было указано, что Игнатий Вестфаль, сардинский подданный, уроженец Александрии, отставной французской службы капитан прибыл в Россию 22 января 1826 г. вместе с женой Розалией, урожденной Шади. В Симбирск иностранец с супругой приехал из Воронежа, предъявив при этом билет от тамошнего губернатора. В документе содержалось описание примет Игнатия Вестфалья: «от роду 52 года. Рост средний. Волосы, брови русые. Глаза серые. Нос,

рот средние. Подбородок обыкновенный. Лицо овальное с краснотою. Особые приметы: не имеет» [21, л. 6]. Н. Н. Хованский проинформировал обо всем П. А. Толстого, подчеркнув, что никогда не был знаком с Вестфалем.

Вскоре Н. Н. Хованский получил отношение от витебского гражданского губернатора под грифом «Секретно». Тот сообщал своему начальнику о том, что 3 ноября 1828 г. ему явилась иностранка Розалия Вестфаль, урожденная Шауден. Она предъявила билет правителя Белостокской области, выданный ей 24 декабря 1827 г., и объяснила, что едет в Оренбург к родственникам. На вопрос о том, «где она оставила мужа, но она к удивлению отвечала, что прошло тому более года, как он умер в Данцинге. Взяв из сего подозрение, что тут кроется какая либо тайна», губернатор вынужден был иностранку «задержать под присмотром». Она была допрошена в местной полиции, где рассказала, «что отец ее имел жительство в городе Оренбурге, где она до сего за десять лет вышла замуж за Иосифа Иванова Вестфалья французской службы капитана и уехала с ним в Данцинг, там прожили 8 лет и в продолжение сего времени муж ее умер, по смерти его она прожила еще два года и получив от российского Консула по представленным ему о муже ее бумагам паспорт, отправилась в Россию; прежде сего никогда она в Витебске не была, и того иностранца, который под именем ее мужа находился в нынешнем году в Витебске вовсе не знает» [21, л. 11–11 об.]. Надеясь, что Игнатий Вестфаль еще не покинул Рязань, витебский губернатор без промедления написал своему рязанскому коллеге «для поспешнейшего распоряжения об открытии в сем деле истины», а также велел сохранять «присмотр» за иностранкой.

22 декабря 1828 г. витебский губернатор уведомил Хованского о решении дела. Игнатий Вестфаль был взят под стражу в Рязани [21, л. 13–13 об.]. Глава III Отделения, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, «признавая его бродягою, вкравшимся в Россию с неблагонамеренными предположениями» [21, л. 14] включил его в список иностранцев, высылаемых из России. 24 ноября 1828 г. иностранный подданный был доставлен в Вильну «за присмотром одного из полицейских офицеров» для последующего выдворения за пределы страны [21, л. 14 об.]. С Розалии Вестфаль, которая, как выяснилось, «никогда не находилась ни в малейшем сношении с высылаемым за границу иностранцем Вестфалем», подозрения были сняты, и она получила возможность продолжать свой путь в Оренбургскую губернию [21, л. 15].

Несмотря на то, что события Отечественной войны 1812 года остались в прошлом, генерал-губернатору приходилось неоднократно касаться вопросов, связанных с иностранными военнопленными, которые не смогли покинуть Россию. Главными причинами были: ранение и необходимость длительного лечения, отказ от прежде принятого российского подданства и желание вернуться на родину, а также малолетство детей, оказавшихся в сопровождении наполеоновской армии.

Иностранцы, в 1812 г. оказавшиеся малолетними сиротами, могли рассчитывать на милосердие россиян. В мае 1828 г. к смоленскому гражданскому губернатору И.С. Храповицкому обратился француз Жан Вейер, который просил выдать ему годовой вид на жительство, «в продолжении коего времени я мог бы приобрести себе необходимо нужное к достижению моего отечества трудами рук моих состояния» [3, л. 2 об.]. В возрасте пяти лет Жан попал в плен в местечке Ляды, его мать и отец (маркитант 84-го пехотного полка французских войск Батист Вейер) были убиты. В местечке Дубровно Могилевской губернии мальчик («для излечения и воспитания») был отдан командиром лейб-гвардии Его Величества кирасирского полка Будбергом доктору медицины Егору Цекерту [3, л. 1]. В 1822 г. Жан Вейер был определен Цекертом к иностранцу, каретных дел мастеру Даниле Графу в Смоленск, где, окончив обучение, возможно было «снискать себе... пропитание в России» [3, л. 1 об.]. Е. Цекерт подтвердил истинность показаний воспитанника своим аттестатом [3, л. 3], 22-летний Жан желал в течение года заработать средства, чтобы осуществить «непременное намерение возвратиться в свое отечество» [3, л. 2]. Он получил годовой вид на жительство в Смоленской губернии [3, л. 10, 11]. По обращению гражданского губернатора И. С. Храповицкого к генерал-губернатору князю Н. Н. Хованскому были предприняты попытки навести справки о родственниках Вейера за границей, однако они не дали результата [3, л. 13–13 об.; 22, л. 9 об.]. Дальнейшая судьба этого иностранца неизвестна: остался ли он в России, приняв здесь подданство, или сумел выехать на родину.

Удалось проследить историю детей-иностранцев из итальянского семейства Фанти. 28 ноября 1832 г. могилевский гражданский губернатор А. И. Баженов проинформировал генерал-губернатора Н. Н. Хованского о том, что из представления Бабиновичского уездного предводителя стало известно о проживании «у помещиков

Ивана и жены его Катерины Богомольцов» итальянца из провинции Бононии Людвиг Фанти. В 1812 г., «когда французские войска от г. Смоленска рейтеровались, то по убитии отца его служившаго в итальянском конном полку в чине капитана, остался он <ребенок> в малолетстве». Мальчика приютила дворянская семья, где иностранец «получил и приличное воспитание». Теперь, когда пришло время «избирать род жизни», помещики просили «о учинении сношений с Итальянским Правительством о доставлении о происхождении иностранца Фанти сведения и документов» [25, л. 1–2 об.]. Генерал-губернатор сумел выяснить, что «Людвиг Фанти родился в Болонии 13 Апреля 1803 года от Серафима и Аннунциаты Фанти урожденной Роппа, которая последовав за мужем своим в Россию и не дав с тех пор о себе никакого известия, считалась умершею. Из родословных же книг оказалось, что Серафим Фанти не был дворянского происхождения и не имел никакого титула, исключая (буде сие дает ему право дворянства) капитанского чина, который заслужил он в военной службе» [25, л. 5 об.].

Любопытно, что после событий 1812 г. семья смоленского губернатора барона К. И. Аша взяла на воспитание девочку-младенца, мать которой умерла при родах, а отец-итальянец из Болоньи, майор Фанте(и) погиб в бою под Смоленском. Приемная дочь-итальянка жила у сестры жены барона К. И. Аша – Екатерины Андреевны Глинкиной. Из расписки последней известно, что она взяла малышку из госпиталя и дала ей фамилию Саксонова. При крещении 1819 г. она была записана Марией Павловной (по имени крестного). В дальнейшем итальянка вышла замуж за Г. И. Добрынкина, служившего управляющим имениями смоленского помещика Р. Ф. Генгросса. Первенец молодоженов – Николай Гаврилович Добрынкин (1835–1902) впоследствии стал известным муромским краеведом [34; 6, л. 7].

Есть основания предполагать, что Людвиг Серафим Фанти и Мария Павловна Добрынкина – брат и сестра. В своих воспоминаниях Н. Г. Добрынкин упоминал: «Мать говорила, что у нее впоследствии времени отыскался родной брат, который был семи лет в разгром 1812 года, найден был в лесу и воспитывался у помещика Витебской губернии, кажется, Ромельдова. Брат матери отыскивал в Италии родословную и оказался дворянином г. Болоньи. Он проживал в Витебской губернии, арендуя помещичьи имения». Являясь российским подданным, был «крещен католиком, так как воспитывался в Поль-

ском семействе» [6, л. 7]. Несмотря на неточности, типичные для мемуарной литературы, основные события переданы верно: воспитание у дворян Витебской губернии, попытки доказать свое дворянское происхождение.

В канцелярии генерал-губернатора князя Н.Н. Хованского сохранились документы, связанные с подготовкой выезда из России бывших военнопленных, в числе которых был француз Александр Делятр или Делатр (Alexandre Delattre) [28, л. 1–2; 5, л. 235, 249]. Этот иностранец родился в Камбре в 1792 г. и служил «во время войны 1812 года сержантом в 48 пехотном полку в корпусе маршала Нея», был взят в плен при Орше [4, л. 590–591]. 5 декабря 1813 г. француз вступил в российское подданство, принеся присягу в Витебском губернском правлении [8, с. 97]. Поселившись в Смоленске, иностранец вступил в мещанство (по решению Смоленской городской думы от 29 мая 1814 г.) [2, с. 118]. В течение 10 лет после этого он мог пользоваться освобождением от податей, согласно российскому законодательству. Однако спустя 8 лет – 6 ноября 1822 г. – Александр Делятр, по собственному желанию, получил свидетельство об увольнении из мещанства для поступления на государственную службу и до следующей ревизии должен был уплатить для выхода из мещанского сословия 17 руб. 14 ½ коп. [2, с. 118]. В 1831 г., когда иностранец подал прошение на имя смоленского губернатора о возвращении домой, он являлся учителем французского языка [4, л. 590–591]. Необходимость оставаться длительное время в России Александр Делятр объяснил болезнью, а теперь желал воспользоваться правом вернуться домой (что разрешалось, несмотря на вступление в российское подданство). На улаживание всех формальностей ушел год. Смоленская городская дума 26 февраля 1832 г. исключила иностранца из мещан, простив долг: дума выполнила тем самым предписание губернатора, «уважив <...> желание [иностранца] «возвратиться в свое Отечество»» [2, с. 118]. В июне 1832 г. Александр Делятр получил заграничный паспорт у смоленского, витебского и моголевского генерал-губернатора князя Н. Н. Хованского [5, л. 235, 249] и вместе с женой, прусской подданной Катериной Карловой Генш [28, л. 1–2] отправился «в Камбру без возврата», избрав путь «через губернии Витебскую, Псковскую и Новгородскую до С. Петербурга и оттуда...водою» [28, л. 6].

Насколько большой поток иностранцев проходил через белорусские губернии в Российскую империю, можно судить, по данным кан-

целярии генерал-губернатора, зафиксировавшей в 1829–1831 гг. только в Витебской губернии факт выдачи листков с правилами при выдаче внутренних билетов 145 иностранным подданным (без учета членов семьи). Среди них были австрийцы, поляки, испанцы, датчане, шведы, прусаки, вюртембергцы, саксонцы, швейцарцы и др. [26, л. 4–8 об.]. В «Ведомости о израсходовании листков правил коими снабжаются иностранцы при выдаче им внутренних билетов и сборе за оные с показанных в оной лиц установленных пошлин за 1829й 1830й и 1831-й годы», поступившей генерал-губернатору от Витебского гражданского губернатора указывались не только имена иноземцев, их национальная принадлежность, но часто и профессия. На примере швейцарцев можно констатировать, что в их числе были: гувернантка Софья Котье, пекарь Христиан Шитц, мельничных дел подмастерье Иоган Николаус Герольд, ткач Миллер, кондитеры Бартолмеус Антиени и Ульрих Риц-Апорт, сыроделы Яков Кубли, Габриель Спелти (Шпельти), Фридрих Лейтцингер. За листок с правилами каждый иностранец обязан был заплатить 25 копеек. Таким образом, Витебский гражданский губернатор отчитался в ведомости о том, что «выручено денег тридцать шесть рублей двадцать пять копеек» [26, л. 8 об.]. Из ведомости его могилевского коллеги известно, что в первое полугодие 1832 г. через его губернию проследовало 30 иностранцев и получено, соответственно, 7 рублей 50 копеек [26, л. 13]. В числе прибывших было четверо швейцарцев, но только у одного – Феликса Вебера – указана профессия («сырный мастер») [26, л. 14 об.].

Как явствует из документов, многие из иностранных подданных были ремесленниками, находившими себе применение в дворянских усадьбах. Из разбора жалоб, поступивших на рассмотрение генерал-губернатору, интерес представляет расследование по делу 1832 г. – о «причинении побоев мекленбургскому уроженцу» Иоганну Кристиану Гаазе. В своем прошении на имя Н. Н. Хованского иностранец указывал, что проживал в имении Люцинского уезда, которое принадлежало помещику Николаю Карницкому. Гаазе уже имел многолетний опыт жизни в Российской империи (с 1816 г.) и зарабатывал вместе с 27-летним сыном «пропитание от устройства ...мельниц у разных помещиков» [24, л. 1]. Иностранец подчеркивал, что имеет «весьма лестные и одобрительные себе Аттестаты касательно трудолюбия, честности и совершенной во всем аккуратности» и при необходимости их может «всегда предъявить» [24, л. 1 об.].

Неожиданный конфликт вспыхнул 25 марта 1832 г., когда И. К. Гаазе с сыном поехал в соседнее имение того же уезда к знакому кузнецу-финну за оставленной у него для ремонта «карафашкой» (небольшой телегой, приспособленной для езды). По приезде выяснилось, что основная часть работы уже выполнена, но нужно помочь кузнецу ее завершить. За это взялся сын И.К. Гаазе. Однако местный помещик И. Соколовский прислал войта с приказом не работать в праздничный день. Так как дело уже было сделано, отец и сын стали готовиться к отъезду. Но неожиданно приехал сам помещик, он был в ярости и замахивался на иностранцев кнутом. Услышав от сына Гаазе напоминание, что они «не подвластные», дворянин ускакал, но на дороге организовал засаду из своих дворовых и крестьян. Иностранцев схватили, связали, продержали без еды два дня в избе в имении Соколовского, а потом отправили пешком со связанными руками в Люцин, где исправник, допросив на немецком языке (Иоганн отметил свое плохое знание русского), отпустил несчастных домой. И. К. Гаазе на следующий день подал жалобу на И. Соколовского в Люцинский нижний земский суд. Не получив через две недели никакой резолюции, «и видев из собственного примера, что Исправник и Секретарь придерживаются более стороны помещичьей, и будут медлить производством дела», иностранец намеривался ехать в Витебск «под непосредственное Вашего Сиятельства покровительство» [24, л. 3 об.–4]. В своем прошении генерал-губернатору Иоганн Кристиан Гаазе просил прислать независимого чиновника, знающего немецкий, для проведения непредвзятого следствия по этому делу.

Был прислан адъютант Богданов, но встал на стороне Соколовского, а не иностранцев. В своем донесении чиновник подчеркивал, что запрет на работу в праздник Благовещения Божией Матери был сделан дважды, и возражение, «что у них – лютеран нет сего праздника», по его мнению, не убедительно [24, л. 21]. Вели отца и сына связанными, чтобы они не убежали; шли, действительно, пешком, потому что не просили о разрешении на сесть на телегу; сыну лишь один раз пришлось переносить старого отца через ручей и т. д. Документы для решения были переданы в Люцинский уездный суд 10 апреля 1832 г. После завершения дела следовало прогонные «деньги 82 р. 12 ½ коп., выданные из Витебской казенной палаты, Адъютанту Богданову, производившему следствие, взыскать с виновного» [24, л. 21

об.]. К 1 октября того же года дело было «решено и представлено на ревизию в Витебскую палату уголовного суда» [24, л. 28]. В документах нет четкого указания на то, какое решение было вынесено, но, видимо, в пользу местного землевладельца. Об этом можно судить по позиции чиновника, проводившего следствие, и «удовольствию», изъявленному генерал-губернатором по поводу проделанной им работы [24, л. 23].

Иностранцы, проживавшие в белорусских губерниях, занимались не только ремеслом, среди них были и лица, получившие специальную подготовку. Так, в переписке генерал-губернатора упоминаются иностранные архитекторы. Известно, что витебским губернским архитектором в 1827–1838 гг. служил Осип Иванович Беттини [10, с. 405; 11, с. 427; 12, с. 319; 13, с. 325; 14, с. 330; 15, с. 333; 16, с. 342; 17, с. 339; 18, с. 350; 19, с. 394; 20, с. 378]. Исследовательница А. П. Частина, изучающая архитектуру Кишинева, отметила роль Бессарабского областного архитектора О. И. Беттини в 1819–1821 гг. в осушении болот и разработке проекта здания присутственных мест для Кишинева [33, с. 104–106, 283]. Работая в Витебске, иностранец как профессионал знал себе цену и полагал, что получаемое им по штату жалованье в 1200 рублей явно недостаточно. В 1828 г., отправляясь в отпуск на 28 дней в Петербург, Беттини в прошении витебскому гражданскому губернатору указал, что намерен не возвращаться, «так как получаемое им в Витебске по штату жалование 1200 руб. не представляет возможности к приличному содержанию, и так как он надеется оставя здешнюю службу, сыскать для себя выгоднейшее помещение» [29, л. 2]. Губернатор, «удостоверясь сам лично об особенной рачительности его Беттини по всем обязанностям, должностно на него возлагаемым, и по уважению предвидимого затруднения в губернии без сведующаго и деятельнаго архитектора», попытался решить вопрос об изыскании средств [29, л. 8]. В результате переписки с генерал-губернатором, выяснилось, что по закону выплата возможна из сумм Витебской городской думы. Последняя пыталась отклонить это требование, сославшись на нехватку средств. Но подчиняясь необходимости выполнять «Указ Императорского Величества» [29, л. 28], осуществляла выплаты до 25 октября 1830 г. [23, л. 1]. Поэтому 30 мая 1831 г. архитектор вновь обратился к витебскому гражданскому губернатору, жалуясь на то, что «за удержанием ныне жалованья» испытывает «невозможность приличного содержания в нынешнем... семейственном положении». К тому же,

иностранец нуждался в казенном доме для хранения своего архива и писца для переписки бумаг. Иностранец просил «покровительства», и генерал-губернатор потребовал навести необходимые справки о возникшей ситуации.

Витебское губернское правление 5 февраля 1832 г. уведомило начальство, что «витебский губернский архитектор с чертежною его помещается ныне в купленном казною у купца Ноткина доме, где и все дела его находятся», а «помощника ему Архитектору по штатам 1802 года не положено, но при вступлении нынешнего Губернского Архитектора Беттини в сию должность, по малому знанию его Российского языка, и по уважению множества вступаемых дел в 1827 году командирован в Помощники к нему Канцелярский чиновник сего Правления, который и ныне состоит при нем» [23, л. 3–3 об.].

Из сметы на 1830 г., предоставленной министру внутренних дел А. А. Закревскому, по мнению последнего, явствовало, что нет реальной возможности платить иностранцу дополнительное жалование. Об этом министр 26 августа 1830 г. сообщил исполнявшему должность витебского губернатора князю С. И. Давыдову [23, л. 6–7 об.]. В результате рассмотрения вопроса Н. Н. Хованский 29 февраля 1832 г. подтвердил витебскому гражданскому губернатору отказ от прибавки к жалованию, нецелесообразности содержать писца при архитекторе и рекомендации последнему передать решенные дела в губернский архив. Н. Н. Хованский находил, что помощь О. И. Беттини уже оказана: ему предоставлена квартира в казенном доме.

Генерал-губернатор предлагал сообщить архитектору, «что Главное Начальство не оставляет отличного усердия и услуг его без внимания и ходатайства о достойном его за оные вознаграждения» [23, л. 8–8 об.]. Вероятно, все же такие обещания не были формальными, так как Беттини не покинул Витебск еще продолжительное время и оставался на должности губернского архитектора до 1838 г., при этом с 1832 г. он значится в чине коллежского регистратора (самый низший, но классный чин – XIV), что свидетельствует о принятии им российского подданства и вступлении в государственную гражданскую службу. Исследовательница белорусской храмовой архитектуры XIX в. И. Н. Слюнькова отмечает, что Беттини «обладал великолепным даром и мастерством художника-архитектора, кроме того, был заметной и яркой фигурой в Витебске того времени» [31, с. 83]. Среди его проектов И. Н. Слюнькова отметила составленный им план зам-

ка в Люцине (1827), оригинальный проект собора для города Себежа (1832) и др.

В 1838 г. вместе с О. И. Беттини свой проект по перестройке в Полоцке Николаевского кафедрального собора, переданного в ведение Полоцкого кадетского корпуса, представил архитектор-иностранец Антоний Порто. Его проект был принят с условием подготовки нового варианта, более приспособленного «к стилю греческой архитектуры» [30, с. 117]. Иностранец, уже в чине надворного советника с жалованием в размере 5000 руб., входил в «Комиссию о устройении Полоцкого кадетского корпуса», созданную в 1830 г. [30, с. 37]. А. Порто составил проект перестройки под нужды кадетского корпуса зданий, прежде принадлежавших иезуитам [30, с. 41–42], и являлся старшим архитектором при проведении соответствующих работ.

В мае 1833 г. Антоний Порто обратился с всеподданнейшим прошением об определении его внуков Александра и Витта в Полоцкий кадетский корпус. За просителя ходатайствовал от «Комиссии о устройении Полоцкого кадетского корпуса» полковник Данилов. Обращаясь к генерал-губернатору, князю Н. Н. Хованскому он отмечал, что «отличная служба, честность, редкое усердие в самых преклонных летах при зрелой отчетности г. Порто Вашему Сиятельству, как Председателю Комиссии, совершенно известны» [27, л. 1]. Упоминалось, что представлены документы детей «с надлежащими приложениями о дворянском их происхождении» [27, л. 1]. Давыдов указывал, что Антонию Порто помогает его сын, «отец сих детей губернский секретарь Порто», который «будучи свободным от занятий службы, посвящает знание, усердие и опытность в Гражданской Архитектуре, к устройству Полоцкого кадетского корпуса наравне с обязанными чиновниками, оказывая тем редкий пример безкорыстного участия в устройстве общественного благодетельного заведения» [27, л. 1–1 об.].

Генерал-губернатор в своем ответе от 8 июля 1833 г. рекомендовал «обращаться с просьбою к Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Михаилу Павловичу, как Главному Начальнику Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и дворянского полка» [27, л. 2]. Вероятно, этим советом воспользовались, так как в списке зачисленных воспитанников Полоцкого кадетского корпуса в 1835 г. значится Александр Порто, а в 1836 г. – Вита Порто [30, с. 387]. Соответственно Александр Порто (Порто 1) оказался в 3-ем выпуске и в 1841 г. стал служить в Дворянском полку, а выпускник корпуса 4 выпуска 1842 г. Витта Пор-

то (Порто 2) также был направлен в этот полк. В 1848 г. в выпуске «по Высочайшему повелению из 3 и 4 общих классов» указан Антон Порто (Порто 3) [30, с. III–IV], вероятно, младший брат вышеназванных представителей семьи.

Несмотря на то, что рассмотренные примеры не исчерпывают всех материалов об иностранцах в белорусских губерниях в 1820–1830-х гг., они свидетельствуют о том, что канцелярия генерал-губернатора, осуществляя свою контролирующую функцию, аккумулировала сведения об иностранных подданных. Посредническая роль генерал-губернатора между местной и центральной властью обеспечила наличие в архивных делах документов от учреждений разных уровней, что оказывается удобным для исследователя. Дополненные материалами региональных архивов документы канцелярии генерал-губернатора содержат ценные сведения по истории повседневности, связанной с пребыванием иностранцев на территории белорусских губерний.

Список использованных источников

1. Арутюнян, В. Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х годов / В. Г. Арутюнян // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2005. – № 4. – С. 68–82.
2. Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813–1828. Документы Государственного архива Смоленской области. – Смоленск: Свиток, 2012. – 288 с.
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 13. – 1828 г.
4. ГАСО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 36. – 1831 г.
5. ГАСО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 23. – 1832 г.
6. Добрынкин, Н. Г. Мои воспоминания. Февраль 1898 г. Рукопись. Муромский историко-художественный музей. Инв. № М-21431 / Подготовка текста В. Б. Антоновой. Режим доступа: <http://www.museum-murom.ru/scientific-work/sources-publishing/vospominaniya-dobrynkina>. – Дата доступа: 01.09.2018. (Выражаю благодарность И. В. Шкурлову за информацию об этом источнике – А. В. Тихонова).
7. Ефимова, В. В. Причины введения и отмены генерал-губернаторств при Александре I / В. В. Ефимова // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 11. – С. 145–162.
8. Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX вв.) / сост. И. Л. Вернер. – Минск: Типография Макарова и К, 2012. – 528 с.
9. Кононов, В. Смоленские губернаторы. 1711–1917 / В. Кононов. – Смоленск: Маджента, 2004. – 400 с.

10. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1828. – СПб., 1828. – Ч. 2.
11. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1829. – СПб., 1829. – Ч. 2.
12. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1830. – СПб., 1830. – Ч. 2.
13. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1831. – СПб., 1831. – Ч. 2.
14. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1832. – СПб., 1832. – Ч. 2.
15. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1833. – СПб., 1833. – Ч. 2.
16. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1834. – СПб., 1834. – Ч. 2.
17. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1835. – СПб., 1835. – Ч. 2.
18. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1836. – СПб., 1836. – Ч. 2.
19. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1837. – СПб., 1837. – Ч. 2.
20. Месяцослов с росписью чиновных особ... 1838. – СПб., 1838. – Ч. 2.
21. Национальный исторический архив Беларуси г Минск (НИАБ г. Минск). – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 3113.
22. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 3131.
23. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 5376.
24. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 6090.
25. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 6215.
26. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 6263.
27. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 1. – Д. 7371.
28. НИАБ г. Минск. – Фонд 1297. – Оп. 2. – Д. 6245.
29. НИАБ г. Минск. – Фонд 1416. – Оп. 5. – Д. 1399.
30. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Составил офицер-воспитатель Полоц. кадет. корпуса подполковник В.П. Викентьев. – Полоцк: тип. Х.В. Клячко, 1910. – 396, XLIII с.
31. *Слюнькова, И. Н.* Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи: пересоздание наследия / И. Н. Слюнькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 615 с.
32. *Тихонова, А. В.* «Надлежаще смотреть...» Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861) / А. В. Тихонова. – Смоленск: Свиток, 2013. – 256 с.
33. *Частина, А. П.* Творчество архитекторов Бессарабии в первой половине XIX в. Дис. д-ра искусствоведения и культурологии / А. П. Частина. – Кишинев, 2016.
34. *Чернышев, В. Я.* Муромский краевед Добрынкин Николай Гаврилович / В. Я. Чернышев // Край Смоленский. – 2009. – № 1. – С. 8–24.

(Дата поступления: 26.11.2019).

Шевкун П. В.

Витебский государственный медицинский университет, Витебск

Shevkun P.

Vitebsk State Medical University, Vitebsk

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/18»

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В БЕЛАРУСИ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

NATIONAL IDENTITY FORMATION IN BELARUS (XIX – EARLY XX CENTURIES)

В статье рассмотрены вопросы формирования национальной идентичности в Беларуси в XIX – начале XX в. Показаны формы социальной идентичности, дана их характеристика. Отмечены этапы и особенности их эволюции в Российской империи на примере белорусских губерний. Выделены механизмы, с помощью которых происходил процесс трансформации идентичностей. Сделан общий вывод об обусловленности проблем в развитии белорусской национальной идентичности начала XX в. спецификой начального этапа её становления.

Ключевые слова: общество, национальная идентичность, традиция, трансформация, церковь, конфессия, аристократия, СМИ, просвещение.

Issues of national identity formation in Belarus in the XIX – early XX centuries are examined in the article. The forms of social identity are shown, their characteristic is given. The stages and features of their evolution in the Russian Empire on the example of Belarusian provinces are marked. The mechanisms due to which transformational process of identities are singled out. General conclusion about the conditionality of problems in the development of Belarusian national identity of the early XX century by the specificity of the initial stage of its formation is made.

Keywords: society, national identity, tradition, transformation, church, denomination, aristocracy, media, education.

На протяжении государственной истории страны было выработано две формы, в рамках которых населению прививалась социальная идентичность⁵: религиозно-традиционалистская и национально-модерная.

---

⁵ Идентичность (в наиболее общих чертах) – это отождествление индивида с группой по определённым критериям (например, гендерным, культурным, экономическим, политическим и т. д.). При определении идентичности выделяют структурно-функциональные и коммуникативные аспекты [22. с. 168–169]. В статье рассматриваются предельные уровни социальной идентичности, в рамках которых возможна самоорганизация.

Первая заключалась в том, что человек воспринимал связь с сообществом посредством представления о сверхъестественном начале или Боге, который, создав людей, установил и принципы их сотрудничества, «человек был вписан в жёсткую сословно-корпоративную иерархию и в своих действиях не должен был проявлять себя как нечто особенное...» [1, с. 170]. Церковь являлась институтом, который формировал эту идентичность и предоставлял необходимые знания о функционировании общества, давал возможность соотнести свою жизнь с этими принципами и влиять на организацию целого посредством оценки происходящего на их основании.

Во втором случае основой является представление о правах, имманентно присущих человеку. Путём восприятия себя через право выстраивается система отношений, в рамках которой человеку нужна информация о границах прав, их эволюции, способах наиболее эффективной реализации и защиты. Также необходим набор знаний для восприятия и производства такой информации. Всё это предоставляется в рамках системы образования и СМИ. Как отмечал немецкий социолог Н. Луман: «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» [2]. Соответственно и формируется идентичность. Посредством системы образования и СМИ человек учится соотносить себя с определённым обществом, воспринимая его символику, осознавая не только физические, но и ментальные границы общности (сюда можно отнести представления об историческом и культурном единстве).

Идентичность, формируемая церковью, была характерна на протяжении всей предшествующей рассматриваемому периоду истории страны. Переход ко второй происходил со второй четверти XIX – начале XX в. Именно это время и находится в центре внимания исследования. В нём представлена общая схема трансформации религиозно-традиционалистской идентичности в процессе формирования национально-модерной на белорусских землях Северо-западного края Российской империи. В силу господства российской государственности акцент сделан на официальных проектах, в которых ключевую роль играла православная церковь.

Религиозно-традиционная идентичность была двухуровневой: община и общество. Первый уровень формировался в рамках сельской или городской корпорации, в среде шляхты. Определялся, как правило, понятием «тутэйшэсть» для первых и сарматизм для последней. «Ту-

тэйшэсть» обладала всеми характерными признаками идентичности: разделение на свой-чужой; отсылку к общности, так как идентичность должна быть обоснована и признана соседями; связь с предыдущими поколениями, поскольку легитимное отличие от пришлых может основываться лишь на факте рождения в местности; определённой территорией на которой и мог закрепиться данный термин. Эта территория непосредственно воспринимаема и должна быть исхожена, известна и контролируема не только в экономико-административном смысле, но и на ментальном уровне. Достигалось это в рамках народной мифологии⁶, посредством которой человек осваивал и устанавливал контроль, в отличие от пришлых, над конкретной территорией.

«Сарматизм», как версия обоснования шляхтой привилегии на управление путём утверждения своего происхождения от древнего племени сарматов, по существу не отличался от «тутэйшести». Не смотря на то, что здесь и присутствует именование, поскольку поле государственности – это сфера конкуренции аристократий. Однако, во-первых, он также не формировал общих представлений о социуме, а был лишь версией обособления одной части общества от других; во-вторых, должен был обосновать неизменность привилегий шляхты, которые фактически сводились к одному – уникальности владения определёнными землями.

---

⁶ Представления о существовании в непосредственно обозримом пространстве сверхъестественных существ, отвечающих за различные явления природы и аспекты повседневной жизни человека. В рассказе Н. С. Лескова «Пугало» (1885 г.), этот мир описывается от имени автора, которому его открывал в детском возрасте в деревне старик мельник: « От Ильи (так звали старика. – Ш. П.) я узнал и про домового, который спал на катке, и про водяного, который имел прекрасное и важное помещение под колёсами, и про кикимору, которая была так застенчива и непостоянна, что пряталась от всякого нескромного взгляда в разных пыльных замётах – то в риге, то в овине, то на толчее, где осенью толкли замашки. Меньше всего дедушка знал про лешего, потому что этот жил где-то далеко ...». При этом «по должности мельника дедушка Илья имел довольно близкое соотношение к водяному, который заведовал нашими прудами ... и двумя болотами» [14, с. 346]. Известный белорусский этнограф конца XIX – начала XX в. Н. Я. Никифоровский отмечал, что «нечисть» или иные потусторонние силы властвуют над умами людей, передаваясь из поколения в поколение как беспрекословное правило жизни, которому надо следовать безо всяких сомнений и оговорок и защищаться ритуалами и иными способами [15, с. 61].

Данные идентичности локальны, замкнуты на определённой территории и лояльны к другой идентичности – глобальной, – позволявшей существовать этим малым и дающей им надёжное обоснование. «Тутэй-шесть» и «сарматизм» были органично встроены в религиозно-традиционалистскую идентичность, которая посредством обряда давала представление об общем порядке, его устроителях и показывала соответствие жизни общины этим общим критериям. Можно сказать, что эта вторая выростала из первых, так как надо было обосновать привилегию на землю и синхронизировать принципы сосуществования. Такое обоснование заключалось в сакральном авторитете и следующей из него традиции. Кроме того, данные идентичности не подразумевали конкуренции и выбора, поскольку были детерминированы прошлым, в котором раскрывался божественный промысел, и с позиций национально-модерной были либо вовсе безлики, либо воспринимались как анахронизм, мало отличавшийся от народной мифологии. Так, 20 января 1855 г. Витебский, Могилевский и Смоленский генерал-губернатор С. Игнатъев в отчете императору отмечал, что «большая часть крестьян не только не знает ни одной молитвы, но даже на вопрос, какой веры, отвечает: новой веры, и при дальнейшем объяснении прибавляет: прежде были польской, а теперь, кажется, русской» [3, с. 95]. В этом замечании выразительно видна разница между традиционным и современным взглядом образованного столичного чиновника на религиозность. Более того, с позиций второй, первая кажется чем-то не правильным и, в лучшем случае, заслуживающей исправления. Очевидно, что крестьяне знали молитвы и вели вполне благообразную жизнь, которая если чему и не удовлетворяла, то только профессиональным стандартам хорошо образованных подданных.

В другом примере эта разница ещё более очевидна. В 1880 г. приходской священник Великорытского прихода Брестского уезда отмечал в церковной летописи: «Умственное и нравственное развитие прихожан находится на самой низкой степени и много пройдет времени, пока поднимется до желаемой высоты». «Сущности религии не понимают и требования ее не исполняют... Все спасение полагают на чтение искаженных молитв, смысла которых не понимают, и в строгом исполнении постов и местных обычаев. При таком развитии суеверий и предрассудков распространено много» [4]. Вполне очевидно, что трансформация данной идентичности была делом трудоёмким и мало результативным.

В свою очередь, национально-модерная идентичность упраздняет такую двухуровневую иерархию и, с одной стороны, выглядит проще,

однако с другой, намного сложнее, поскольку включает в себя постоянно расширяющееся поле идентичностей [1, с. 169]. Вырастая из имманентных прав человека, она стремится на основании определённых критериев (общей территории, родстве, истории, нормах культуры и др.) очертить ту общность, в рамках которой, как представляется, возможно и необходимо сотрудничество, эффективная реализация прав. Граждане взаимодействуют, устанавливают социальные связи, формируют многочисленные идентичности на основании получаемой информации. С этой точки зрения прежняя религиозно-традиционалистская идентичность воспринимается как барьер, препятствующий новому пониманию общности. Она безлика и непрозрачна, не принимает и не позволяет появляться инициативам, беззащитна перед проектами различных интеллектуально ёмких современных идентичностей, подразумевающих конкурентную борьбу.

Вместе с тем, у империи на пути модернизации было не так много механизмов формирования национально-модерной идентичности без существенного ущерба для своей легитимности. Власть монарха, тем более абсолютистская, воспринималась исключительно в традиционалистских сакральных категориях. Такие механизмы заключались в попытках придания прежним формам большей «современности», некоторого их обновления. И на уровне церкви, и на уровне общины власти пытались, через более индивидуализированное отношение подданных к своим обязанностям, привить и модерную национальную маркировку – русскость. Эта маркировка придавала легитимность социальным новшествам, устанавливала возможность более вольного отношения к традиции со стороны аристократической государственности. Она рационализировала восприятие социальной реальности (быть русским, поступать как русский человек) и позволяла аристократии найти более гибкий, чем просто традиция, основанная на сакральной санкции, способ прочтения своего господства (выразителя истинных народных стремлений и желаний). Важно было привить её таким образом, чтобы это стало лишь фактором укрепления верноподданнических чувств, а не способом выработки новой формы идентичности, в рамках которой монарх, в лучшем случае, не более чем один из её маркеров, а аристократия лишена привилегий.

Основными средствами здесь были образование и религиозное просвещение, более активная позиция приходского духовенства, которому в этих планах отводилась ключевая роль. Так, обер-прокурор

гр. Н. А. Протасов, выражая мысли Николая I, хотел, чтобы священники «умели снисходить к понятиям простого народа и вразумительно беседовать с ним», быть полезными крестьянам в «их житейских делах». В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как-то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство». В семинариях стали создавать подготовительные классы для кандидатов в священники, чтобы они «имели средства ближе ознакомиться с обязанностями своего, под руководством просвещённого и опытного наставника и под особым надзором местного Архиепископа» [5].

В правление Николая I на системный уровень вышел вопрос просвещения, катехизации населения. В 1836 г. последовало решение по открытию при церквях школ для детей прихожан в западных губерниях. Активизировался этот процесс с 1839 г. 27 июня 1842 г. приняли постановление «Об устройстве сельских приходских училищ в казённых селениях» [6]. Обучение было бесплатным. Так, в Минской епархии в 1841 г. было 33 школы, в 1842 открылось ещё 20. В основном количество учеников колебалось от 4 до 10 человек, хотя были школы, в которых обучалось и до 20 детей. Общее количество учащихся в открытых школах епархии в 1842 гг. составляло 117 мальчиков и 6 девочек. Учителем был, как правило, сам священник или другой член причта [8].

Вместе с тем, малое количество учеников и отсутствие школ в ряде благочиний явились следствием не только недостаточной продуманности процедуры их открытия. Проблема заключалась и в том, что в традиционном обществе знания, как массовое явление, не востребованы. Там, где социальные знания передаются из поколения в поколение, а самосознание чётко привязано к общине и окружающей среде, образование, как основа индивидуального действия, в меняющемся социальном мире фактически излишне.

Традиционализм демонстрировал низкий уровень способности к трансформации. Как отмечал епископ Полоцкий Василий (Лужинский), «большая часть помещиков в грамотности крестьян видят почему-то большую для себя и для них невыгоду ... тоже должно сказать и о казённых крестьянах; почти все училища их поддерживаются слабо ..., а некоторые и вовсе закрыты» [7, с. 256, 257]. Поэтому священники (они, разумеется, также были не в восторге от дополнительных обязанностей) вынужденно обучали детей у себя. Такие школы вскоре

и закрывались. Даже позднее настроения не сильно изменились. В приводимой ранее летописи есть замечание об отношении прихожан к училищу, открытом в 1865 г. Там говорится, что на него смотрят, «как на правительственные учреждения и были бы вполне довольны, если бы дозволили им закрыть», «весьма тупо понимают учащиеся слово Христова учения и едва только после 20–30 раз могут объяснить, почему они называются христианами и изображают на себе крест». При этом он отмечал, что училище «посещают не регулярно, пропуская до года, некоторые проучившись месяц, два бросают его» [4].

В этом отрывке видна ключевая роль государства, которое стремилось придать традиционным отношениям больший динамизм, а идентичность сделать более гибкой и открытой. Активно процесс распространения начального образования шёл во второй половине XIX в. После отмены крепостного права начинается организация государственной системы начального образования деревни [9, с. 263]. Параллельно формировалась и церковная. При этом церковь играла важнейшую роль в образовательном процессе. Количество церковных школ на территории четырёх белорусских православных епархий увеличилось с 1881 по 1895 гг. в 24,5 раза, в то время как в целом по России рост составил 7,9 [20, с. 140] Также обсуждались проекты передачи всего начального образования под церковный контроль. Несмотря на то, что полностью эта идея так и не осуществилась, тем не менее, православная церковь обладала к концу XIX в. не только сеть церковно-приходских школ и школ грамоты, но и оказывала существенное влияние на работу школы в рамках государственной системы образования.

Религиозное просвещение, в виде катехизации населения, как и школьное дело, сталкивалось со схожими концептуальными барьерами. Так, Минский архиепископ вынужден был в апреле 1844 г. сделать распоряжение духовенству, чтобы «они озаботились изучением приходских детей Господским молитвам, Символу веры и закону Божьему». Дали указание регулярно совершать поучения в праздничные дни. С целью усиления контроля над проповеднической деятельностью цензурным комитетам 30 марта 1850 г. было предписано «усугубить внимание при рассмотрении проповедей, слов и речей». От гражданских властей духовенство ожидало помощи «в понуждении» помещиков способствовать доставлению крестьян в церковь в воскресные и праздничные дни [22].

Издание епархиальных ведомостей и прессы⁷, ориентированной на религиозность подданных, начавшееся с конца 1850-х гг., должно было помочь духовенству в катехизации населения, в сплочении прихода вокруг причта. Особое значение приобрела проповедь. Она посредством просвещения позволяла влиять на формирование необходимых парадигм поведения. Важна была не катехизация сама по себе, а выработка индивидуализированного, лично окрашенного отношения к вере. Ведь за более четкой конфессиональной идентичностью должна была угадываться и национальная. Однако и здесь виды правительства наталкивались на традиционалистское восприятие. Как отмечалось в приводимой выше летописи, прихожане имели «равнодушие и даже недоброжелательство к наставлениям пастыря», использовали «теже безтолковыя молитвы без всякаго внутренняго смысла и понимания». «Увещаний пастыря не только не слушают, но и многие открыто высказывают недовольство за введение новых порядков при исповеди. – Требование знания молитв ... считают притеснением, а многие даже высказывают, что для них не нужно других молитв, кроме тех, которым научили их деды» [4]. В результате просветительские проекты дворянской государственности производили ограниченный эффект, который становился едва заметным в сельской общине.

Тем не менее, даже такой уровень развития образования и религиозного просвещения, позволял аристократии обосновать свою роль социальной элиты. Проходило своего рода «узнавание» аристократией народа и некоторое его «облагораживание». Национально-модерная идентичность подразумевает определённый взгляд на социум, в рамках которого осуществляется взаимодействие и соучастие в самоорганизации данной общности. В рамках традиционной, эта роль принадлежала только аристократии, а представления об обществе формировались церковью. В силу этого и процесс становления современной идентичности проходил в религиозных границах, так как это то общество, которое видимо и понятно аристократии и при этом не умаляет её монополии на власть. Министр образования Николая I гр. С. С. Уваров отмечал: «га-

---

⁷ Во второй половине XIX в. выходили: «Вера и церковь», «Православный собеседник», «Церковно-приходская школа», «Приходская жизнь», «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Кормчий», «Воскресение», «Воскресный день», «Духовная беседа», «Странник», «Доброе слово» «Миссионерский сборник», «Православный путеводитель», «Миссионер» и др. [9, с. 11].

рантией общественного и семейного счастья является церковь, и русский, преданный отечеству, «согласится, что утратить хоть единый догмат нашего православия все равно, что похитить жемчужину из короны царя» [11, с. 498]. В подобных конструкциях чёткая конфессиональная идентичность являлась свидетельством национальной.

Правление Николая I положило начало этому процессу. В исследовании форм презентации российских монархов Р. С. Уортман отмечает, что царь в его церемониальных проявлениях превращался в представителя всей нации, становился «воплощением России». Для царствования Николая I характерны поиски национальной церковной архитектуры и музыки, которая прославит монархию и покажет её близость народу. Вместе с тем, эти представления не свидетельствовали о восприятии на высшем уровне идеи об общности происхождения аристократии и народа. Национальные мотивы лишь украшали героическую историю иностранного господства [11 с. 392, 496, 497]. Представления, в рамках которых подчёркивалась общность происхождения, становятся характерны позднее, во второй половине столетия.

На территории Беларуси этот процесс формирования ранних национальных представлений был существенно искажён в силу конфессиональной разницы аристократии и большинства подданных, окончательно закрепившейся после ликвидации унии в 1839 г. С другой стороны, формирование разночинной интеллигенции, которая могла бы более полноценно выразить, если не сразу, то в перспективе, секулярную национальную идею, было ограничено репрессивными мерами царизма в ответ на восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.⁸ Аристократия готова была «узнавать» лишь ту часть населения, с которой была одной веры. Понимая неполноценность этого в регионе, так как католиков было абсолютное меньшинство, среди аристократии находили поддержку польские национальные воззрения. Население же лишалось сословия, которое способно было, выразить новое понимание общности, и име-

---

⁸ Закрытие в 1832 г. Виленского университета имело наиболее тяжёлые последствия, поскольку университет являлся фактически прообразом современной нации, в рамках которого сотрудничество основывалось на идеалах равенства и личных заслугах по чётко обозначенным критериям. В его стенах формировался государственный уровень мышления. Такая среда идеально подходила к появлению национально-модерной идентичности.

ло на это легитимные основания⁹. Многие представители белорусской аристократии, в том числе и католического духовенства, стали проводниками польского национализма [18, с. 125].

В свою очередь, российская власть в основном была представлена администрацией, которая в силу своей специфики не способна полноценно выразить национальные принципы. Она не опиралась на историческую традицию, что для формирования национальных представлений чрезвычайно важно и, что самое главное, её не было в религиозной картине общества, и она не делила с монархом государственное бремя. В этом русский проект был уязвим в сравнении с польским вариантом идентичности.

Недостаток пытались восполнить представители западнорусизма, выдвинувшие идею предательства аристократией веры своего народа. По мнению одного из самых ярких представителей направления профессора М. О. Кояловича, господство Польши в крае «привело к разделению его национальных, религиозных и культурно-бытовых начал жизни», когда шляхта перешла в католицизм, а народ держался православия. Поиск собственной «русской, православной аристократии» виделся им (и, в то время, вполне оправданно) едва ли не ключевой проблемой народа. Источником круга лиц, способных формировать новое видение общности и, отчасти, заместить аристократию, рассматривалось православное духовенство. По роду своей деятельности оно имело представление о целостной картине социума, «единственное на территории западных наших губерний уцелевшее от древних веков интеллигентное русское сословие, крепкое земле» [12].

Преимущества западнорусизма заключались в том, что с одной стороны давался ответ на вопрос о недостатке религиозной картины общества, с другой отмечалось и своеобразие региона, который не во всём вписывался в российское раннее националистическое видение истории и требовал особого и бережного отношения, чего очень часто не хватало российским властям в 1860-х – 1870-х гг. Однако эти проекты были удобны для интеллектуальных споров, но совершенно не годились для выработки идентичности, которая должна быть простой и понятной. Он не предусматривал достаточного объединения на уровне идеологи-

---

⁹ Процесс трансформации идентичностей в регионе рождал причудливые переходные формы, которые лишь в начале XX в. приобретают привычные для нас очертания [22, с. 172–173].

ческих представлений с одними и разъединения с другими. Кроме того, его невозможно было донести до простого необразованного или мало образованного населения, вместо простых конструкций единства веры и языка¹⁰. Кроме того, в социальном плане он был нежелателен, так как являлся современным проектом, который формировал удобный взгляд для реализации интересов региона путём самоорганизации местных элит, в которых российские воспринимались всё же чужаками. Ну а православное духовенство не способно было заместить аристократию, в силу того, что не являлось привилегированным сословием и не имело ни опыта государственного мышления, ни автономии в принятии решений, так как было встроено в иерархическую систему церковного управления.

К концу XIX ст. аристократический проект национальной идентичности исчерпал свой потенциал. Общество развивалось: разрушались общинные устои, усложнялись экономические отношения, росла роль городов в самых разных аспектах жизни, усиливалось влияние СМИ. Нормой стала автономия искусств, техническая и интеллектуальная рационализация, инновационное и прогрессистское мышление [14, с. 4]. Появляются политические партии, как полноценный современный проект, альтернативный аристократическому управлению. Отсутствие хотя бы начального уровня образования начинает восприниматься властями как проблема, поскольку религиозный фактор формирования лояльности слабел. Необходимы были базовые знания с целью самостоятельно восприятия населением через СМИ выгодной властям информации.

Вместе с тем, распространение газет и журналов, расширение круга образованного населения лишало церковь монополии на отражение социальных процессов и представления социального единства. Вариант аристократической национальной идентичности, использовавший православную церковь, был слишком поверхностным и малопримени-

---

¹⁰ Современная национальная идентичность, это формируемая идентичность, ее нельзя передать по наследству. Она утверждается в процессе образования. Хотя и предполагалось, что происходит скорее раскрытие того, что и так живо, но, по факту, было представлением о новой общности в новых границах. Поэтому возникал вопрос языка обучения. В правление Николая I и Александра I он носил скорее технический, не самостоятельный характер, поскольку объединяющим институтом являлась церковь. Попытки придания языку самостоятельного значения в маркировке нации наталкивались на не решаемое противоречие в связи с возможностью, в таком случае, русскоязычного католицизма.

мым в новых условиях. Ведь он основывался на неизменности социальных отношений, лишь подразумевая их большую эффективность. Религиозные принципы уже не позволяли формировать полноценные нормы сотрудничества, поскольку ограничивали кооперацию по профессиональному признаку. Недостаточность прежних усилий в формировании национальной идентичности отмечал этнограф Е. Ф. Карский в 1903 г.: «В настоящее время простой народ в Белоруссии не знает этого названия. На вопрос: кто ты? простолюдин отвечает – русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком; иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он «тутэйший» (*tutejszy*) – здешний, конечно противопоставляя себя лицу, говорящему по-великорусски, как пришлому в западном крае» [13]. Жители Полесья и несколько позднее продолжали считать себя «тутэйшими» [21, с. 240]. Было понятно, что общество нуждается в формировании более четкой национальной идентичности.

Разрушение границ религиозно-традиционалистской идентичности привело к тому, что и проект русской государственно-аристократической национальной идентичности, и, дополнявший его, западно-русский переживают кризис¹¹. Православие из выразителя общности, именуемой русской, всё более превращается в политический атрибут, который, при соответствующей инициативе, может трактоваться политическими объединениями по-своему. В своей крайней форме он выразился в правых черносотенных идеологиях, которые проводили

---

¹¹ Высшее русское чиновничество в Северо-западном крае теряет ясное представление о путях формирования русских национальных представлений. Так, Ковенский губернатор П. В. Верёвкин в отчёте за 1908–1911 гг. отмечал, что «... главными проводниками русских начал в крае могут быть и всегда будут только школы. Лишь через их посредничество возможно воспитывать подрастающее поколение в сознании неразрывной связи северо-западных окраин с коренной Россией». Вместе с тем министр просвещения И. И. Толстой считал, возможным отказаться от цели «обрусить посредством школы всё не-русское». В вопросах преподавания истории, языка и географии руководство Виленского учебного округа предпочитало обсуждать методические аспекты: наглядности и эмоциональности преподавания, нежели концептуальные [18, с. 130, 134]. В свою очередь западнорусизм распадается на правое и левое направления. При этом представители первого солидаризировались с черносотенными организациями и склонны были рассматривать вторых, как предателей интересов «русского дела» [16, с. 142–143].

раздел в белорусском обществе по религиозным критериям. Более того, православная церковь в таких доктринах фактически лишалась «права на православность», поскольку здесь вера становилась фактором политической консолидации, с вытекавшей зависимостью от идеологий, а религиозная община сливалась бы с политической организацией.

В это время, по существу, происходил процесс разделения религиозной (конфессиональной) и национальной идентичностей. Общество шло к пониманию того, что первая нейтральна второй и не способствует её формированию. Она лишь историческое средство «овладения» национальной идеей общества. В дальнейшем же, скорее наоборот, церковь пользуется национальной идентичностью для придания себе дополнительной конкурентоспособности, подчёркивая свою историческую роль и роль хранителя традиций.

Обществу важно было предложить целостный, объединяющий взгляд, в рамках которого возможно полноценное сотрудничество различных групп населения с целью выработки взаимно приемлемых правил сотрудничества. Именно в это время и сказалось отсутствие на наших землях аристократического этапа развития национальной идентичности. Ведь именно он готовил аристократию (из «тутэйшести» государственной мышление не возникнет) как национально ориентированную элиту, чьё право интерпретации социальной истории региона не подлежало сомнению, к передаче всему обществу традиций государственности. Эти традиции выражались бы полноценной национальной идентичностью, в рамках которой могли, взаимно дополняя, уживаться самые разнообразные её оттенки. В результате, рождение белорусской современной идентичности было перегружено различными идеологическими проектами, которые воздвигали барьеры и замедляли естественные процессы формирования национального консенсуса, идейным выразителем которого и является национально-модерная идентичность.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода осуществлялась трансформация религиозно-традиционалистской идентичности в национально-модерную. Начиная со второй четверти XIX ст. в империи Романовых происходило восприятие национальной идеи в традиционалистских категориях. Это время можно охарактеризовать как аристократический этап формирования национальной идентичности. Он заключался в культивировании среди аристократии представлений об её общности с простым народом, своего рода «узнавании» населения аристократией и придании ему через это некоторой социаль-

ной значимости. Данный процесс проходил в религиозных категориях и выражался в желании видеть простой народ просвещённым, когда к религиозной идентичности «прирастает» национальная. Средством её раскрытия должна была стать более активная позиция приходского духовенства, конфессиональное просвещение (катехизация) и распространение начального образования. На местах это имело ограниченный эффект и лишь в незначительной степени затрагивало базовые формы традиционной идентичности.

На территории Беларуси процессы в рамках этого этапа были существенно искажены. Разница в вероисповедании не позволяла аристократии региона в полной мере соотносить себя с местным населением и считаться выразителем их интересов. Католическая аристократия в таких условиях начинает проникаться польскими национальными идеями. В среде православной образованной части уроженцев региона формируется западнорусизм, который повышал конкурентоспособность русской национальной идентичности в регионе в противовес польской. Тем не менее, он оказался не в состоянии найти сословие, способное стать выразителем интересов народа. Духовенство на эту роль не подходило, как и российская администрация, в силу отсутствия у них политической субъектности. С другой стороны, российские власти не нуждались в местных посредниках в проведении русскости. Православной церкви было достаточно для этого, а интеллектуальные споры не слишком волновали российскую администрацию в регионе, которая использовала силу с целью ограничения влияния местной католической аристократии.

К концу XIX в. этот этап был завершён, национальная идентичность уже не вписывалась в «прокрустово ложе» аристократизма. Религиозная идентичность, актуализированная в качестве национальной, не удовлетворяла запросам времени, прежде всего потому, что общество переросло религиозные принципы сотрудничества. Требовалось более широкое прочтение национальной идентичности, с разнообразным набором маркеров и конфессиональная принадлежность она не вписывалась в этот ряд. Попытки использования религиозной идентичности в качестве национальной в конечном итоге оказывались неэффективными, поскольку устанавливали барьеры и иерархизировали коммуникацию, ограничивая возможности самовыражения и самореализации, подчёркивая нежелательность разных видов взаимодействия и сотрудничества.

Именно в это время и сказалось фактическое отсутствие на территории Беларуси аристократического этапа национальной идентич-

ности. Он был своеобразным посредником в трансформации традиционной идентичности в модерную. Отсутствовало сословие, которое передало бы на новый уровень целостное, политическое восприятие общества, право на которое не могла бы оспорить никакая доктрина. Это привело к размыванию национальной белорусской идентичности в политических идеологиях и её недостаточной выраженности через организованные общественные движения.

Список использованных источников

1. Шимукович, С. Ф. К вопросу об идентичностях элит белорусских земель в период «долгого XIX века»: проблема концептуализации / С. Ф. Шимукович. – «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. трудов. Вып. 2 / ред.-кол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 167–176.
2. Реальность массмедиа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socioline.ru/>. – Дата доступа: 01.11.19.
3. Филатова, Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е. Н. Филатова. – Минск: Бел. наука, 2006. – 192 с.
4. Церковно-приходская летопись Великорытского прихода Брестского уезда // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1687. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 10, 21–23.
5. Извлечение из отчёта по ведомству духовных дел православного исповедания за 1840 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1841. – 146 с. Извлечение из отчёта по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1851. – 151 с.
6. О устройстве сельских приходских училищ в казённых селениях: Именной указ, объявленный Министром Государственных имуществ, 27 июня 1842 г., № 15794 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XVII, ч. I, 1843. – С. 701–702.
7. Лужинский, В. Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого / В. Лужинский. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1885. – 312 с.
8. Ведомости о состоянии церковно-приходских и монастырских училищ епархии за 1841–1842 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 16163. – Л. 29, 29 об., 50, 51, 111, 111 об.
9. Токць, С. М. Сацыяльны і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Минск: ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.
10. Шимолин, В. И. У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолин. – Минск: БГУ, 2010. – 199 с.

11. Уортман, Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / Р. С. Уортман. – М.: ОГИ, 2002. – Т. 1.: От Петра Великого до смерти Николая I. – 570 с.

12. Западнорусизм как концепция белорусского этногенеза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/>. – Дата доступа: 02.11.19; Западнорусизм как белорусское национальное движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/>. – Дата доступа: 02.11.19.

13. Западнорусизм [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 01.11.19.

14. Шимукович, С. Ф. Белорусские региональные элиты периода долго XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. трудов. Вып. 1 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 3–12.

15. Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Н. С. Лесков. – М.: АО «Экран», 1993. – Т. 6. – С. 344–388.

16. Арпентьева, М. Белорусский фольклор в исторической памяти народа / М. Арпентьева // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. трудов. Вып. 1 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 59–65.

17. Цуба, М. Стаўленне самадзяржаў і правых шавіністычных партый да беларускага адраджэння ў 1907–1914 гг. / М. Цуба // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. трудов. Вып. 1 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 138–148.

18. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / пад рэд. У. І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

19. Мастяница-Станкевич, О. С чего начинается Родина? Идея изучения истории Северо-Западного края в государственной системе школьного образования (1905–1915 годы) / О. Мастяница-Станкевич // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. трудов. Вып. 2 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 130–136.

20. Ершова, О. И. Реформы народного образования в Беларуси в XIX веке / О. И. Ершова // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. трудов. Вып. 2 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 137–142.

21. Гарматны, В. П. Менталітэт і самаіндэнтыфікацыя сялян Палесскага ваяводства ў 1921–1939 гг. / В. П. Гарматны // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. трудов. Вып. 2 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 240–245.

22. Дело по указу Синода о чтении священниками проповедей в церквях в воскресные и праздничные дни на понятном для прихожан языке и проведении бесед по катехизису. 1840–1843 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 14547. – Л. 1, 1 об.; О подтверждении духовным цензурным комитетам усугубить внимание при рассмотрении проповедей, слов и речей: Указ Св. Синода, 30 марта 1850 г. // Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. – М.: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1879. – С. 378–379; Дело о понуждении помещиков не привлекать крестьян к работам в воскресные и праздничные дни. 1844–1845 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 18429. – Л. 1–2, 12–15 об.

(Дата поступления: 08.12.2019).

Шимукович С. Ф.

Республиканский институт высшей школы, Минск

Shymukovich S.

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(47+476)«18-19»(929)

**НАУЧНАЯ ЭЛИТА РОДОМ ИЗ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В «ДОЛГОМ XIX ВЕКЕ»:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

**SCIENTIFIC ELITE RELATED FROM BELARUSIAN LANDS
AT RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE LONG XIX CENTURY:
PROBLEMS OF STUDYING AND INTERPRETATION**

В статье автор рассматривает в изучении деятельности представителей интеллектуальной элиты в лице профессоров императорских университетов и преподавателей иных высших учебных заведений, имевших происхождение из белорусского региона в XIX – начале XX века. На основе форм и уровней их вовлечения в решение проблем общества, автор делает выводы об уровнях и составе идентичностей преподавателей. В частности, автора интересует вопрос об отношении уроженцев белорусских земель, представителей интеллектуальной элиты, к белорусским региональным проблемам и проектам, в том числе участие указанных лиц в формировании, продвижении и реализации белорусского национального проекта.

Ключевые слова: интеллектуальная элита, научная элита, социальная активность, XIX век, идентичность, белорусский регион, императорский университет, Российская империя.

In the article, the author examines the activities of representatives of the intellectual elite in the person of professors of imperial universities and teachers of other higher educational institutions, who were from the Belarusian region in the XIX – early XX centuries. Based on the forms and levels of their involvement in solving society's problems, the author draws conclusions about the levels and composition of professors identities. In particular, the author is interested in the question of the attitude of natives of the Belarusian lands, representatives of the intellectual elite, to Belarusian regional problems and projects, including the participation of these persons in the formation, promotion and implementation of the Belarusian national project.

Keywords: intellectual elite, scientific elite, social activity, XIX century, identity, Belarusian region, Imperial University, Russian Empire.

Понятие интеллектуальной элиты в отечественной гуманитарной науке является достаточно устоявшимся, о чем можно судить по подготовленным и изданным уважаемыми авторскими коллективами научным исследованиям [1]. Стоит отметить, что авторы данного исследования относят к интеллектуальной элите Беларуси лиц, которые стояли у истоков институционализированной научной и образовательной деятельности, т. е. оформленной в рамках соответствующих научных и образовательных учреждений. Присутствие таковой научной и образовательной инфраструктуры позволяет судить о наличии серьезной «академической» и «университетской» науки и предполагает наличие обширных возможностей в деле подготовки собственных научных кадров. На территории белорусских земель научная инфраструктура была восстановлена только в начале XX века с образованием БГУ и Инбелкульта в рамках образованной на советской основе белорусской государственности. В этой связи в кратком историческом обзоре, свидетельствующем о деградации высшего образования в белорусском регионе в имперский период, авторы не акцентируют внимание на уроженцах белорусских земель, работающих в императорских университетах за пределами региона, а становление белорусской науки ассоциируется только с основанием университета в Минске, чему авторы посвящают приличную часть очерка [1, с. 10–15], биографические очерки также посвящены только работникам первого белорусского университета.

Еще одно издание, подготовленное в Национальной академии наук Беларуси, ставит целью популяризировать достижения «отечественных

ученых», в том числе досоветского периода, чтобы «лучшие представители белорусской науки и культуры того времени заняли свое достойное место в энциклопедиях, справочниках, других изданиях...» [2, с. 4]. В данном биографическом справочнике приведены сведения о полутора сотнях ученых, которых составители называют «отечественными учеными», при этом среди данных персон есть как уроженцы белорусских земель, так и лица, приехавшие (преимущественно в советский период) в Беларусь и способствовавшие становлению целых научных отраслей. Имперский период XIX – начала XX века представлен биографиями 27 ученых, научная и профессиональная карьера которых в этом периоде заканчивалась (как у М. Почобут-Одлянцкога и А. Довгирда), либо только начиналась (В. М. Игнатовский, Н. Ф. Блюдухо, В. И. Пичета и др.) либо реализовалась от начала и до конца, правда, не всегда в своей стране либо вне стен научного учреждения (З. Ф. Врублевский, И. И. Домейко, З. Я. Доленга-Ходаковский, И. Д. Черский, Е. Р. Романов, Я. О. Наркевич-Йодко, И. И. Носевич). Далеко не полным в представлении ученых – уроженцев белорусских земель периода XIX – начала XX века является и такое энциклопедическое издание, как «Асветнікі зямлі беларускай» [3].

Тем не менее, проведенные нами предварительные изыскания по изданным в разные годы университетским биографическим справочникам [4–11] позволяют сделать вывод о том, что в период «долгого XIX века» в российских университетах (в том числе Виленском) работало более двухсот преподавателей, и это без учета ученых, занимавшихся научными изысканиями по линии военных структур, органов государственного управления, в инициативном порядке. Таким образом, справочник, подготовленный в академии наук, представляется изданием, которое только закладывает традицию изучения творческого наследия ученых, родившихся на белорусских землях в период их вхождения в состав Российской империи и содержит сведения о незначительной части ученых – уроженцах белорусских земель.

Белорусским землям (в сравнении с соседними регионами) в определенном смысле не повезло в XIX – начале XX века, поскольку в регионе, значительным по своим размерам и числу населения, а также богатым образовательными и научными традициями, долгое время отсутствовала собственная серьезная научная инфраструктура и образовательные учреждения университетского типа. Это не говорит об отсутствии местной интеллектуальной элиты, таковая была, проблемам ее

становления, противоречиям ее установок, формированию национально ориентированных групповых целей и задач для нужд формирования белорусской нации были посвящены ряд публикаций представителей белорусской интеллигенции, вышедших в то время.

В нелегальном народническом журнале «Гомон», в работах Данилы Боровика (псевдоним), Широкого Белоруса (псевдоним), М. Богдановича, К. Каганца (К. Костровицкого), И. Дворчанина, З. Жилуновича, И. Абдираловича (И. Канчевского) белорусская интеллектуальная элита, белорусская интеллигенция понималась преимущественно в региональном контексте и в свете решения белорусского национального вопроса в форме конструирования белорусской современной нации. Таким образом, понятие «белорусская интеллигенция» в данных публикациях, так и в целом в белорусской историографии, было детерминировано либо чисто территориальными рамками принадлежности к белорусскому региону, либо установкой ее представителей на решение национальной белорусской проблемы [12, с. 5–7].

Белорусский историк А. Кохановский отмечает ряд причин незначительного влияния интеллектуальной элиты на белорусскую региональную повестку, среди которых нами особо выделена следующая: «...вследствие правительственных ограничений в культурно-образовательной деятельности на территории белорусских губерний не сложился широкий слой профессиональной интеллигенции» [12, с. 7], понимая под профессиональной интеллигенцией прежде всего представителей университетской профессуры. И в этой связи кажется справедливым и обоснованным утверждение, что «утрата физической и нередко духовной преемственности между разными поколениями этой группы» стала специфической чертой существования «белорусской» интеллектуальной элиты в XIX – начале XX веков [12, с. 8].

Малочисленность и незначительная влияние белорусской региональной (в том числе национальной) научной элиты обусловило общую слабость белорусского национального проекта. Так, англо-американский социолог и историк Майкл Манн в своем многотомном исследовании «Источники социальной власти» отмечает, что наибольший уровень национализма был свойственен лицам, делавшим карьеру на государственной службе, карьеристам в высшем образовании и профессионалам, при этом он отмечает, что степень проявления национализма варьировалась в зависимости от религиозных и региональных идентичностей [13, с. 234]. Важно понимать, какую роль играла национальная

интеллектуальная, научная элита, прежде всего университетская профессура в формировании и продвижении национальных проектов как определенных конструктов в период формирования современных наций в Восточной Европе, а это преимущественно период «долгого XIX века», как они влияли на то, что достаточно крупное человеческое сообщество начинало воспринимать себя как «нацию» (по мнению Э. Хобсбаума это и есть наиболее очевидный и адекватный критерий выделения нации как таковой [14, с. 17]) с формированием и утверждением соответствующей национальной идентичности, вытеснявших наднациональные, субрегиональные, неопределенные (вроде «тутэйшых») и иные самообозначения.

После закрытия Виленского университета почти 80 лет в регионе отсутствовали высшие учебные заведения классического типа¹². Достаточно подробно проблемы развития высшей школы непосредственно на территории белорусских земель рассматривал В. Пичета в своей обширной статье «Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым», которая была опубликована в Трудах БГУ в 1928 году. Автор постоянно указывал на осознанную политику имперского правительства по недопущению открытия высшего учебного заведения в белорусском регионе, правда, не подтверждая данные тезисы документально [15, с. 217, 222, 224–225]. На наш взгляд, проблема заключалась в иных, технических обстоятельствах, прежде всего ограниченности финансовых ресурсов и наличии необходимой инфраструктуры [16, с. 330–331]. В любом случае, сложившаяся после 1830-х годов в регионе ситуация серьезно ограничила возможности для получения высшего образования и дальнейшей самореализации местных уроженцев в рамках построения личной научной карьеры, хотя будет неправильно сказать, что они были лишены таковых возможностей полностью.

В Российской империи за пределами белорусского региона действовало несколько университетов, институтов и иных высших учебных заведений, статус которых мог меняться на протяжении рассматрива-

---

¹² После закрытия Виленского университета на базе его факультетов в Вильно действовали Медико-хирургическая академия (до 1842 года) и Духовная (католическая) академия (до 1844 года). В Горы-Горках (Могилевская губ.) с 1848 по 1863 год действовал аграрный институт – однако эти высшие учебные заведения имели узкоспециализированный характер, существовали ограниченный период времени, не давали классического высшего образования.

емого нами периода, и в которых уроженцы белорусских земель имели возможность как получить высшее образование, так и начать собственную научную карьеру. И вот здесь можно отметить существенные различия, по которым соседние регионы (прежде всего украинский регион) отличались от белорусского. Так, на украинских землях (в границах Российской империи) действовало три университета – в Харькове, Киеве и Одессе, Духовная академия в Киеве и несколько технических институтов в разных городах. В Прибалтике действовал Дерптский (Юрьевский) университет и Рижский политехнический институт, в Царстве Польском действовало несколько институтов и университет в Варшаве. Даже с учетом имперского характера данных учреждений образования и их роли в процессах унификации и русификации регионов империи, они одновременно предоставляли широкие возможности для изучения, формулирования, развития региональной повестки, формирования всех видов региональных элит.

Если рассматривать роль университетов в украинском регионе, то стоит отметить, что данный факт самым благоприятным образом отразился на темпах формирования украинской культурной и научной элиты, на повышении общего уровня грамотности, в том числе и среди украинских крестьян, и, как следствие, на больших успехах в продвижении украинского национального проекта. Так, М. И. Сухомлинов в 1860-х годах отмечал, что из 240 признанных на то время украинских писателей и просветителей, около половины получили образование в Харьковском университете [17, с. 573]. Белорусский исследователь П. В. Терешкович приводит следующие данные «...Доля украинцев среди юристов вдвое превышала аналогичный показатель среди белорусов. Отсутствие университетских центров в Беларуси не только не позволило сформироваться национально-ориентированной профессуре, но значительно ограничило возможность социальной мобильности для коренного населения: численность крестьян с университетским образованием в Украине была в 20 раз больше, чем в Беларуси» [18, с. 195].

Германский историк Р. Линднер, изучающий процессы формирования белорусской нации, также указывал на разный уровень развития научной инфраструктуры в соседних регионах – украинском и белорусском. Он отмечал, что университеты на украинских землях «...стали организационной средой национальных патриотов. Вместе с тем университет св. Владимира в Киеве можно считать местом столкновения прусской образовательной политики и украинского научного нацио-

нализма» [19, с. 67]. То есть миф об «историчности» украинской нации создавался, совершенствовался и транслировался преимущественно украинским студентам в стенах университетов на украинской территории учеными – уроженцами украинского региона, в то время, как «...белорусская историография и само по себе историческое мышление <...> преимущественно возникали в крупных университетах европейской части империи – Санкт-Петербургском, Киевском, Варшавском, Дерптском – а также в Российской академии наук в Санкт-Петербурге» [19, с. 69]. Более того, историки – уроженцы белорусского региона – чаще всего выбирали проблематику, не связанную с историей родного края, изучали древние цивилизации, историю Европы, специализировались в разных направлениях ориенталистики, в чем добивались значительных результатов и получали широкую известность (В. З. Завитневич, М. Н. Петров, В. Н. Бенешевич, С. М. Дубнов, В. Л. Котвич, О. М. Ковалевский, И. Ю. Крачковский, М. С. Куторга, О. И. Сенковский, Б. А. Тураев, Д. А. Хвольсон, В. М. Михайловский, В. В. Макушев и др.). У многих ученых сюжеты, связанные с историей белорусских земель, могли возникать на фоне российской или польской истории, периодически проходили в рамках анализа истории российско-польских взаимоотношений, истории древнерусского периода, истории церкви и культуры восточных славян и т. п. (А. Л. Погодин, В. В. Новодворский, П. Н. Жукович, Е. Е. Замысловский, А. О. Мухлинский, А. В. Прахов, Е. Ф. Шмурло, К. В. Харлампович, И. П. Филевич и др.). Единицы осознанно выбирали белорусскую проблематику для индивидуальных исследовательских проектов и рассматривали регион в качестве объекта истории (И. Н. Данилович, И. И. Лаппо, М. В. Довнар-Запольский, М. О. Коялович, А. П. Сапунов, Е. Ф. Карский). Научная и преподавательская деятельность указанных лиц в общих чертах представлена в биографических словарях и справочниках [1–11], а более подробный критический анализ их научных взглядов и достижений возможно раскрыть только в рамках целой серии статей либо монографического исследования.

Таким образом, мы понимаем, что формирование, широкое распространение и укоренение национальной идентичности в социуме, характерной для современных наций этно-культурного типа, есть результат целенаправленной деятельности, проявления социальной активности научной элиты на одном из высших уровней ее проявления.

В этой связи важно понимать, что успех либо затруднения в реализации тех либо иных национальных проектов зависели от того, носите-

лями какой конкретной идентичности были представители этой крайне важной социальной группы, как научная или интеллектуальная элита, и как на их собственную идентичность влияли разные факторы, особенно в условиях «долгого XIX века», когда трансформация и подвижность идентичности наблюдалась не только среди широких социальных групп обывателей, но и в самых разных кругах элит. То есть идентичность обывателей может рассматриваться нами как результат конкретной деятельности, социальной активности элит и как мотивирующая данную социальную активность, научную деятельность установка конкретной личности, относящейся к социально активной группе. Это соответствует одному из направлений в понимании элит как группы лиц, обладающих высокой интенсивностью социальных и психологических качеств, которые приобретаются в процессе обучения и проявляются у разных представителей общества с разной интенсивностью, то есть доминирующим акцентом в понимании феномена элиты становится функциональная полезность (для конкретного национального проекта. – С. Ф.) представителя этой группы [20].

Одним из определяющих факторов эффективности данной активности, на наш взгляд, является осознание своей территориальной принадлежности, если хотите, чувство «почвенности», что позволяет представителю научной элиты находиться в соответствующей культурной, ментальной среде, достаточно четко идентифицировать себя и, как следствие, проявлять определенную активность в «работе по конструированию и себя, и структуры (в нашем случае это нация. – С. Ф.), относительно которой происходит идентификация» [21, с. 29]. И, как отмечает Н. А. Тельнова, выбор национальной идентичности может осуществляться исходя из экономических, политических и социокультурных предпочтений личности, а это придает выбору ситуативный характер [21, с. 30]. Удаленность от родного края, оторванность от «почвы» вполне может облегчить процесс смены приоритетов в идентификации личности, особенно если в системе личных потребностей на первое место выходит необходимость успешной самоактуализации в виде научной карьеры, что предполагает принятие иной идентичности, для уроженцев имперских окраин в период «долгого XIX века» ей могла быть идентичность профессора российского университета – т. е. «русского профессора».

Как раз в случае с белорусской научной элитой ее отрыв от своего региона происходил достаточно рано – с поступлением в университет,

как правило – за пределами своего региона. Возраст, в котором можно было стать студентами, был определен в «Правилах испытания для желающих поступить в университеты» и составлял 16 лет, хотя основной массе поступающих исполнялось, как правило, 18–19 лет, при этом на некоторые естественнонаучные специальности могли поступать юноши в 25–27 лет (после нескольких лет службы или учебы на другом факультете) [22, с. 203–204].

При этом такие российские исследователи, как Т. Н. Жуковская и К. С. Казакова, изучавшие студенчество Петербургского университета, отмечали, что в нем присутствовало самое многочисленное «польское» национальное сообщество (до трети студентов университета). При этом под «поляками» исследователи понимают уроженцев как Царства Польского, так и западных губерний, в частности уроженцев белорусского региона. В данном случае российские историки достаточно некритично приняли версию польских исследователей, в частности Ф. Новинского и В. Слотвиньского, на труды которых они ссылаются в своей работе, согласно которой все студенты с территории бывшей Речи Посполитой имеют автоматически «польское» происхождение, а ключевым критерием определения «польской» идентичности при этом являлось католическое вероисповедание [22, с. 265–266].

При этом сами авторы, понимая противоречивость многих приводимых в работе фактов, указывают на недостаточную проработку данной темы в прошлом и формулируют необходимость уточнить многие нераскрытые аспекты, в том числе происхождение «поляков» по регионам, так как отличия в поведении уроженцев разных частей бывшей Речи Посполитой наблюдались достаточно существенные [22, с. 233, 238].

В этом плане более осторожную позицию занимает Е. А. Ростовцев в исследовании, посвященном Петербургскому университету в период второй половины XIX – начала XX века. Оценивая религиозный и социальный состав профессуры и студенчества университета он акцентирует внимание на конфессиональном критерии, не увязывая его напрямую с национальной идентичностью, более того, отмечает сложность национальной идентификации студентов-католиков, ссылаясь на работу польского исследователя А. Кийаса [28, с. 169–171, 213].

По упрощенной схеме многими современными российскими исследователями рассматривается национальная принадлежность профессоров и студентов в иных императорских университетах, в частности,

Казанского (А. В. Гатилова, В. В. Пичугина и др.), о чем нами уже давались пояснения в ранее опубликованных материалах [23, с. 52–53, 55]. Тем не менее, не все российские историки так индифферентны к тонким и запутанным проблемам существования множественности разнородных идентичностей у уроженцев имперских окраин. Так, в своей диссертации, посвященной польской политической ссылке в Казанской губернии во второй половине XIX века, В. А. Павлов демонстрирует достаточно ясное понимание того, что «поляки» были разные, более того, уроженцы Царства Польского и «поляки» из Западного края демонстрировали не только разные линии поведения, но и в принципе не всегда комфортно контактировали между собой, более того, уроженцы Западного края более легко адаптировались и включались в социальную активность на новом для себя месте [24, с. 20].

Напомним, почему важно понимание сущности точной идентификации личности, особенно если это представитель определенной элитной группы – идентичности определяют формы и уровни социальной активности представителей элит, их конкретную деятельность в реализации проектов разного уровня и направленности. Мы видим достаточно много подтверждений тому, что если уроженцы белорусских земель не могли себя реализовать в родном регионе, они достаточно активно перестраивались на участие в решении региональных (зачастую общеимперских) проблем на новом месте жительства и относительно спокойно интегрировались в новую культурную среду. Профессора российских императорских университетов, носители польской национальной идентичности, соотносившей ее обладателя с нацией современного типа, как правило, демонстрировали иные линии поведения, что особо четко проявилось в период 1914–1919 гг. Но этому вопросу можно и нужно посвятить отдельную статью из-за обилия фактического материала и числа персоналий.

Ситуацию с интерпретацией идентичности уроженцев Западного края могло сгладить указание на то, что под «польскостью» данных студентов, как и профессоров, исследователями понимается домодерная идентичность, которая строилась на наборе традиционных атрибутов (язык, религия, образ жизни, политический патриотизм в полиэтничной империи и т. д.) и не является национальной идентичностью в современном ее понимании, когда она представлена уже в форме политической манифестации отдельной современной этничности – т. е. «одна нация (поляки) – одно государство (Польша)» [25, с. 147].

С ускорением процессов трансформации польского этноса («короняжи» в период Речи Посполитой) в направлении формирования современной польской нации усиливались и процессы размежевания среди носителей домодерной «польской» идентичности в белорусском регионе (среди так называемых «кресовых поляков»), начал осуществляться транзит некоторых ее представителей в число сторонников белорусского национального проекта, хотя значительная часть легко приняла новую современную форму польской идентичности. Однако данные процессы имели несколько иное течение среди научных элит, концентрация которых наблюдалась в отдаленных от белорусского региона центрах, где не так очевидны были процессы трансформации региональных идентичностей, но действенными были унификационные имперские инструменты, а значит и степень участия уроженцев белорусских земель в разных белорусских региональных и национальных проектах было либо минимально, либо вовсе не отмечалось. Одновременно участие данных лиц в общеимперских процессах было достаточно активным и заметным.

Таким образом, научная элита по определению демонстрировала высокий уровень и интенсивность социальной активности. В рамках социологии, психологии, антропологии изучаются разные аспекты, связанные с анализом структуры социальной активности, побудительных механизмов или мотивов, уровней проявления и другими аспектами. Так, отмечается, что «чем выше уровень организации человека как личности, тем в большей мере его поведение приобретает не приспособительный характер, основанный на реактивности, а творческий – преобразующий в соответствии с целями, задачами, намерениями, требованиями общества...», а социальная активность понимается как «... действия и способы поведения, связанные с принятием, преобразованием или новым формулированием общественной задачи, обладающей просоциальной ценностью» [26, с. 165, 167].

Сами виды социальной активности дифференцируются по таким основаниям, как длительность, широта охвата, источник инициативы, просоциальность или «эффективность ля общества» и другим критериям [27, с. 382], которые можно применять для оценки участия профессуры в общественной жизни помимо профессиональной и научной деятельности. Так, открытие медицинских и ветеринарных клиник для обывателей и многолетняя успешная работа в них, чтение публичных лекций вне университетской программы для широкой общественности с целью распространения практических знаний, участие в местных вы-

борных органах самоуправления и в общественных организациях, участие в деятельности общеимперских политических партий или в официальных правительственных инициативах и т. д. – все это является обычным сюжетом биографий многих профессоров – уроженцев белорусских земель.

Для представителей научной элиты все эти формы проявления социальной активности необходимо воспринимать и оценивать не только в качестве факта «...вовлеченности в какие-либо события, но как деяния, разворачивающиеся во времени и пространстве, имеющие различные эффекты на уровне самой личности, группы или общества в целом, где различные характеристики имеют положительную и отрицательную динамику, в результате чего происходит согласование и рассогласование как на уровне системы (личности или группы), так и на уровне метасистемы (социума) [27, с. 382].

Социальная активность профессоров – уроженцев белорусских земель в целом реализовывалась на уровнях системы и метасистемы вне территориальных границ родного региона. В пользу этого факта говорят их линии поведения в период российских революций, распада империи и создания научной и образовательной инфраструктуры в Советской Беларуси в 1920-х годах. Основная часть профессуры осталась работать в российских и украинских (на тот момент уже советских) университетах и институтах, меньшая часть профессоров не приняла новую власть и эмигрировала. Сознательно приехали в Минск участвовать в создании белорусской национальной системы высшего образования и науки менее десяти человек, среди которых можно отметить М. В. Довнар-Запольского, Е. Ф. Карского, Н. Н. Кравченко, Б. И. Эпимах-Шипило, С. М. Рубашова, но даже эти лица спустя некоторое время и по разным причинам были вынуждены покинуть Минск. Таким образом, преподаватели российских университетов и институтов, ученые, родившиеся в белорусском регионе, но профессионально и социально реализовавшие себя за его пределами, в массе своей стали «потерянным ресурсом» для регионального развития и белорусского национального проекта, что обусловило его слабость и, в определенной степени, незавершенность.

Список использованных источников

1. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919 – 1941) / С. В. Абламейко [и др.]; под общ. ред. С. В. Абламейко, науч. ред. О. А. Яновский. – Минск: БГУ, 2017. – 303 с.

2. Ученые, прославившие Беларусь / Нац. акад. наук Беларуси; сост.: М. П. Ахремчик [и др.]; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 366 с.

3. Асветнікі зямлі Беларускай: энцыкл. даведнік / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]; маст. У. М. Жук. – Мінск: БелЭн, 2001. – 496 с.: іл.

4. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования (1869–1894): в 2 т. – С.-Пб.: Тип. и лит. Б. М. Вольфа, 1896–1898. Т. 1. – 803 с.; Т. 2. – 381.

5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н. П. Загоскина. – Казань: Казан. ун-т, 1904. – Ч. 1. – 553 с.; Ч. 2. – 455 с.

6. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834–1884) / сост. и изд. под ред. ордин. проф. В. С. Иконникова. – Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1884. – 803 с.

7. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета (1755–1855): в 2 ч. – М.: Унив. тип., 1855. – Ч. 1. – 520 с.; Ч. 2. – 684 с.

8. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования: (1802–1902). В 2 т. / Под ред.: Г. В. Левицкого, орд. проф. Имп. Юрьев. ун-та. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902–1903. Т. 1. – 674 с.; Т. 2. – 680 с.

9. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Харьковский университет; под ред. М. Г. Халанского, Д. И. Багалея. – Харьков: Тип. Адольфа Дарре, 1908. – VIII, 168, 390, XII с., 15 л. портр.

10. Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Харьковский университет; под ред. М. П. Чубинского и Д. И. Багалея. – Харьков: Тип. «Печатное дело», 1908. – VIII, 311, III, (22) с.: ил.

11. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917. / сост. С. Ф. Фоминых [и др.]; отв. ред. С. Ф. Фоминых; Том. гос. ун-т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 288 с.

12. Кохановский, А. Г. Белорусская интеллигенция: самоопределение и этапы становления в XIX – начале XX в / А. Г. Кохановский // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2007. – С. 3–20.

13. Манн, М. Источники социальной власти: в 4 т. / Майкл М.; пер. с англ. А. В. Лазаревича; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. – М.: Издат дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (кн. 2). – 520 с.

14. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1870 года / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильев. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.

15. *Пічэта, У.* Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У. Пічэта // *ARCHE* Пачатак. – 2014. – № 9. – С. 202–226.

16. *Шимукович, С. Ф.* О высшем образовании на белорусских землях в XIX – начале XX века / С. Ф. Шимукович // *Высшая школа: проблемы и перспективы: сборник материалов XIV Междунар. науч.-метод. конф.*, Минск, 29 ноября 2019 г. – Минск: Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь, 2019. – С. 330–331 [340 с.]

17. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 671 с.: ил. – (Ubi universitas, ibi Europa).

18. *Терешкович, П. В.* Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.

19. *Лінднэр, Р.* Гісторыкі і улада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX сі. / Пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіча. – 2-е выд. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.

20. *Бирюкова, Н. С.* Социально-философский анализ концепта «элита» в классических и постклассических теориях элитобразования / Н. С. Бирюкова // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) [Электронный ресурс]*. – 2012. – № 4(12). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-kontsept-a-elita-v-klassicheskikh-i-postklassicheskikh-teoriyah-elitoobrazovaniya>. – Дата доступа: 05.12.2019.

21. *Тельнова, Н. А.* Феномен идентичности: способы описания и социокультурные основания / Н. Тельнова // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия*. – 2011. – №1(13). – С. 25–31.

22. *Жуковская, Т. С.* *Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века* / Т. С. Жуковская, К. С. Казакова. – М.: Новый хронограф, 2018. – 576 с.

23. *Шимукович, С. Ф.* Свои среди чужих? Об уроженцах белорусского региона в Казанском университете в XIX веке / С. Ф. Шимукович // *Гуманитарные науки в XXI веке [Электронный ресурс]*. – Казань, 2018. – № 11. – С. 42–57. – Режим доступа: <https://humanist21.kgasu.ru/>. – Дата доступа: 28.11.2019.

24. *Павлов, В. А.* Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX века: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2004. – 23 с.

25. *Малыгина, И. В.* Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика / И. Малыгина // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 1. – С. 147–153.

26. *Ситаров, В. А.* Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) / В. А. Ситаров, В. Г. Маралов // *Знание. Понимание. Умение*. – 2015 – № 4. – С. 164–176.

27. Шамионов, Р. М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы / Р. М. Шамионов [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2018. – Vol. 15(4). – С. 379–394. – Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. – Дата доступа: 26.11.2019.

28. Ростовцев, Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. А. Ростовцев. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 903 с.: ил. – (Ubi universitas, ibi Europa).

(Дата поступления: 06.12.2019).

РАЗДЕЛ 5. КУЛЬТУРА ЭЛИТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Бусько С. И.

Белорусский государственный университет физической культуры,
Минск

Busko Siarhei

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 796

«ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»: ПЛАВАНИЕ КАДЕТ ПОЛОЦКОГО КОРПУСА В РИГУ КАК ПРИМЕР СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НОВОГО ТИПА

«FROM THE VARYAG TO THE GREEKS»: SAILING OF THE POLOTSK CADETS IN RIGA AS AN EXAMPLE OF THE SYSTEM OF PHYSICAL EDUCATION OF A NEW TYPE

Статья раскрывает процесс подготовки к путешествию по Западной Двине полоцких кадет во главе с учителем гимнастики А. Полторацким, в том числе тренировки по физической выносливости, постройку ялов «Рогнеда» и «Константин», сбор информации и разработку маршрута. Анализ изданных воспоминаний о путешествии дает разнообразную информацию о взаимоотношениях в педагогической среде Полоцкого кадетского корпуса, об уровне осведомленности по истории и этнографии региона, в том числе отношении руководителя экспедиции А. Полторацкого к местному населению. Отдельно рассматривается реакция представителей различных социальных групп на кадетское путешествие.

Ключевые слова: физическая культура; система воспитания; кадетский корпус; гимнастика; спорт; яхтинг; краеведение.

The article reveals the process of preparing for a trip to the Western Dvina of the Polotsk cadets led by gymnastics teacher A. Poltoratsky, including physical endurance training, construction of the «Rogneda» and «Konstantin» barns, information collection and route development. An analysis of published travel memoirs provides a variety of information about the relationship in the pedagogical environment of the Polotsk cadet corps, about the level of awareness of the history and ethnography of the region, including the attitude of the expedition leader A. Poltoratsky to the local population. Separately, the reaction of representatives of various social groups to the cadet journey is considered.

Keywords: physical culture; education system; cadet corps; gymnastics; sports; yachting; local history.

На рубеже XIX–XX вв. руководство Военного министерства Российской империи было озабочено невысоким уровнем физической подготовки новобранцев в отдельности и населения призывного возраста в целом [5]. Еще более высокие требования выдвигались к профильным учебным заведениям и подготовке будущих офицеров. Атлетические игры для войск, военных и юнкерских училищ и старших классов корпусов, описанные И. Гердом еще в середине 1880-х гг., не соответствовали запросам государственной системы [2]. В 1899 г. записка военного министра А. Н. Куропаткина по кадетским корпусам о мерах по усилению физического развития привела в Полоцке к интересному результату. По инициативе одного из педагогов Полоцкого кадетского корпуса, А. Полторацкого, был организован водный поход по пути «из варяг в греки». Примечательно, что вся подготовка и реализация задуманного легла на плечи кадетов 5–7 классов, которые самостоятельно сделали два парусных судна.

Сам инициатор, Алексей Полторацкий – потомственный военный, сын картографа генерала Владимира Полторацкого – имел опыт постройки шлюпок для речных прогулок в Санкт-Петербургском и Киевском яхт-клубах. Он предложил руководству корпуса два варианта путешествия, по сути, две составляющих древнего «пути из варяг в греки»: либо маршрут из Полоцка до Киева (используя Березинскую водную систему начала XIX века) протяженностью 800 верст, либо из Полоцка до Риги (около 400 верст). После рассмотрения проектов руководство Полоцкого кадетского корпуса утвердило рижский вариант плавания. Подготовка к речному походу состояла из нескольких этапов: постройка и тестирование шлюпки, тренировки и физическая подготовка кандидатов в экипаж, теоретическая проработка маршрута и экипировка

участников. Первая шлюпка была заложена зимой 1899–1900 гг. по чертежам яхты «Осеана» из книги Диксона Кемпа «Yacht and boat sailing». Параметры шлюпки были небольшими: длина около 6 метров, ширина около 1,5 метров, грузоподъемность составила примерно 1 тонну. Название яхты – «Рогнеда» (не Горислава или Анастасия), свидетельствует о хорошем знании истории X века и роли Полоцка в торговых отношениях между балтийским и черноморским побережьем. Основные работы проходили в ремесленном классе кадетского училища, что позволяло на практике тренировать получаемые знания, заготовкой материала и сборкой занимался сам Полторацкий с учащимися пятого класса. Он же читал у них на протяжении нескольких лет географию, занимался физической подготовкой, в том числе бегом, лыжами, плаванием [3, с. 4].

В середине мая 1900 г. с ходом работ лично ознакомился новый Главный начальник военно-учебных заведений Великий князь Константин (внук Николая I), положительно оценивший идею путешествия. Великий Князь питал особые чувства к полоцким кадетам и в 1903 году определил для учебы в корпус своего сына Олега. Наверное, это обстоятельство привело к тому, что в Полоцком кадетском корпусе начала XX века активно осуществлялись новаторские педагогические идеи. Как вспоминал выпускник 1909 года Б. Г. Вержболович: «...когда Константин Константинович решил отдать учиться одного из своих многочисленных сыновей, Олега, в Полоцкий корпус, он ввел в действие новую опытную программу для кадетских корпусов, в которой были увеличены разделы по русской литературе, упразднен славянский язык и к нему грамматика. Зато увеличены программы по физике, химии и биологии, даже за счет сокращения программы по «Закону Божьему». Имея в своем распоряжении личный вагон, К. К. очень часто разъезжал по всей России, проверяя постановку дела в военно-учебных заведениях. Каждую зиму, пользуясь его вагоном, к нам в Полоцк приезжали различные коллективы артистов, певцов, работников цирка, знаменитые не только в России, но и за границей, приезжали хоры Славянского и Архангельского» [4, с. 18]. Очевидно, что и эксперимент с речной экспедицией кадетов был в духе Великого князя.

К сентябрю работы были завершены, и кадеты провели несколько испытательных заездов на 8–10 километров от Полоцка. Однако отсутствие полноценного опыта изготовления яхты привели к ограниченным возможностям использования «Рогнеды», в результате зимой 1900–1901 гг. с учетом ошибок была изготовлена новая яхта. В честь повторного визита Великого князя Константина и в благодарность за его

интерес новая яхта получила имя «Константин». На прошении о старте Великий князь написал: «Мысль эта мне очень нравится. Разрешаю с удовольствием. Очень желал бы прочесть описание совершенной поездки, составленное самими кадетами. Счастливого пути» [3, с. 7].

В итоговый экипаж вошли кадеты 5–7 классов, которые принимали участие в строительстве яхты (Цветков, Киверов, Карпитский, Гилевский, Чесноков, Глазенап), а также сын коменданта Усть-Двинской крепости кадет Сверчков (к сожалению, и в начале XX века протекционизм присутствовал). Накануне отплытия все кадеты прослушали курс первой помощи при несчастных случаях, навыки искусственного дыхания, в течение двух месяцев практиковали хождение под парусом и на веслах в окрестностях Полоцка, тренировки на физическую выносливость, плавание, приготовление пищи. Кроме палаток, складных кроватей, барометра, фотоаппарата, кадетское средство от комаров (вазелин с гвоздичным маслом) и других вещей, на яхту взяли военную трехвёрстовую карту губернии 1866 г. (на практике доказав её непригодность) и «Западную Двину» Сапунова.

Экспедиция отправилась в путь 8 июня, при этом интересна реакция местных полочан на физические упражнения и плавание в целом: «начальство с ума сошло – на смерть кадет посылает» [3, с. 14]. Еврейское население местечка Дисна интересовалась у кадет, за какой проступок они так наказаны. Для большинства обывателей белорусских губерний в начале XX века физическая культура и такой вариант досуга был непонятен (городской досуг и его основные формы еще только формировался, распространялся из губернских центров в провинцию).

А. Полторацкий выделил несколько целей путешествия:

- физическое развитие и совершенствование кадет через новые формы;
- повышение общего уровня развития как личности, изучение истории и культуры;
- знакомство с повседневностью и бытом населения Витебской и Лифляндской губерний.

На протяжении всего пути кадеты занимались и краеведением: например, осмотрели и описали все Борисовы камни и камень «Большой Писаник» по пути следования (а от камня возле Дисны даже взяли несколько кусков на память), лагерь Баркляя де Толли на Дриссе, укрепления бывшего замка Кукейнос и др. Ведение походного журнала развивало навыки систематизации и фиксации увиденного материала: например, возле Двинска сделали зарисовки и фотографии выхода различных пород и видов глины

на обрывах. Интересна оценка А. Полторацким белорусских городов и местечек. Предварительно они ознакомились с работами Сапунова и проводили небольшое сравнение. Характеристика г. Дисна достаточно позитивная «небольшой, мощный городок, много каменных домов и бульвар вдоль реки» [3, с. 19]. Хорошее впечатление на путешественников произвела местная чайная, где библиотека насчитывала более 500 книг (в том числе и Ушинский). Занимательной чертой характеристики для послеобеденного отдыха стала терминология Полторацкого, он в отчете об этом моменте употребил столичное слово «кейф», которое в это время отражало модные тенденции и в быту, и в литературе (А. Чехов, Н. Лесков). Полоцкие кадеты с этим словом к 1901 году оказались знакомы.

Показательный момент – это проявления антагонизма между местным населением и путешественниками. Возле г. Дрисса произошел конфликт, когда крестьяне отказались увести коней от водопоя, чтобы не мешать отдыху А. Полторацкого с воспитанниками на стоянке. Лишь офицерский китель вынудил крестьян покинуть берег реки, до 1905 года оставалось совсем немного. В Дриссе кадеты по стандартной схеме осмотрели оба храма (костел и церковь), изучили жилую застройку. Затем кадеты отправились на осмотр военного лагеря 1812 г., предварительно обсудив теоретические аспекты войны с Наполеоном, и негативно оценили шансы укреплений в военных действиях.

Интерес вызывают краеведческие заметки А. Полторацкого по местечкам: полотенца на деревьях на кладбище у деревни Дворчаны, способы красть лес во время сплава, принципы клеймения деревьев, организация артелей у бурлаков и работа на лайбах (указывая и жалование последних за перегон от Велижа до Риги – 60 рублей старшему плотовщику), приготовление «репы по-цыгански» в яме под костром, гадания по руке. Даже конкуренция и недружелюбность жителей Креславки и Друи им подмечена. При этом местных жителей он называет «белоруссами», оценивая их невысоко, еврейское население получает от автора отчета еще более критическую оценку [3, с. 37]. В отношении польскоязычных дворян или зажиточных крестьян автор использует слово «шляхтичи».

Подробное описание Двинской крепости, летнего лагеря Островского полка контрастирует с описанием быта плотогонов и крестьян: походная церковь, театр, клуб. Спорт и физические упражнения (даже водные) в Островском полку почти не применялись, что вызвало удивление у полочан [3, с. 49]. Однако в распоряжении у офицеров отмечено наличие велосипедов (что характерно для крепостей Северо-западно-

го края). Пребывание в Двинске пополнило знания кадетов лекцией и практическими занятиями по сигнальным огням и стрельбе.

Полезным для полоцких кадет стало незапланированное пребывание (из-за грозы) на одной из латвийских усадеб-мыз в Дубене у баронессы Будберг. На территории усадьбы в это время шло строительство Понемунского сельскохозяйственного института (причем каменщики из Удино). Посещение имения барона Медема у Штоксмангофа позволило кадетам познакомиться с лаун-теннисом. Действительно, у барона было оборудовано несколько площадок для игры, а также метеорологическая станция, телефон, орнитологическая коллекция, аптека и больница. А так как в имение кадеты попали на Купалье, то приняли участие и в ночных традиционных гуляньях. Краеведческие исследования были продолжены изучением руин замка Кокенгузен (вероятно, бывший Кукейнос) и чтением Сенкевича «Крестоносцы», посетили и могилу епископа Мейнарда в Икскюле [3, с. 88]. При этом все местные жители по-прежнему высказывают недоумение о целесообразности путешествия на яхте.

29 июня, т. е. спустя три недели, кадеты прибывают в Ригу. После небольшого отдыха А. Полторацкий и его команда посещают выставку технических достижений, особенно детально изучая машинный и электротехнический залы, а также парк развлечений (при этом применяется терминология «американские горки» в отношении аттракционов Риги). Образовательная программа в Риге и окрестностях позволяет говорить о ее уникальности: выход в море под парусом, посещение Усть-Двинской крепости, участие в артиллерийских стрельбах на острове Магнус-гольм, тренировки на базе Рижского гребного клуба, практика велосипедных прогулок по рижскому побережью. 7 июля яхту «Константин» в сопровождении А. Полторацкого с двумя кадетами отправили в Полоцк, остальные отправились по домам в Вильно.

Подводя итоги путешествия в своем отчете, А. Полторацкий отметил, что пользы от мероприятия очень много. Кадет Карпитский в 1902 году поступил в Морской кадетский корпус, стал призером в гребных гонках, более того, в 1910 году он сопровождал Великого князя в его путешествии в Полоцк (причем в дневнике князя так и указано «моряк Карпитский»). Кадет Киверов поступил в Морское инженерное училище, а кадеты «познакомились со страничкой из «Родиноведения» не по книге, а по способу наглядного обучения» [3, с. 108]. Кадеты, никогда не видевшие моря, познакомились с прекрасным торговым портом и приморской крепостью, с жизнью поляков и латышей, евреев и немцев. С другой сто-

роны, отмечает руководитель экспедиции, поездка продемонстрировала вредные стороны корпусной жизни – привычку жить на всем готовом и не беречь казенные вещи; привычка пользоваться трудом нижних чинов сделала кадет неготовыми к самостоятельной работе и инициативе.

Алексей Полторацкий является ярким примером учителя гимнастики, преподавателя физической культуры нового типа, который сформировался к началу XX века. Он не являлся продуктом сокольской системы, но по факту разделял их идеи воспитания молодежи через физические упражнения, краеведение и патриотизм. Он подчеркивал «местные, хотя и принимали нас радушно, совершенно не понимали, чего ради мы вздумали путешествовать на шлюпке двадцать дней, когда могли бы скорее и дешевле съездить в Ригу по железной дороге» [3, с. 110]. При этом он отмечает, что проблема и в офицерском корпусе, который весьма далек от спорта. Определенную ценность имеют его рекомендации для организации учебных речных экскурсий и тренировок для учащихся.

Заложенные А. Полторацким инновации в физическом воспитании были через несколько лет продолжены инспектором кадетских классов полковником В. М. Энгельгардтом: «офицер оказался большим любителем всех видов спорта. Энгельгардт добился устройства катка на нашем громадном плацу. Под руководством Энгельгардта корпус приобрел хорошие лодки различных размеров для обучения гребле. Полковник Энгельгардт не только увлек нас новой физкультурой, но и убедил директора, что кадеты – будущие офицеры Русской армии – должны быть не только хорошими физкультурниками, но и вообще культурными людьми и уметь держать себя на людях» [4, с. 27]. Сам капитан А. В. Полторацкий продолжил знакомство с Великим князем Константином и в 1910 году приезжал в его свите вместе с генерал-лейтенантом А. Д. Бутовским (педагогом и признанным авторитетом в области физического воспитания, инициатором присоединения России к Олимпийскому движению) на экзамены Олега Константиновича [1].

Изучение материалов путешествия свидетельствует о появлении новых тенденций в системе физического воспитания – сочетании нравственного и физического воспитания (небольшие занятия во время путешествия, в том числе осмотр Борисовых камней, лекции по войне 1812 года у лагеря на Дриссе), всеословности физической подготовки. Речная образовательная прогулка учащихся Полоцкого кадетского корпуса стала одним из доказательств формирования общества нового типа и культуры досуга в Беларуси.

Список использованных источников

1. Викентьев, В. П. Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования / В. П. Викентьев. – Полоцк, 1910. – 76 с.
2. Герд, И. Я. Атлетические игры для войск, военных и юнкерских училищ и старших классов корпусов / И. Я. Герд. – М.: тип. А. А. Карцева, 1884. – 45 с.
3. Полторацкий, А. Старым варяжским путем / А. Полторацкий. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – 121 с.
4. Поляков, С. И. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах / С. И. Поляков. – Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь, 2010. – 71 с.
5. Федорин, С. В. Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте (вторая половина XIX в. – 1914 г.) / С. В. Федорин. – СПб.: ВИТУ, 2002. – 374 с.

(Дата поступления: 29.11.2019).

Денисенко Е. П.

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа НАН Беларуси,
Минск

Denisenko E.

Central Scientific Library named after Yakub Kolas
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 050=112.28(474.5-89) «19»

О САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ НА ИДИШ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ON THE YIDDISH SATIRICAL MAGAZINES FROM THE NORTHWESTERN KRAI OF THE RUSSIAN EMPIRE

На основе документальных материалов, хранящихся в еврейском фонде Отдела литературы стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки (далее – фонд ОЛСАА РНБ) в Санкт-Петербурге и материалов отдела редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Беларуси (далее ЦНБ НАН Беларуси), рассматриваются сатирические журналы начала XX в., с которыми автор работала de visu. Акцент делается на виленских сатирических журналах еврейским алфавитом, хранящихся в еврейском фонде ОЛСАА РАН. Раскрыты их бытование, особенности экземпляров, художественное оформление и полиграфическое исполнение. В силу сложившихся исторических обстоятельств их бытования подчеркивается редкость этих периодических изданий, сохранившихся до нашего времени в ограниченном коли-

честве. Также подчеркивается ценность этих документальных источников как носителей информации по истории Беларуси начала XX в.

Ключевые слова: сатирические журналы; виленские сатирические журналы на идиш; Отдел литературы стран Азии и Африки РГБ; ЦНБ НАН Беларуси.

The article deals with the satirical magazines from the early 20th century, that are housed in the Asian and African Literature Department of the National Library of Russia and in the Rare Books and Manuscripts Department of the Central Science Library of the National Academy of Sciences of Belarus. The primary focus of the article is on the Yiddish satirical magazines from the Hebrew fund of the Asian and African Literature Department of the National Library of Russia. The existence history, distinctive characteristics, print quality, and decoration of the exemplars are presented. The rareness of the extant exemplars is attributed to the historical circumstances of their existence. The importance of the magazines as a historical source for the modern history of Belarus is also emphasized.

Keywords: satirical magazines; Yiddish satirical magazines from Wilno; CSL of NAS of Belarus; Asian and African Literature Department of the National Library of Russia.

В начале XX в. революционные события 1905–1907 гг. на территории Российской империи спровоцировали появление большого количества сатирических журналов. Смелые и остроумные по содержанию, отпечатанные в двух красках, они пользовались большим успехом у столичной и провинциальной публики. Правительство по-разному боролось с этими изданиями, кары могли быть самые разные: конфискация и уничтожение номера, денежный штраф, приостановка или полное запрещение издания, привлечение к суду, тюремное заключение сроком от одного месяца до двух лет. Особенно строго карались прямые призывы к свержению существующей власти и непосредственные выпады против царя.

Тем не менее, к 1908 г. количество сатирических журналов достигло огромного размаха (их насчитывалось свыше четырехсот названий). Они печатались практически на всех языках народов, проживавших в Российской империи¹.

---

¹ В фондах ЦНБ НАН Беларуси коллекция сатирических журналов насчитывает свыше 50 названий. Большую часть коллекции представляют журналы, которые выходили в Петербурге и Москве. Единственный провинциальный журнал – «Ярославская колотушка» (1906 г.). Среди изданий есть весьма редкие, т. е. те, что сохранились до наших дней в единичных экземплярах. Например, «Ворон» (1905 г., № 1; издатель Н. Васин, редактор не указан), «Бурелом» (редактор Г. Эрастов), «Буревал» (редактор В. Турок), «Гвоздь» (1906, № 2, под редакцией И. Муравкина), «Жупел» (редактор З. Гржебин) – экземпляры журналов были конфискованы полицией.

На территории нынешней Беларуси, которая входила в состав Северо-Западного края Российской империи, сатирическая периодика «в чистом виде» не выходила. Материалы по истории и этнографии, фольклору и т. д. помещались в периодических изданиях на польском, русском языках, а также белорусском («латинкой»), которые издавались преимущественно в «культурной столице» Северо-Западного края Вильне, Петербурге и Москве. Первой белорусской газетой для народа была «Наша доля», выходившая в Вильне с 1 сентября по 1 декабря 1906 г. После шести номеров газета была запрещена. С ноября 1906 по август 1915 г. издавалась газета «Наша ніва» («Наша нива»). В условиях предреволюционного десятилетия она была практически единственной трибуной белорусского печатного слова [1, с. 156].

Сатирические журналы были широко распространены на территории нынешней Беларуси. Их покупали, читали, передавали друг другу. Некоторые издания имели свои отделения в белорусских городах. В журналах помещались актуальные материалы о событиях, происходящих на территории Северо-Западного края. Например, после расстрела в Минске мирной демонстрации 18 октября 1905 г. по приказу генерал-губернатора П. Курлова, это трагическое событие получило резонанс в первом номере сатирического журнала «Дятел» (Санкт-Петербург, 1905). На страницах этого журнала было помещено стихотворение под названием «Не из Гейне»: «В саграпии Минской на тепленьком месте / Сидит губернатор Курлов / И грезит о сладости новых отличий / Прибавок, чинов, орденов».

Еврейская периодика на территории Российской империи издавалась на трех языках: идиш², иврите и русском. До 1859 г. в провинции Российской империи была запрещена печать на национальных языках. Поскольку в России нельзя было получить разрешение на издание еврейской газеты, они выходили за границей. Заграничные издания рос-

---

² Идиш – язык ашкеназийской культуры, сформировался в средневековой Германии и в дальнейшем получил своё развитие в период проживания евреев на территориях Речи Посполитой, основывался на еврейской графике. «Будучи сперва чисто разговорным языком еврейского населения в германских землях и являясь смесью верхненемецких диалектов с древнееврейской, а потом и славянской лексикой, идиш с течением времени приобрел разнообразные общественные функции и получил широчайшее распространение. Он был национальным языком российского еврейства» [2, с. 222].

сийская цензура также подвергала контролю. К примеру, в пограничном с Россией прусском городке Лык Л. Зильберман³ основал в 1856 г. еженедельник «На-Maggid».

Период конца XIX – начала XX в. характеризовался сменой политики в отношении еврейской печати. После отмены действия Положения о еврейских типографиях⁴, в соответствии с которым в стране могли функционировать лишь два полиграфических предприятия, печатающие книги и периодику на языках иврит и идиш (в Вильне и Житомире), во многих городах возникли многочисленные еврейские типографии. Кроме фирмы братьев Ромм, уже со второй половины XIX в. в Вильне появилось несколько новых типографий. Это были: типография Финна, Розенкранца и Шрифetzетцера (позже называвшаяся «Братья Авраам Гирш Розенкранц и Менахем Мендель Шрифetzетцер»); типография Маца, типография Каценеленбогена. Несколько позже появились типографии Пирожникова⁵, Новицкого, Шефтеля, Клецкина⁶, Гарбера. В 1880-х гг. в Вильне действовало 15 типографий, из которых 12 принадлежали евреям [2, с. 34]. В силу того, что спрос на еврейские

---

³ Зильберман Лазарь-Липман – журналист, основатель первого еврейского еженедельника «Намаgid».

⁴ 27 ноября 1845 г. было издано положение о еврейских типографиях. Согласно этого положения были оставлены лишь две еврейские типографии, одна – в Вильне, другая – в Житомире. Цензурный контроль за ними со стороны Министерства народного просвещения был возложен на директоров раввинских училищ, а также особых чиновников от Министерства народного просвещения. И только в 1862 г. Высочайшим утвержденным положением Комитета об устройстве евреев было разрешено открывать беспрепятственно еврейские Типографии в черте оседлости и Санкт-Петербурге (но только тем евреям, которые пользовались там правом проживания) [3, с. 864].

⁵ Пирожников И. О. (1859–1933) – книгоиздатель. В 1900 г. открыл в Вильне типографию и, несмотря на высокий уровень конкуренции среди бурно развивающихся издательств, сумел занять одно из лидирующих положений. Среди репертуара издательства И. О. Пирожникова – книги на русском языке, иврите и языке идиш.

⁶ Клецкин Б. А. (1875–1936) – издатель книг на идиш. В 1910 г. на деньги отца основал «Виленское издательство Б. А. Клецкина» (размещалось в Вильне на ул. Мало-Стефановской, 23). Просуществовало до 1925 г. и сыграло огромную роль в издании книг на идиш. Клецкин Б.А. издавал журналы, в том числе первый детский журнал на идиш «Грининке беймелех». С 1921 г. начал издавать белорусские книги. В 1925 г. перевел издательство в Варшаву.

книги был очень велик, еврейские издания зачастую печатались в русских типографиях.

К началу XX в. центром еврейского образования, культуры и книгопечатания Северо-Западного края Российской империи стала Вильна. С 1904 г. здесь начала выходить первая ежедневная газета «Хазман» («Время»), с 1909 г. – еженедельный журнал «Хаолам» («Мир») на древнееврейском языке, с 1905 г. – ежедневная газета Бунда «Дер векер» («Глашатай»), с 1908 г. – ежемесячный журнал «Литерарише монатшрифт» («Литературный ежемесячник») на языке идиш, а также другие периодические издания еврейским алфавитом. В этот период типографское дело в Вильне превратилось в одну из самых популярных «еврейских» профессий. Авторитетным центром книгопечатания в Вильне была издательско-типографская фирма, получившая название по имени семьи ее владельцев – «Издательство и типография вдовы и братьев Ромм», крупнейшее и наиболее известное еврейское издательство в России⁷. Кроме книг на иврите, Роммы печатали и книги на идиш. Во многом благодаря деятельности этого «Издательства...», Вильна уже с первой трети XIX в. приобрела значение центра еврейской народной литературы на идиш.

Ещё одна сторона деятельности «Типографии вдовы и братьев Ромм» – выпуск периодических изданий. Большое участие фирма бра-

---

⁷ На территории Северо-Западного края Российской империи первая крупная еврейская типография появилась в конце XVIII в. в Гродно. В 1795 г. гродненский книготорговец Барух бен Иосеф Ромм основал и возглавил типографию, ставшую началом одного из крупнейших в России еврейских издательств. Хотя привилегию на основании типографии он получил еще в 1789 г., фактически стал издавать книги только через пять лет. В 1799 г. он перевёл свою типографию в Вильну, поскольку здесь были более широкие возможности издательско-печатной деятельности. Это было фактически началом фирмы Роммов в Вильне. Официальное же подтверждение права на создание типографии со стороны руководства кагала было получено лишь в 1825 г. Крупнейшими изданиями типографии того периода были полная еврейская Библия (1830) и Вавилонский Талмуд (1835–1854). В 1836 г. вышел высочайший указ о закрытии всех еврейских типографий, кроме виленской Ромма и еще одной, предполагавшейся обосноваться в Киеве (впоследствии была переведена в Житомир), типография Роммов получила абсолютную монополию на издание еврейских книг. С этого времени типография в течение трёх десятилетий являлась единственной еврейской типографией в Северо-Западном крае. С 1863 г. фирма получила свое широко известное название «Издательство и типография вдовы и братьев Ромм» [4, с. 227–228].

тьев Ромм приняла в выпуске прессы на идиш. В «Типографии вдовы и братьев Ромм» в годы подъема революционного движения печатались несколько газет и журналов. Первой стала революционная газета «Дер Векер» («Будильник»), начавшая выходить 25 декабря 1905 г., на шести страницах. Тираж первого номера составил 40 000 экз. Ей на смену пришла бундовская ежедневная газета «Фолксцайтунг» («Народная газета»). На протяжении 1906–1907 гг. печатались также периодические издания различных политических партий.

Экономическое, политическое и правовое бесправие евреев в царской России, рост государственного антисемитизма, распоряжения правительства о выселении евреев из сельской местности, о запрещении евреям селиться за пределами городов и местечек, ограничение их права заниматься теми или иными видами хозяйственной деятельности, в итоге – обнищание еврейской массы, – все эти проблемы так или иначе находили своё отражение на страницах еврейской прессы. Публиковались материалы, критикующие сохранение в России Черты оседлости⁸, а также другие ограничения для евреев. Неизменной темой являлась новая волна погромов, прокатившаяся в 1905–1907 гг., во время первой российской революции.

Политический подъём в 1905–1906 гг. и отмена предварительной цензуры в 1905 г. способствовали небывалому расцвету печатного дела, в том числе периодических изданий на идиш. Острая злободневная политическая карикатура нашла своё отражение в сатирической периодике этого времени. Массово стали выходить сатирические журналы практически на всех языках народонаселения Российской империи, в том числе и на языке идиш. Сатирические журналы на идиш выходили в Варшаве – «Гутбах» («Доброй недели», 1905), «Дас юдише Витцблат» («Еврейский юмористический листок», 1905), «А Блети Гринс» («Сборник Гринс», 1907), «Дер Орел» («Необрезанный», 1908), «Дер Вицлер» («Шутник», 1908), в Вильно – «Вильнер Витцблат» («Виленский юмористический листок», 1905), «Май Блумен» («Майские цветы», 1908), в Одессе – «Дас тахшитель» («Паника», 1906), в Бердичеве – «Дер Катер» (1908) и других городах. В конце 1905 – начале 1906 гг. на еврейском языке издавалось до 50 названий сатирических журналов [5, с. 37]. Один из первых и наиболее известных – «Дер Шейгец» («Хулиган», 1906), первый номер журнала был

---

⁸ Черта еврейской оседлости узаконена указом Екатерины II от 23 декабря 1791 г.

конфискован и в настоящее время редок (был запрещён за «оскорбление величества»⁹). В 1906 г. вышло всего три номера журнала «Дер Шейгец».

«Дер Шейгец» выходил на разговорном еврейском языке – идиш. Редактором-издателем был Ш. Лурье, печатался журнал в типо-лиотографии «Тип. I. Лурье и К^о» двухцветным шрифтом в стандартном и малом форматах¹⁰. Контора редакции размещалась по разным адресам в Петербурге: ул. Гороховая, 48; ул. Казанская, 35.

В Российской национальной библиотеке хранятся годовые подшивки журнала «Дер Шейгец» за 1906–1907 гг. На примере четвёртого номера за 1907 г. можно судить, насколько злободневна карикатура, помещенная на его страницах: карикатура на премьер-министра С. Ю. Витте – рисунок на всю страницу под названием «Черта оседлости». С. Ю. Витте был фактически автором Манифеста 17 октября и, вместо того, чтобы даровать обещанные свободы, раздавал пустые обещания¹¹.

В журнале «Дер Шейгец» также помещена карикатура следующего содержания: Карл Маркс убегает от преследователей по улице уездного еврейского городка с криком: «Братцы, помогите...». Очевидно, это отклик на те гонения, которым подвергался марксизм в дни вновь начинавшейся и осмелевшей реакции [5, с. 140].

В коллекции еврейских изданий Отдела литературы стран Азии и Африки (ОЛСАА) Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга хранятся сатирические периодические издания на идиш, выходившие в Вильне на протяжении 1905–1908 гг.

---

⁹ На журнал обратил внимание начальник варшавского жандармского управления, давший запрос в Цензурный Комитет о том, «дозволен ли журнал к обращению», на что был дан ответ, что в помещённых в журнале перефразировке народной песни и фельетоне есть «оскорбительные намеки по адресу высочайших особ» (Дело Главн. Упр. по делам печати. – 1906 г. – № 205) [5, с. 37].

¹⁰ К примеру, пятый номер за 1907 г. был отпечатан в малом формате, без иллюстраций.

¹¹ В сатирических журналах на премьер-министра С. Ю. Витте довольно много карикатур. Например, карикатура художника Н. В. Ремизова помещена в сатирическом журнале «Стрелы» (Санкт-Петербург, 1905. – № 3. – С. 3), где премьер-министр изображен в поварской одежде, «выпекая» возвращенные свободы на маргариновом масле. Приправами к этой стряпне служат тщательно расставленные на полочке стеклянные баночки с наклейками «погромы», «военное положение», «черная сотня», «фальсификация». При этом плита дымит вовсю, что, похоже, смущает повара. Под рисунком подпись: «Что за притча? Дымит да и только!» [1, с. 7].

Наиболее популярный виленский сатирический журнал на идиш – «Вильнер Витцблат. Юмористический листок». Журнал за 1905 г. (№ 5), зарегистрированный в картотеке под № 209. Экземпляр во владельческом библиотечном составном переплёте с углами. Крышки оклеены «мраморной» бумагой. Корешок и углы из чёрного коленкора. Форзацы из бумаги с клетчатым узором. Оригинальная обложка сохранена. На ней в орнаментальной рамке крупным шрифтом заглавие журнала «Вильнеръ Витцблатъ» на идиш, внизу название журнала в транслитерированной форме русским алфавитом. Указаны составитель, издатели, типография, адрес конторы журнала¹². Отмечено, что этот номер журнала прошел цензуру: «Дозволено цензурою 4 марта 1905 г.». Журнал издавали Исаак Дом и Илья Гитлин в типографии Ф. Гарбера¹³ в Вильне (ул. Завальная, д. № 2006¹⁴). Имя составителя на обложке взято в кавычки – «Хаимъ»¹⁵. Названа контора, где располагалась редакция – «Контора Гахаимъ Вегатев». В журнале много иллюстраций, а также рекламных объявлений (например, реклама книжного магазина З. Ш. Среберка в Вильне, «ул. Стеф., 6») ¹⁶.

Ещё один сатирический журнал на идиш, вышедший в Вильне, – «Май Блумен. Праздничный литературно-юмористический сборник»¹⁷ за 1908 г. Экземпляр во владельческом переплете библиотеки, в номере 34 страницы. Это праздничный десятый номер журнала, посвященный празднованию в октябре двух больших праздников у евреев – Суккота¹⁸ и Симхат Торы¹⁹.

---

¹² Сведения о составителе, издателях и т.д. приводятся на русском языке.

¹³ Издательство Ш.-Ф. Гарбера входило в пятерку самых крупных издательств Вильны.

¹⁴ В адресной книге Вильны за 1914 г. типография Ф. Гарбера указана по адресу: ул. Завальная, д. 25. Возможно, в 1905 г. была другая нумерация домов (в журнале «Вильнер Витцблат» – ул. Завальная, д. № 2006).

¹⁵ Предположительно, имя составителя журнала «Вильнер Витцблат» Гахаим Вегатев.

¹⁶ Адрес книжного магазина представлен в сокращённом виде, предположительно, это книжный магазин З. Ш. Среберка по улице Б.-Стефановской, 6 [6, с. 258].

¹⁷ В переводе с идиш «Майские цветы».

¹⁸ Суккот празднуется с 28 сентября по 5 октября, по Библии Суккот – «праздник собирания плодов».

¹⁹ Симхат Тора (праздник радости Торы) празднуется 5 октября, завершает череду осенних еврейских праздников.

Журнал выходил в известном виленском еврейском издательстве «Израелитъ», о чём сообщается в надзаголовочных данных, с указанием улицы, где располагалось это издательство, – «Рудницкая»²⁰ (в журнале эта информация набрана на идиш и на русском языке).

В конце XIX – начале XX в. в крупных издательских фирмах типа «Израелитъ» сосредотачивается весь издательско-торговый процесс: типография и издательство, книжные склады и магазины. При этом выпуск периодики был приоритетным, а книгоиздание – второстепенная задача [9, с. 555]. Так, в журнале сообщается, что при книгоиздательстве «Израелитъ» был книжный магазин еврейской книги, а печатался «Май Блумен...» – в виленской Типографии Э. Э. Новицкого²¹ (ул. Дворцовая, дом № 11). В номере много иллюстраций, публикуется список новых поступлений книжного магазина «Израелитъ», отпечатанный красной типографской краской.

Появление и эволюция еврейской печати оказали большое влияние на развитие книгоиздания на идиш, а также на развитие книгоиздания страны в целом. Сохранение и исследование еврейской печати Северо-Западного края – актуальная задача. Во-первых, это составная часть культуры Беларуси, зёмли которой входили в черту еврейской оседлости. Во-вторых, это часть нашей истории, мало изученная в этом контексте. Сегодня журналы на идиш²² – книжная редкость, они представляют несомненный интерес для книговедов, историков, культурологов, – всех, кто интересуется историей Северо-Западного края, где, в силу исторических обстоятельств, эти издания практически не сохранились.

---

²⁰ По улице Рудницкой, 10 в Вильне находился также книжный магазин еврейской книги, принадлежащий хозяину этого издательства «Израелитъ» [6, с. 258].

²¹ Иногда еврейская пресса печаталась в русских типографиях. Поскольку спрос на еврейские издания был велик, издатели пристраивали свою печать там, где это было возможно.

²² Имеется в виду периодика на идиш, выходившая до 1915 г., т. е. до того момента, когда еврейскую прессу и всякую другую еврейскую литературу запретили как неблагонадежную. В первое десятилетие Советской власти язык идиш был признан единственным языком широких народных масс, в т. ч. языком еврейского издательского дела (в то же время иврит, объявленный языком «клерикальных и националистических кругов», подвергался запретам и гонениям). Русско-еврейское книжное дело было ликвидировано к концу 1920-х гг. вместе с последними русско-еврейскими периодическими изданиями («Еврейская летопись», «Еврейский альманах», «Еврейская старина»), уступив место еврейской пролетарской культуре на идиш [2, с. 40].

Список использованных источников

1. Сатирические журналы 1905–1907 гг. из фондов Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси / Национальная академия наук Беларуси, Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа; сост.: А. В. Стефанович (ответ. сост.), Е. П. Денисенко, И. Л. Мурашова; редкол.: А. И. Груша (глав. ред.) [и др.]. – Факсимил. изд-е. – Минск: Беларуская навука, 2016–2017. – Вып. 3: С – Я. – Минск: Беларуская навука, 2017. – 297 с.
2. *Кельнер, В. Е.* Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX – начале XX в. / В. Е. Кельнер. – Санкт-Петербург, 2003. – 240 с.
3. Еврейская энциклопедия: свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / Под общ. ред. д-ра Л. Каценельсона. – Санкт-Петербург: Изд-во Брокгауз-Ефрон, [б. г.]. – Т. 14: Сараево – Трани. – 960 с.
4. *Варганов, Ю. П.* Из истории крупнейших еврейских типографий г. Вильны второй половины XIX в.: Типография-издательство Ромм / Ю. П. Варганов // Исторические судьбы евреев в России и СССР: Начало диалога: сб. статей / отв. ред. И. Крупник. – М., 1992. – С. 223–231. – (Сер. Нов. евр. биб-ка; № 1).
5. Русская сатира первой революции 1905–1906 / сост. В. Боцяновский, Э. Голлербах. – Ленинград: Госуд. изд-во, 1925. – 224 с.
6. Вся Вильна: Адресная и справочная книга. 1914. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1914. – Изд. VI. – С. 258.

(Дата поступления: 10.12.2019).

Козлов О. В.

Смоленский государственный университет, Смоленск

Kozlov O.

Smolensk State University, Smolensk

УДК 94(476.5)«18/19»:373.3

**СОСТОЯНИЕ СЕТИ НАЧАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.****STATE OF THE NETWORK OF PRIMARY SCHOOLS
OF THE VITEBSK PROVINCE AT THE TURN
OF THE XIX–XXth CENTURIES**

В статье анализируются хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси материалы, позволяющие провести комплексное изучение сети начальных училищ Витебской губернии, сложившейся на рубеже XIX–XX вв. По-

лученные данные свидетельствуют о росте числа начальных школ и количества учащихся. Архивные источники также позволяют рассмотреть состав обучающихся, как по вероисповеданию, так и по сословной принадлежности. В статье подтверждается тенденция роста на рубеже XIX–XX вв. числа начальных училищ, подведомственных церкви. Кроме того, документы НИАБ позволяют изучить вопросы финансирования учебных заведений Витебской губернии.

Ключевые слова: Витебская губерния; низшие начальные училища; народные училища; Витебская дирекция училищ; рубеж XIX–XX вв.

The article analyzes the materials stored in the National Historical Archive of Belarus, which allow for a comprehensive study of the network of primary schools in the Vitebsk province at the turn of the XIX–XXth centuries. The data obtained indicate that the number of primary schools and students in them has increased significantly. Archival sources also allow us to consider the composition of students, both by religion and by class. The author shows, that the number of primary schools under the jurisdiction of the church increased at the turn of the XIX–XXth centuries. In addition, the NIAB documents allow you to study the financing of educational institutions of the Vitebsk province.

Keywords: Vitebsk province; lower elementary schools; public schools; Vitebsk school directorate; the turn of the XIX–XXth centuries.

Материалы, хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (отчеты Витебской дирекции училищ), статистические данные из Памятных книжек Витебской губернии, а также сведения, приводимые в работах дореволюционных и современных исследователей, позволяют провести комплексный анализ формирующейся сети начальных образовательных учреждений, действовавших на территории губернии на рубеже XIX–XX вв. Например, в отчете Дирекции за 1897 г. констатировалось, что всех подведомственных ей учебных заведений насчитывалось 407, из которых 260 принадлежали к христианским, а 147 – к еврейским училищам. К первым относились 5 городских училищ (по Положению 21 мая 1872 г.). Из них четырехклассных было 1, трехклассных и двухклассных – по 2. Уездных двухклассных училищ в Витебской губернии насчитывалось 6. Кроме того, действовало одно двухклассное сельское народное училище и 29 городских начальных одноклассных училищ, два из которых располагались при лютеранских церквях. 27 из этих училищ были предназначены для обучения девочек. Сельских народных училищ этого сегмента было 205, два из них имели еще по одному отделению (всего – 207) [4, л. 8].

12 начальных училищ содержались за счет частных средств. Из них женских первого разряда – 1, второго – 2, третьего – 6. Для детей обоего пола предназначалось 3 училища третьего разряда. К 16 еврейским

учебным заведениям относились 5 казенных начальных одноклассных (по Положению 24 марта 1873 г.) и 11 народных мужских и женских школ (всего – 16). Общее число частных еврейских школ в Витебской губернии составляло 131, в том числе 10 мужских и женских для «чинов русской грамотности и ремесленных училищ», а также 5 талмудов и 116 хедеров [4, л. 8–8 об.].

По другим данным, из того же отчета Витебской дирекции училищ за 1897 г., сельских школ насчитывалось 208, на одну больше, чем было приведено выше. По уездам они были распределены следующим образом: Витебском – 15, Велижском – 14 (в том числе одно двухклассное МНП), Городянском – 20, Двинском – 22, Дриссенском – 17, Лепельском – 28, Люцинском – 21, Невельском – 18, Полоцком – 20, Режицком – 19, Себежском – 15. В них обучалось 20 539 человек, в христианских училищах 17 056 (13 836 мальчиков и 3220 девочек), в еврейских обучалось 3483 человека (2801 мальчик и 682 девочки). При этом в хедерах проходили обучение только 933 мальчика. Статистические данные свидетельствуют, что, по сравнению с прошлым годом, число всех учащихся увеличилось на 1907 человек или на 10,2 %, в том числе в христианских на 1408 или на 9 %, в еврейских на 499 человек или на 16 % от общего числа учащихся [4, л. 9].

Архивные источники позволяют рассмотреть состав обучающихся в подведомственных Витебской дирекции начальных училищах и по сословной принадлежности: дворян – 531 человек, лиц духовного звания – 159, представителей городских сословий – 6993, сельских – 12 853, по вероисповеданию: православных насчитывалось 11 224, старообрядцев – 702, иудеев – 4498, римско-католиков – 3276, лютеран – 839. Кроме того, среди учащихся были трое иностранцев. Всего же в 1897 г. обучалось 20 539 детей [4, л. 9 об.].

Что касается контингента учителей и обслуживающего персонала христианских учебных заведений, то в ведении Дирекции в отчетном 1897 г. он составлял 679 человек, 282 из них являлись учителями и учительницами. Интересным является тот факт, что по имеющимся данным все преподаватели сельских народных училищ имели установленные учительские звания и прошли обучение: в учительских семинариях – 111 человек, или 53,6 %, в высших и средних учебных заведениях (духовных и женских епархиальных училищах и женских гимназиях) – 64 человека, или 30,9 %, в низших училищах преподаватели получили аттестат учителя в результате экзамена – 32 человека, или 15,5 % [4, л. 10].

Документы НИАБ позволяют рассмотреть вопросы финансирования учебных заведений Витебской губернии в конце XIX в. Так, в 1897 г. на содержание подведомственных Дирекции училищ было израсходовано 187 484 руб. 51 коп. [4, л. 10 об.] В отчетном году на содержание христианских учебных заведений было выделено 221 070 руб. 11 коп. В среднем на городское училище выходило 5405 руб. 15 коп., двухклассное – 2620 руб. 90 коп., начальное мужское городское – 616 руб. 29 коп., женское – 374 руб. 33 коп., сельское народное училище – 499 руб. 20 коп.: с учетом общественного продовольствия – 613 руб. 57 коп. и частного училища – 1920 руб. 46 коп. Кроме того, в 1897 г. библиотеки училищ были пополнены 805 томами книг на сумму 905 руб. 85 коп. и учебными пособиями на 232 руб. 67 коп. [4, л. 11].

Данные за 1898 г., полученные из отчета о состоянии учебных заведений, подведомственных Витебской дирекции народных училищ, показывают тенденцию роста их количества. Их общее число увеличилось на 11 и достигло 418, в том числе христианских 210 (при 665 учителях), а еврейских – 148. Число обучающихся в них составило 21 593, что на 1054 человек превысило данные за 1897 г. Обучающихся в христианских учебных заведениях насчитывалось 18 075 человек (мальчиков – 14 650, девочек – 3425). В еврейских школах – 3518 человек, соответственно мальчиков – 2782 и девочек – 731. В хедерах училось всего 935 мальчика. По вероисповеданию во всех учебных заведениях губернии было православных – 11 890, старообрядцев – 702, римско-католиков – 3520, лютеран – 806, иудеев – 4675 [4, л. 18–18 об.].

По данным современных исследователей, на территории северо-западных белорусских губерний начиная с 1880-х гг. особенно быстро росла сеть школ церковного ведомства. Наибольшее число церковно-приходских школ было открыто в Витебской, Минской и Могилевской губерниях [2, с. 261]. В монографии А. И. Ганчар приведены Правила о церковно-приходских школах, утвержденных Александром III 13 июня 1884 г. [2, с. 251–253]. Автор, например, подчеркнул, что для привлечения большего числа римско-католиков в церковно-приходские школы действовало специальное правительственное распоряжение, дающее послабления и льготы их учащимся в отбывании воинской повинности [2, с. 265].

В статье Е. Б. Лавицкой указано, что к 1890 г. в Витебской губернии уже было 204 школы, подчиненных епархии, в том числе 2 двухклассных, 144 одноклассных начальных училища и 58 школ грамоты. Автор

отмечает тенденцию их роста. По ее данным, с 1890 по 1896 г. число церковно-приходских школ увеличилось на 112, а школ грамоты – с 58 до 492. Е. Б. Лавицкая объясняет такую статистику крайней скудостью средств, имевшихся в распоряжении духовенства, и тем, что крестьяне нередко сами становились инициаторами открытия школ-грамоты, потому что они не требовали от них особых затрат на снаряжение учеников одеждой и содержание детей в общежитиях [3, с. 105].

Е. Б. Лавицкая привела данные, согласно которым к 1905 г. число школ-грамоты достигло 640, но со следующего 1906 г. их количество начало быстро уменьшаться и в 1909 г. составило только 331 школу. Кроме того, автор указала, что с 1905 г. был уменьшен размер пособия для школ грамоты (с учителями неправопособными), т. е. не имеющими специального педагогического образования. Таким образом, Е. Б. Лавицкая делает вполне обоснованный вывод, базирующийся на мнении провинциальной общественности того времени: «этот тип школы, столь симпатичный крестьянству, но не встретивший никакой поддержки со стороны интеллигенции и высших учреждений, занимающихся школьным делом, можно считать обреченным на уничтожение» [3, с. 103–108].

В работе Е. Н. Бусел также отмечается, что на территории Витебской губернии «в сфере начального образования наметились тенденции к усилению религиозности и воссозданию школ церковного ведомства». Так, до 1880-х гг. количество школ Святейшего Синода было единичным, но к концу XIX в. в церковно-приходских школах, например, Полоцкой епархии стало обучаться 8389 учащихся, в то время как в школах грамоты – 15 799 человек [1, с. 62]. В целом, по мнению Е. Н. Бусел, на начало XX в. более 50 % сельских детей обучались в школах церковного ведомства [1, с. 79].

Автор отметила и то, что с 1880-х гг. в училищах МНП и духовного ведомства начало вводиться обучение ремеслам и рукоделию. В конце XIX в. в Витебской губернии действовало трехклассное еврейское ремесленное училище в г. Двинске, а к 1897 г. при городских училищах губернии были созданы специальные ремесленные классы в Витебске – 1, Двинске – 2, Режице – 1, а в Невельском училище были организованы классы для обучения кузнечно-слесарному и столярно-токарному мастерству [1, с. 72].

Е. Н. Бусел констатировала, что из еврейских училищ в 1897 г. обучение аналогичным ремеслам производилось в Велижском, Полоцком и Лепельском начальных и Двинском ремесленном училищах. Автор по-

дытожила, что в целом за период с 1891 по 1900 г. при учебных заведениях, находящихся в ведомстве Дирекции, было открыто 15 ремесленных классов: 7 по кузнечно-слесарному, 8 по столярно-токароному делу. Из них 7 при городских училищах, 8 при сельских. При этом самостоятельные «промышленные училища» в Витебской губернии возникли только в начале XX в. [1, с. 72].

Кроме того, Е. Н. Бусел утверждает, что к концу XIX в. в Витебской губернии назрела потребность в подготовке квалифицированных кадров и в сфере сельского хозяйства. Возникли Зачернянская низшая четырехклассная сельскохозяйственная школа (1894–1903 гг.), открытая владельцем м. Зачерня и включавшая один подготовительный и три основных класса, а также школа в имении Амбросовичи Витебского уезда, принадлежащая помещику Перотту [1, с. 73].

Е. Н. Бусел приводит сведения о том, что к 1 января 1903 г. доля сельских детей Витебской губернии не посещающих школу варьировалась от 81,1 % до 87,2 %. В периодической печати начала XX в. нередко появлялись статьи, требующие обратить внимание общественности на организацию учебного процесса в сельских начальных училищах, при том, что в 1901 г. на народное образование в Витебской губернии было израсходовано 33 811 руб., из которых более 50 % составляли средства сельских обществ [1, с. 77]. Начиная с 1904 г., стала разрабатываться школьная сеть, рассчитанная на осуществление всеобщего начального обучения детей в 30-летний срок [1, с. 78].

В отчетах инспекторов о состоянии учебных заведений Витебской губернии за 1903 г. содержатся конкретные сведения об отдельных ремесленных школах. Например, утверждается, что Режицкая низшая ремесленная школа была учреждена на основании высочайшего повеления от 10 июня 1900 г., а ее открытие состоялось 5 октября 1901 г. Содержалась она за счет казны с ежегодным пособием от города в размере 1465 руб., кроме того, городом была выделена ей десятина земли и отпущено безвозвратно 26 тыс. руб. на постройку собственного здания для школы. Предполагалось обучать детей слесарно-кузнечному, жестяному, колесно-тележному и столярному ремеслам, причем каждое ремесло должно было преподаваться отдельно. Также были определены штаты: мастеров – 4, подмастерьев – 2. С введением новых штатов по Положению, утвержденному 25 марта 1902 г., в школе работало два отделения: по обработке металла и дерева, что соответствовало подобному типу низших ремесленных школ в империи [5, л. 99–100]. На содержание

школы ежегодно отпускалось 4670 руб. Кроме того, МНП в 1903 г. выделило училищу 1 тыс. руб. на обучение слесарно-кузнечному и столярно-токарному делу [5, л. 100 об.].

Из архивных документов известно, что должность почетного смотрителя Режицкой низшей ремесленной школы в 1903 г. оставалась вакантной. Заведующим этого учебного заведения был назначен Иван Петрович Иванов, мастером – техник Лавр Пантелеймонович Зубченко, законоучителем и учителем русского языка – Михаил Иванович Жеранин. В отчете инспектора народных училищ содержатся сведения о заработной плате преподавателей специальных дисциплин: слесарного подмастера Артемия Лярского (300 руб.), кузнечного подмастера Ануфрия Мельника (300 руб.), служителя школы Августа Дубкевича (156 руб.). Всего в декабре 1903 г. в школе обучалось 60 человек [5, л. 101, 102 об., 105, 106 об., 107].

Что касается других источников, то в Памятной книжке Витебской губернии на 1900 г., в «Списке народных училищ и учебного в них персонала» указано всего лишь 200 христианских, а также 5 начальных и 7 народных еврейских училищ [6, с. 133–151]. В Памятной книжке Витебской губернии на 1903 г. дан перечень учебных заведений, в котором зафиксированы в г. Витебске: городское четырехклассное училище с ремесленным классом и педагогическими курсами, первое мужское приходское одноклассное (с женской сменой) училище, второе, третье и четвертое мужское приходское одноклассное училище, женское двухклассное и одноклассное приходские училища, начальное женское училище, воскресная мужская школа при 3-м мужском приходском училище, воскресная женская школа при 2-м мужском приходском училище, училище при евангельско-лютеранской церкви, семиклассное с правительственной субсидией женское перворазрядное училище, семиклассное с приготовительным классом женское перворазрядное училище, а также училище для глухонемых детей обоего пола [7, с. 48–52].

В Памятной книжке Витебской губернии на 1903 г. упоминаются частные еврейские училища: четырехклассное женское с приготовительным классом и вечернею женскою сменой для взрослых, четырехклассное женское с приготовительным классом, трехклассное женское с вечернею мужскою сменой и талмуд-тора с двумя отделениями [7, с. 52–54].

В Витебском уезде в подчинении МНП находились городские училища: Сурожское городское трехклассное училище, Зачернянская низ-

шая сельскохозяйственная школа 1-го разряда [7, с. 81]. В Велижском уезде числились училища: городское четырехклассное, первое и второе мужское одноклассное приходское, женское приходское, женская воскресная школа при женском приходском училище, женское четырехклассное, еврейское женское одноклассное с приготовительным классом училище [7, с. 89–90]. В Городокском уезде значились училища: городское двухклассное, приходское одноклассное с женскою сменой, в Двинском – реальное училище, Двинская женская гимназия, городское 1-е трехклассное с ремесленным классом училище, городское 2-е четырехклассное с ремесленным классом училище, приходское одноклассное с женскою сменой училище, первое начальное училище (для детей ремесленников), второе начальное училище с женской сменой, третье начальное имени А. С. Пушкина училище, училище при евангелистской-лютеранской церкви, шестиклассное женское с приготовительным классом училище, четырехклассное женское училище, еврейское трехклассное ремесленное училище, женское еврейское двухклассное с мужскою сменой училище, женское еврейское одноклассное училище, Креславское еврейское мужское двухклассное училище и школа талмуд-тора [7, с. 97, 113–118].

В Дриссенском уезде действовали училища: городское трехклассное, приходское одноклассное с женскою сменой, частное женское одноклассное, Освейское одноклассное приходское училище [7, с. 133]. В Лепельском уезде работали: городское трехклассное училище, мужское одноклассное приходское и женское одноклассное приходское училища [7, с. 142–143]. В Люцинском уезде функционировали: городское трехклассное училище с ремесленным классом, приходское одноклассное с женскою сменой училище [7, с. 151–152]. В Невельском уезде были: городское четырехклассное с ремесленным классом училище, приходское одноклассное с женскою сменой училище, частное женское одноклассное училище и талмуд-тора [7, с. 160–161]. В Полоцком уезде открылись: Полоцкая учительская семинария, Полоцкая четырехклассное городское училище, женское одноклассное приходское училище, женское пятиклассное училище, частное одноклассное училище для детей обоего пола, талмуд-тора и Полоцкое мужское духовное училище [7, с. 171–173]. В Режицком уезде имелись: городское трехклассное с ремесленным классом училище, ремесленная школа, приходское одноклассное (с женскою сменой) училище, женская воскресная школа, состоящая при при-

ходском училище и талмуд-тора [7, с. 181–182]. В Себежском уезде располагались: городское трехклассное училище, приходское одноклассное (с женской сменой) училище, женская воскресная школа при приходском училище [7, с. 190–191].

В той же Памятной книжке Витебской губернии на 1903 г. приведен список 271 народного училища [7, с. 52–64]. Еврейских начальных училищ в Витебской губернии по данному списку было: одно двухклассное с приготовительным и ремесленным классами в г. Витебск, одно такое же Велижское, одно Двинское одноклассное с приготовительным классом, Лепельское одноклассное с приготовительным классом и ремесленным отделением и Полоцкое одноклассное с приготовительным классом и ремесленным отделением [7, с. 64–65]. В уездах Витебской губернии действовали: Люцинское, Невельское, Режицкое, Суражское, Чашницкое с женской сменой, Бешенковичское, Глазманское, Крейцбургское, Себежское народные училища [7, с. 65]. Помимо того, в списке по г. Витебску числилось 7 церковно-приходских школ, а по уезду – 27. По всей губернии таковых было 218 школ [7, с. 66–78].

Интересный материал собран в небольшой работе дореволюционного исследователя И. А. Самойловича «Экономическое значение народного образования положение последнего и его нужды в Витебской губернии», вышедшей в 1903 г. Автор привел данные, в том числе о сельском населении Витебской губернии, которое составляло на тот момент 1 418 500 человек, из них детей школьного возраста (8–14 лет) было 202 642 человек. И. А. Самойлович показал динамику роста сельских начальных училищ, находящихся в ведении Витебской дирекции училищ: на 1 января 1898 г. – 205, в 1899 г. – 216, в 1900 г. – 220, 1901 г. – 230, в 1902 г. – 243, в 1903 г. – 273 [8, с. 33, VIII].

Кроме того, И. А. Самойлович привел письменное свидетельство учителя Матусевича о материальном положении сельских преподавателей в Витебской губернии, в котором сообщалось, что наивысший оклад жалованья сельского учителя едва достигает до 360 руб., при этом подавляющее большинство получает всего лишь 200 руб. Расходы же учителя составляли: квартира 15–20 рублей, отопление 10–20 руб., освещение 7–10 руб., услуги сторожа 12–15 руб. Из данных, полученных из письма Матусевича, видно, что учителя редко получали от крестьянского общества так называемую «хлебную ссыпку четверти 2–3 хлеба, стоимость всего получаемого от общества натурой доходит до 100 рублей» [8, с. 40–41, VIII].

В целом, по подсчетам И. А. Самойловича, в Витебской губернии к 1 января 1903 г. числилось 1083 начальных народных училищ [8, с. 25, VIII]. При этом он считал, что из общего числа училищ следовало исключить 586 школ грамоты с 12 350 учащимися, которые в большинстве случаев не обеспечены ни собственными благоустроенными помещениями, ни правоспособными учителями, ограничивающимися лишь простой грамотой [8, с. 25, 27, VIII].

Таким образом, по данным И. А. Самойловича, общее число начальных училищ, без школ грамоты, составляло 493 (министерских – 273, церковно-приходских – 220) с общим числом учащихся 25962 человек, а это в свою очередь составляло 1,83 % от всего населения и 12,8 % от всех детей школьного возраста Витебской губернии. В министерских училищах обучалось 15 295 человек, или 7,5 % детей школьного возраста, и церковно-приходских школ – 10 667 человек, или 5,3 % детей школьного возраста. В результате 176 680 человек или 87,2 % детей школьного возраста Витебской губернии оставались вне школ и обучения. Одно училище приходилось на 2877 жителей, а один учащийся на 54 жителя губернии. Подобные показатели, по мнению И. А. Самойловича, свидетельствовали о невозможности решения вопроса всеобщего начального обучения, который «с особой настойчивостью выдвигался на первый план самим ходом исторической жизни и стоял в тесной и прямой связи с той эволюцией, которую претерпевает теперь народное хозяйство нашего отечества» [8, с. 29–30].

Список использованных источников

1. Бусел, Е. Н. Развитие системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века: монография / Е. Н. Бусел. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – 172 с.
2. Ганчар, А. И. Римско-Католическая Церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вт. пол. XIX – начало XX вв.) / А. И. Ганчар. – Минск: Медисонт, 2015. – 582 с.
3. Лавицкая, Е. Б. Развитие начального образования на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века (на примере церковных школ Полоцкой епархии) / Е. Б. Лавицкая // Вестник Витебского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 103–108.
4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (далее – НИАБ г. Минск). – Фонд 2507. – Оп. 1. – Д. 2198.
5. НИАБ г. Минск. – Фонд 2507. – Оп. 1. – Д. 2785.
6. Памятная книжка Витебской губернии на 1900 г. – Витебск, 1900.

7. Памятная книжка Витебской губернии на 1903 г. – Витебск, 1903.

8. *Самойлович, И. А.* Экономическое значение народного образования положение последнего и его нужды в Витебской губернии / И. А. Самойлович. – Витебск: Губернская типо-литография, 1903. – 82 с.

(Дата поступления: 23.11.2019).

Ляневіч А. С.

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

Lianeovich A.

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94: 796/799

**СПОРТ І СПАРТЫЎНЫЯ АБ'ЯДНАННІ
Ў ЖЫЦЦІ ДВАРАНСТВА РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ
Ў КАНЦЫ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ**

**SPORT AND SPORTS ASSOCIATIONS IN THE LIFE
OF THE NOBILITY OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LATE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY**

У артыкуле разгледжана пытанне развіцця спорта і спартыўных аб'яднанняў на тэрыторыі Расійскай імперыі канца ХІХ – пачатку ХХ стагоддзя, у тым ліку на беларускіх землях, а таксама яго месца ў прыватным, грамадскім жыцці дваранства разглядаемага перыяду.

Ключавыя слова: спорт; папулярызацыя спартыўных гульняў; спартыўныя таварыствы; гульні; конны спорт; паляванне; тэніс; кракет; дваранства; Расійская імперыя; часопісы; спартыўныя выданні.

In the article the question of the development of sports and sports organizations in the Russian Empire in the late XIX – beginning of XX centuries, including the Belarusian lands, as well as its place in the private, public life of the nobility, the period under review.

Keywords: sports; popularize sports games; sports associations; sports; horseback riding; hunting; tennis; croquet; the nobility; the Russian Empire; magazines; sports publications.

Сёння спорт і фізічная культура з'яўляюцца неад'емнай часткай жыцця сучаснага грамадства. Акрамя галоўнай сваёй функцыі, якая накіравана на ўмацаванне здароўя, развіццё фізічных здольнасцей ча-

лавека праз заняткі фізічнымі практыкаваннямі, альбо пэўнымі відамі спорта, дзейнасць спартыўных таварыстваў і г. д., ён уключаны ў сацыяльна-культурную сферу, дзе акрамя аздараўленчай яму ўласцівы выхаваўчыя функцыі, што звязвае спорт з практыкамі традыцыйнага выхавання і этнапедагагікай. Агулам, фізічнае выхаванне на працягу гісторыі пад уплывам развіцця грамадска-палітычных адносін паступова пранікае не толькі ў культуру, але і ў іншыя вобласці прыватнага і сацыяльнага жыцця чалавека, у тым ліку палітыку, эканоміку і г. д.

Найбольш актыўным гэты працэс назіраецца ў XIX стагоддзі, калі фізічнаму выхаванню пачынае надавацца вялікая ўвага як з боку энтузіастаў праз стварэнне гімнастычных таварыстваў (Гімнастычныя саюзы ў Германіі, Сакольскі рух у Чэхіі, Расійскай імперыі і т. п.), так і дзяржавы, дзе яго практыкавалі ў якасці сродка ўмацавання здароўя ў выхаваўчым і адукацыйным працэсе ў выглядзе гімнастычных заняткаў [9, с. 168–209].

Калі пасля стварэння Міністэрства народнай асветы, а затым зацвярджэння Аляксандрам I «Статута навуковых устаноў» («Устав учебных заведений») у 1804 годзе, па якому ішло рэгуляванне сістэмы адукацыі, якая ўключала прыхадскія і павятовыя вучылішчы, гімназіі і ўніверсітэты, дзе ў апошніх фізічнае выхаванне лічылася як неабавязковы прадмет, то пазней былі прыняты меры па абавязковаму выкладанню гімнастыкі ў ваенных навучальных установах, а таксама з 1838 года гімнастыкай і фехтаваннем сталі займацца і ў гвардзейскіх палках [17; 21, с. 74–79].

Напрыклад, у кадэцкіх карпусах, якія давалі пачатковую ваенную адукацыю і былі папулярныя сярод дваран, даючы мажлівасць працягу ваеннай кар’еры, абавязковымі былі заняткі гімнастыкай, танцамі, а ў некаторых карпусах – верхавой яздой [5, с. 16–17]. Варта адзначыць, што ў канцы XIX стагоддзя вышэйадзначаныя ўстановы штогод выпускалі каля 12 тыс. прадстаўнікоў разглядаемага саслоўя на ваенную і грамадзянскую службу [22].

Больш павольнымі тэмпамі ішло ўкараненне ўрокаў фізічнай культуры ў гімназіях, дзе працяглы час яны лічыліся неабавязковымі, але ўжо да пачатку XX стагоддзя гімнастычныя заняткі прысутнічалі практычна ва ўсіх установах як абавязковы прадмет, а апублікаваная ў 1889 годзе «Інструкцыя выкладання гімнастыкі ў мужчынскіх вучэбных установах ведамства Міністэрства народнай асветы» («Инструкция для преподавания гимнастики в мужских учебных заведениях ведомства Минис-

терства народного просвещения») утрымлівала некалькі раздзелаў, дзе апісваліся практыкаванні, у тым ліку з палкамі, мячом, брусямі і інш. Між іншым, працэнт дваран, якія навучаліся ў класічных гімназіях, быў даволі высокі і складаў прыблізна 50 % ад агульнай колькасці навучэнцаў, а, напрыклад, у Вільні гэты паказчык быў каля 70 %, што тлумачыцца мажлівасцю выпускнікоў дадзеных устаноў паступаць ва ўніверсітэты і будаваць кар’еру на дзяржаўнай службе [7, 16].

Такім чынам, папулярызацыя здаровага ладу жыцця сярод навучэнцаў адукацыйных і вайсковых устаноў прыводзіла да ўключэння ў спартыўную сферу большай часткі гарадскога насельніцтва (у першую чаргу маладога пакалення) і прадстаўнікоў дваранскага саслоўя, якія складалі значную частку вышэйадзначанай катэгорыі [22].

Перыяд XIX стагоддзя ў краінах Еўропы адзначыўся не толькі эканамічнымі пераменамі праз індустрыялізацыю вытворчых адносін, тэхнічнай і інтэлектуальнай рацыяналізацыяй, станаўленнем і ўмацаваннем буржуазнага грамадства, паскарэннем сацыяльнай мабілізацыі, але і адраджэннем старагрэчаскай традыцыі культуры цела, што выявілася ў стварэнні нацыянальных сістэм фізічнай падрыхтоўкі: нямецкай, шведскай, французскай. На гэтым фоне актыўна пачынаюць з’яўляцца першыя гімнастычныя класы, распрацоўвацца тэарэтычная база, што ў сваю чаргу было звязана з неабходнасцю фізічнага выхавання грамадства ў тагачасных умовах [23].

Акрамя адукацыйнай сферы, дзе на працягу ўсяго разглядаемага перыяду заняты фізічнай культурай паступова становяцца нормай у выхаваўчым працэсе навучальных устаноў не толькі заходнееўрапейскіх краін, але і Расійскай імперыі, уцягненне розных слаёў насельніцтва ў спартыўнае асяроддзе адбываецца праз дзейнасць ствараемых таварыстваў і аб’яднанняў.

Адным з рухавікоў вышэйадзначанага напрамку былі нямецкія землі, дзе яшчэ ў 1810 годзе пры берлінскай школе Пламана гурток аматараў гімнастыкі, дзе фактычна была закладзена аснова нямецкай гімнастыкі, альбо «Turnkunst», якую пасля дапрацаваў і актыўна прапагандаваў педагог Фрыдрых Людвіг Ян (Friedrich Ludwig Jahn, 1778–1852), якому належыць шэраг прац па ўдасканаленню сістэмы практыкаванняў і распрацоўка нацыянальнай ідэі фізічнай культуры («Deutsche Turnkunst» (1816), «Deutsches Volkstum» (1810), «Die deutsche Turnkunst» (1816) і інш.). У 1811 годзе гурток быў рэарганізаваны ў Turnverein («Гімнастычны саюз») – масавую гімнастычную арганізацыю, па прыкладу

якой падобныя таварыствы ўзніклі ў гарадах па ўсёй Германіі [9, с. 171–174; 25].

Па аналогіі з нямецкімі, а пазней французскімі аб'яднаннямі на хвалі нацыянальна-патрыятычнага настрою сярэдзіны XIX стагоддзя ў Аўстра-Венгерскай імперыі чэшскага насельніцтва ў 1862 годзе прафесарам, грамадскім дзеячам Міраславам Тыршам (Miroslav Tyrš, 1832–1884) у Празе закладаецца аснова маладзёжнага спартыўнага руху «Сокал», які прадугледжваў акрамя фізічнага развіцця, духоўна-маральнае і патрыятычнае выхаванне моладзі [18].

Трэба адзначыць, што на хвалі панславізму, які аформіўся як ідэйная плынь і грамадска-палітычны рух пасля Першага славянскага кангрэса ў Празе ў 1848 годзе і пачаў распаўсюджвацца сярод славянскіх народаў, за некалькі дзесяцігоддзяў сакольскія арганізацыі пачалі стварацца на тэрыторыі многіх дзяржаў, у тым ліку Расійскай імперыі. Ужо ў лютым 1882 года было накіравана прашэнне аб хадайніцтве перад Міністрам унутраных спраў аб заснаванні «Рускага гімнастычнага таварыства» ў Маскве, якое склалі прадстаўнікі маскоўскай інтэлегенцыі, купецтва, а таксама прадстаўнікі дваранства, сярод якіх М. М. Львоў, А. А. Катуар, Г. І. Крысці, граф Г. І. Носціц і інш., праз год аб'яднанне было зарэгістравана і праз пэўны час пачало называцца Першае РГТ «Сокал» [3, с. 12–15].

Актыўная папулярызацыя сакольскага руху прывяла да з'яўлення гімнастычных саюзаў практычна ва ўсіх буйных гарадах краіны, суполкі ўзніклі ў Тыфлісе, Санкт-Пецярбургу, Вільні, Кіеве, Мінску, Харкаве, Чарнігаве і інш., а да пачатку Першай сусветнай вайны ўжо дзейнічала больш за 60 таварыстваў, якія аб'ядноўвалі каля 250 тыс. чалавек. Не ў апошнюю чаргу спрыяла гэтаму і ўвядзенне с 1910 года сакольскай гімнастычнай сістэмы ў дзяржаўную сферу фізічнага выхавання і выкладанне яе ў навучальных установах і арміі. Між іншым, цікавай акалічнасцю з'яўляецца тое, што ў Расійскай імперыі фактычна існавалі два рухі – рускі і польскі, апошні да пачатку XX стагоддзя існаваў падпольна, што было абумоўлена не ў апошнюю чаргу нацыянальна-патрыятычнымі памкненнямі яго ўдзельнікаў, частку якіх складалі прадстаўнікі польскай шляхты [8; 27, с. 7–10].

Разам з класічнай гімнастыкай у XIX ст. пачалі набіраць папулярнасць разнастайныя віды спорту, якія спачатку практыкаваліся ў межах гімнастычных таварыстваў альбо ў якасці гульнявых разваг ці самастойных секцый, а затым адасабляліся ці ствараліся ў выглядзе самастойных

аб'яднанняў. Такім чынам, акрамя «Сокала», папулярызаванай здаровага ладу жыцця і фізічнай культуры займаліся рознапрофільныя супольнасці, дзе практыкаваліся найбольш папулярныя на той момант гульні: лаўн-тэніс, футбол, хакей, грэбля і плаванне, цяжкая і лёгкая атлетыка і інш. Часта стваральнікамі і актыўнымі сябрамі падобных клубаў выступалі прадстаўнікі арыстакратыі, што не ў апошнюю чаргу абумоўлена наяўнасцю ў дадзенага саслоўя вольнага часу, неабходнымі матэрыяльнымі ўмовамі і фінансавай незалежнасцю [19].

Так, напрыклад «Мінскае гарадское таварыства аматараў спорту» было створана ў 1892 годзе, дзе адным з заснавальнікаў, а затым і кіраўніком быў гарадскі галава граф Караль Гутэн-Чапскі. Таварыства ў першыя гады існавання аб'ядноўвала ў сваіх шэрагах болей ста членаў, сярод якіх значыліся і прадстаўнікі гарадской арыстакратыі – князь М. М. Трубяцкой, М. Г. Валовіч, В. Г. Панамароў, К. Л. Плаўскі, Э. Л. Абронпальскі, Е. І. Любанскі, які ў сваю чаргу з'яўляўся кіраўніком гарадскога веласіпеднага таварыства, якое мела ў Губернатарскім садзе велатрэк – першы гарадскі стадыён, і інш. [2; 14, с. 33; 15, с. 101; 24, с. 184–184].

Падобным чынам узнікла адно з першых віленскіх спартыўных аб'яднанняў – «Таварыства веласіпедзістаў», у члены якога ўваходзілі Р. М. Страўс, С. А. Ваньковіч, У. У. Ягучанскі і інш., а таксама гродзенскае аб'яднанне аматараў веласіпеднага спорта, дзе сябрамі былі Б. Д. Згорскі, Л. Г. Равуцкі, К. В. Васілеўскі і інш., альбо Віцебскае аддзяленне таварыства веласіпедзістаў «Уніон», дзе сакратаром значыўся В. Ф. Цеханавецкі [1; 10, с. 117; 13, с. 57; 17, с. 82].

Веласіпедныя і атлетычныя клубы былі аднымі з самых распаўсюджаных у Расійскай імперыі, яны ўзнікаюць у Маскве, Казані, Пскове, Арле, Адэсе і іншых гарадах, дзе актыўны ўдзел дваранскага саслоўя ў заснаванні, дзейнасці вышэйадзначаных арганізацый быў звычайнай з'явай, нават сярод прадстаўнікоў сям'і Раманавых. Так, заснаванае ў 1897 годзе па ініцыятыве графа Г. І. Рыбапьера «Санкт-Пецярбургскае атлетычнае таварыства» знаходзілася пад апекай вялікага князя Уладзіміра Аляксандравіча [20].

Варта адзначыць, што спецыфічнай рысай многіх спартыўных таварыстваў, якія з'яўляліся ў канцы XIX ст., быў іх паўэлітарны статус, што звязана з адзначаным раней матэрыяльным цензам, пад якім неабходна разумець тая фінансавыя выдаткі, якія мусілі выплочваць іх члены (сяброўскія ўзносы, набыццё неабходнага рыштунку і абста-

лявання, якое было часцей замежнай вытворчасці, будаўніцтва спецыяльных пляцовак і г. д.). Але ўжо бліжэй да пачатку XX ст. спартыўныя арганізацыі становяцца больш дэмакратычнымі і шэраг спартыўных відаў становіцца даступным не толькі для прадстаўнікоў дваранства, але таксама для студэнтаў, служачых, інтэлігенцыі.

Між іншым некаторыя віды актыўнага адпачынку і спартыўныя гульні на доўгі час мелі і маюць вызначэнне арыстакратычных. Гэта звязана ў першую чаргу, як адзначалася вышэй, з матэрыяльным забеспячэннем, так і прыкладам бавення часу прадстаўнікамі заходне-еўрапейскіх высакародных сем'яў. Улічваючы тую акалічнасць, што распаўсюджванне гімнастыкі і дзейнасць адпаведных таварыстваў сярод дваранства пачынаюць папулярываць гульнявыя віды спорту, характэрныя для Англіі і краін Заходняй Еўропы.

Варта адзначыць, што пад словам «спорт» у разглядаемы перыяд разумелі практычна ўсе забавы на адкрытым паветры, такія як паляванне, рыбалоўства, бег, плаванне і г. д. Сам тэрмін паступова пашыраўся ва ўжытку і набываў усё больш шырокі сэнс, і энцыклапедычныя выданні пачатку XX ст. акрамя тлумачэння падавалі пералік спартыўных гульняў, сярод якіх фехтаванне, бег, кракет, лаўн-тэніс, пола, лапта, гарадкі, гімнастыка і інш. [26].

Першапачаткова разглядаемае паняцце ў культурную прастору грамадства Расійскай імперыі ўвайшло праз выданне Ф. В. Булгарына «Паўночная пчала» («Северная пчела»), дзе ў нумары за 1851 год аўтар тлумачыў новае слова, дарэчы напісанае ім у арыгінале sport як англійскае, што абазначае ўсе гімнастычныя практыкаванні альбо забавы, паляванне з сабакамі, стрэлы, фехтаванне, верхавую язду, рыбалоўства і марское паляванне. Таксама Ф. В. Булгарын адзначыў, што спорт мае вялізнае значэнне для ўмацавання здароўя цела і духа [4].

Такім чынам, значная частка дваранства была ўключана ў спартыўную сферу не толькі праз удзел у саюзях і таварыствах, але і разнастайныя заняткі, якія адносяцца да гульнявых забаў, што не патрабавалі будаўніцтва спецыялізаваных пляцовак, памяшканняў і інш. Сярод іх можна вылучыць традыцыйныя для рэгіёна гульні ў гарадкі, лапту, так і новыя – кракет, лаўн-тэніс для якіх часта хапала тэрыторыі сада, двара ці парка.

Апошнія з адзначаных спартыўных відаў знайшлі шырокае распаўсюджванне сярод прадстаўнікоў арыстакратыі Расійскай імперыі і лічыліся забавамі забяспечаных людзей. У першую чаргу яны ўспрымаліся як

від адпачынку, бо гульнявы працэс спачатку не патрабаваў значных фізічных высілкаў, што можа быць адным з фактараў вялікай цікаўнасці да іх з боку жанчын, а вялікі рост папулярнасці лаўн-тэніса і арганізацыя першых таварыстваў у Санкт-Пецярбургу і Маскве прывялі да зацікаўленасці ім членаў імператарскай сям'і Раманавых, якія актыўна практыкавалі гульню з мячом [20].

Безумоўна адным з самых вядомых і папулярных сярод дваранскага саслоўя заняткаў была верхавая язда, асновы якой практычна ўсе спасцігалі з дзяцінства, што ўваходзіла ў традыцыйную сістэму цялеснага выхавання падрастаючага пакалення. Утрыманне коней, асабліва дарагіх парод, было прэрагатывай даволі заможных прадстаўнікоў грамадства, таму не дзіўна, што конны спорт быў і з большага застаецца элітарным відам.

У перыяд XIX–XX стагоддзяў пачынаюць стварацца таварыствы, якія аб'ядноўвалі аматараў коннай язды ў многіх гарадах імперыі, напрыклад «Скакавое таварыства» у Вільні, якое ўзначальваў князь П. Д. Святаполк-Мірскі, а ганаровымі сябрамі былі князь Б. Агінскі, граф У. В. Тышкевіч, граф І. В. Ледухоўскі, К. К. Гнаінскі і інш., «Віцебскае таварыства заахвочвання рысістага коневодства» на чале з баронам Б. Б. Гершаў фон Флотаў і г. д. Акрамя таго, прадстаўнікі дваранства ўдзельнічалі ў саборніцтвах, якія арганізаваліся не толькі на тэрыторыі Расійскай імперыі, але і на міжнародных турнірах. Сярод іх – вялікі князь Дзмітры Паўлавіч, а таксама ўраджэнец Гродна Караль Румель, якія ў складзе зборнай каманды прынялі ўдзел у Алімпійскіх гульнях 1912 года [6; 10; 11, с. 117].

Не менш папулярнымі былі і іншыя віды актыўнага адпачынку, такія як фехтаванне альбо паляванне, што на працягу стагоддзяў з'яўляліся традыцыйнымі формамі не толькі разваг, але і выхаваўча-адукацыйнага працэсу сярод шляхты і дваранства. Таксама сюды можна ўключыць і народныя забавы – лапту і гарадкі, у якія не з меньшым задавальненнем гулялі і прадстаўнікі арыстакратыі, тым болей, што з цягам часу гарадошны спорт стаў адным з гарадскіх элементаў разваг, па якому ў пачатку XX стагоддзя праводзіліся турніры і чэмпіянаты.

Варта адзначыць, што паралельна з дзейнасцю адпаведных аб'яднанняў пачынаюць выходзіць з друку і тэматычныя выданні, прысвечаныя тым ці іншым відам спорту (М. Волкаў «Лаунъ-тэніс» (1890), Л. Мажажарскі «Футболъ» (1909) і інш.), першыя спецыялізаваныя часопісы, арыентаваныя на распаўсюджванне спартыўных ідэй, сярод іх – «Охот-

никъ» (1887), «Циклисть» (1895), «Спортъ» (1900), «Къ спорту!» (1911) і іншыя перыядычныя выданні, якіх налічвалася некалькі дзясяткаў.

Такім чынам, разглядаемы перыяд у жыцці грамадства Расійскай імперыі, у тым ліку беларускіх земляў, адзначыўся распаўсюджваннем і развіццём фізічнай культуры праз дзейнасць гімнастычных таварыстваў і ўвядзеннем гімнастыкі ў адукацыйны працэс, таксама як элемент заходнееўрапейскай культуры ў сацыяльна-грамадскай сферы распаўсюджваецца спорт і яго віды.

Улічваючы тую акалічнасць, што першыя аб'яднанні з'яўляліся ў гарадах, у іх стварэнні прымала ўдзел мясцовая інтэлігенцыя, купецтва, у тым ліку прадстаўнікі дваранства, якія не толькі ўключаліся ў непасрэдную арганізацыйную дзейнасць, але і былі актыўнымі папулярызатарамі ідэй культуры цела. Акрамя таго, шэраг гульняў і забаў практыкаваліся ў арыстакратычных сем'ях у якасці элементаў прыватнага і агульнаграмадскага актыўнага адпачынку, тым самым адводзячы ім адну з вядучых роляў у станаўленні спартыўнай культуры.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Гродненской губернии. – Гродна: Типографія Мейлаховича, 1900. – 17 с.
2. Алфавитный списокъ дворянским родамъ Минской губернии. – Минск: Губернская типографія, 1903. – 162 с.
3. *Беляв, И. С.* Двадцатипятилетие Русского Гимнастического Общества в Москве / И. С. Беляв. – М.: Синодальная Типографія, 1909. – 74 с.
4. *Булгарын, Ф. В.* Журнальная всякая всячина: [аб спорце, як новай з'яве ў жыцці грамадства] / Ф. В. Булгарын // Северная пчела. – 1851. – № 274. – С. 3.
5. *Воробьева, А. Ю.* Кодетские корпуса в России в 1732-1917 / А. Ю. Воробьева. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 62 с., ил.
6. *Далгаполава, Е.* «Олимпийские скачки князя Дмитрия Романова»: [аб удзелу спартсменаў у Алімпійскіх гульнях 1912 года] / Е. Далгаполава // Родина. – 2016. – № 2. – С. 44–49.
7. Инструкция для преподавания гимнастики в мужских учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. – СПб.: Типографія Балашева, 1889. – С. 10–29.
8. *Качулина, Н. Н.* Развитие сокольского движения в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. / Н. Н. Качулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – № 6–1 – Краснодар: АГУ, 2015. – С. 75–83.

9. Кун, Л. Всеобщая история физической культуры и спорта / Л. Кун. – М.: «Радуга», 1982. – 398 с.
10. Памятная книжка Виленской губернии на 1905 годъ / под ред. Н. Ф. Добровольского. – Вильна: Губернская типография, 1905. – 342 с.
11. Памятная книжка Витебской губернии на 1908 годъ / Издание Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. – Витебскъ: Губернская типография, 1908. – 300 с.
12. Памятная книжка Витебской губернии на 1914 годъ / Издание Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. – Витебскъ: Губернская типография, 1914. – 418 с.
13. Памятная книжка Гродненской губернии на 1906 годъ / Издание Гродненскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. – Гродно: Губернская типография, 1906. – 620 с.
14. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1898 годъ / Издание Минскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. – Минск: Паровая типо-лит. Х. Я. Дворжеца и Б. И. Соломонова, 1897. – 320 с.
15. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1907 годъ / Издание Минскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. – Минск: Губернская типография, 1906. – 432 с.
16. *Перцев, В. В.* Гимнастика в русской гимназии конца XIX – начала XX веков / В. В. Перцев // Концепт: научно-методический электронный журнал [Электронный ресурс]. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <http://ekonscept.ru/2013/13076.htm>. – Дата доступа: 05.12.2019.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 45 т. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. XXVIII.: 1804–1805.
18. *Сироткина, И.* Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России / И. Сироткина // Социологическое обозрение [Электронный ресурс]. – № 2 – М., 2016. – С. 320–339. – Режим доступа: <https://sociologica.hse.ru/data/2019.html>. – Дата доступа: 05.12.2019.
19. *Слепцова, Т. В.* Спорт как форма досуга в дворянской культуре второй половины XIX – начала XX в. (на примере текстов художественных произведений) / Т. В. Слепцова // Философия и культура [Электронный ресурс]. – 2017. – № 10. – С. 1–11. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23190. – Дата доступа: 05.12.2019.
20. *Солдатова, М. А.* Роль личности в истории становления отечественного спорта конца XIX века / М. А. Солдатова // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания» [Электронный ресурс]. – 2015. – № 2(35), марг. – С. 77–81. – Режим доступа: www.grani.vspu.ru. – Дата доступа: 05.12.2019.
21. *Спащанская, В. Н.* Гимнастика и методика преподавания / В. Н. Спащанская, Д. А. Гляк. – Новополоцк: ПГУ, 2010. – Ч. 1. – 252 с.

22. Рыжов, А. Н. Образовательные приоритеты российского дворянства в последней четверти XIX – начале XX вв. / А. Н. Рыжов // Вопросы образования. – № 4 – М.: Типография «Наука», 2009. – С. 235–256.

23. Шимукович, С. Ф. Белорусские региональные элиты периода «Долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 1. – С. 3–12.

24. Шыбека, З. В. Минск гадоў таму / З. В. Шыбека. – Минск: Беларусь, 2007. – 304 с.

25. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 т. (1890–1907) / под ред. И. Е. Андреевского. – СПб.: Акционерное общество Брокгауз-Ефрон, 1904. – Т. XLI. – 692 с.

26. Encyclopaedia Britannica: in 29 vol. / ed.: H. Chisholm. – N. Y.: Encyclopædia Britannica, 1911. – Vol. XXV. – 735 p.

27. Zarys historii Towarzystwa Gimnastycznego „Sokół» w 150. rocznicę powstania (1867–2017) / pod red. R. Stawicki. – Warszawa: Centrum Informacyjne Senatu, 2017. – 25 s.

(Дата поступления: 07.12.2019).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА» 3

Матвейчык Д. Ч. Палкавыя гісторыі як гістарыяграфічная з’ява ў даследаванні паўстання 1863–1864 гг. у Беларусі 3

Мікалаева Л. В. Погляд на маскоўска-літоўскія палітычныя канфлікты ў канцы XIV – першай палове XVI стагоддзя ў польскай гістарыяграфіі XIX стагоддзя 16

Олейник В. В. Мемуарная літаратура как источник для исследований по истории органов военной юстиции последней трети XIX – начала XX веков 22

Чикалова И. Р. Национальный вопрос в Габсбургской монархии в освещении российской историографии начала XX в. 32

РАЗДЕЛ 2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ИМПЕРИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ 45

Кейко Ю. В. Ведомственные нормативные правовые акты министерства государственных имуществ о строительстве православных храмов в конце 50-х гг. XIX в. 45

Киселев А. А. Земская полиция белорусских губерний в период 1813–1825 гг. 52

<i>Шевкун П. В.</i> Формирование национальной идентичности в Беларуси (XIX – начало XX в.)	176
<i>Шимукович С. Ф.</i> Научная элита родом из белорусских земель в российских университетах в «долгом XIX веке»: проблемы изучения и интерпретации.....	192
РАЗДЕЛ 5. КУЛЬТУРА ЭЛИТ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ.....	207
<i>Бусько С. И.</i> «Из варяг в греки»: плавание кадет полоцкого корпуса в Ригу как пример системы физического воспитания нового типа	207
<i>Денисенко Е. П.</i> О сатирических журналах на идиш в Северо-Западном крае Российской империи	214
<i>Козлов О. В.</i> Состояние сети начальных учебных заведений Витебской губернии на рубеже XIX–XX вв.	223
<i>Ляневіч А. С.</i> Спорт і спартыўныя аб'яднанні ў жыцці дваранства расійскай імперыі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя.....	233

Требования к статьям в рецензируемом сборнике научных трудов «ДОЛГИЙ XIX ВЕК» В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ»

Язык изложения материала публикации – русский или белорусский, текст должен соответствовать критериям научности, правилам грамматики и орфографии.

Объем основной части статьи – от 14 000 до 25 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др., текстовый редактор – Microsoft Word. В объем основной части статьи не входят аннотации, ключевые слова, список использованных источников;

Шрифт текста статьи – Times New Roman, размер – 14 pt, через 1,5 интервала, все поля – 20 мм;

Статья должна включать следующие элементы:

- обязательно код УДК;
- название статьи на русском (белорусском, в зависимости от языка изложения) и английском языках;
- инициалы и фамилию автора (авторов) статьи на русском (белорусском) и английском языках;
- место работы на русском (белорусском) и английском языках;
- аннотацию до 10 строк на русском (белорусском) и английском языках;
- ключевые слова или словосочетания на русском (белорусском) и английском языках (важно: отделяются друг от друга точкой с запятой);
- введение, основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии), заключение. В тексте статьи структурные элементы не выделяются;
- список использованных источников, порядковые номера ссылок на источники в тексте приводятся внутри квадратных скобок (например, [1, с. 23], [2, с. 10]);
- дату поступления статьи в редакцию, подпись автора.

Текст статьи подается на бумажном и (или) электронном носителе в соответствии с представленными требованиями. Электронный вариант подается в формате xxxxxx.doc (название файла – фамилия автора статьи);

Автор дает свое согласие на размещение статьи в электронной библиотеке для включения в РИНЦ. Автор заключает лицензионный договор с РИВШ на право использования научного произведения в данном сборнике.

Для лиц, осваивающих программы послевузовского образования, обязательна рецензия (рекомендация) научного руководителя и/или кандидата/доктора наук по соответствующей отрасли науки.

Автор несет персональную ответственность за то, что предоставленные материалы публикуются впервые и являются оригинальными. Приветствуется предоставление сертификата о проверке в программе «Антиплагиат».

Статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям, с многочисленными орфографическими, грамматическими ошибками могут быть отклонены на любом этапе формирования сборника. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией. Рукописи, не прошедшие рецензию, не возвращаются и не обсуждаются. Авторы и рецензенты несут полную ответственность за содержание предоставленных в статью материалов.

Статью подавать лично по адресу: г. Минск, ул. Московская, 15, к. 319, либо на e-mail: LongXIXcnt@mail.ru.

Научное издание

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Ответственный за выпуск *С. Ф. Шимукович*

Редактор *И. М. Подоматько*
Компьютерная верстка *А. Г. Седро*

Подписано в печать 23.03.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 13,8. Уч-изд. л. 14,3. Тираж 100 экз. Заказ 100.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.